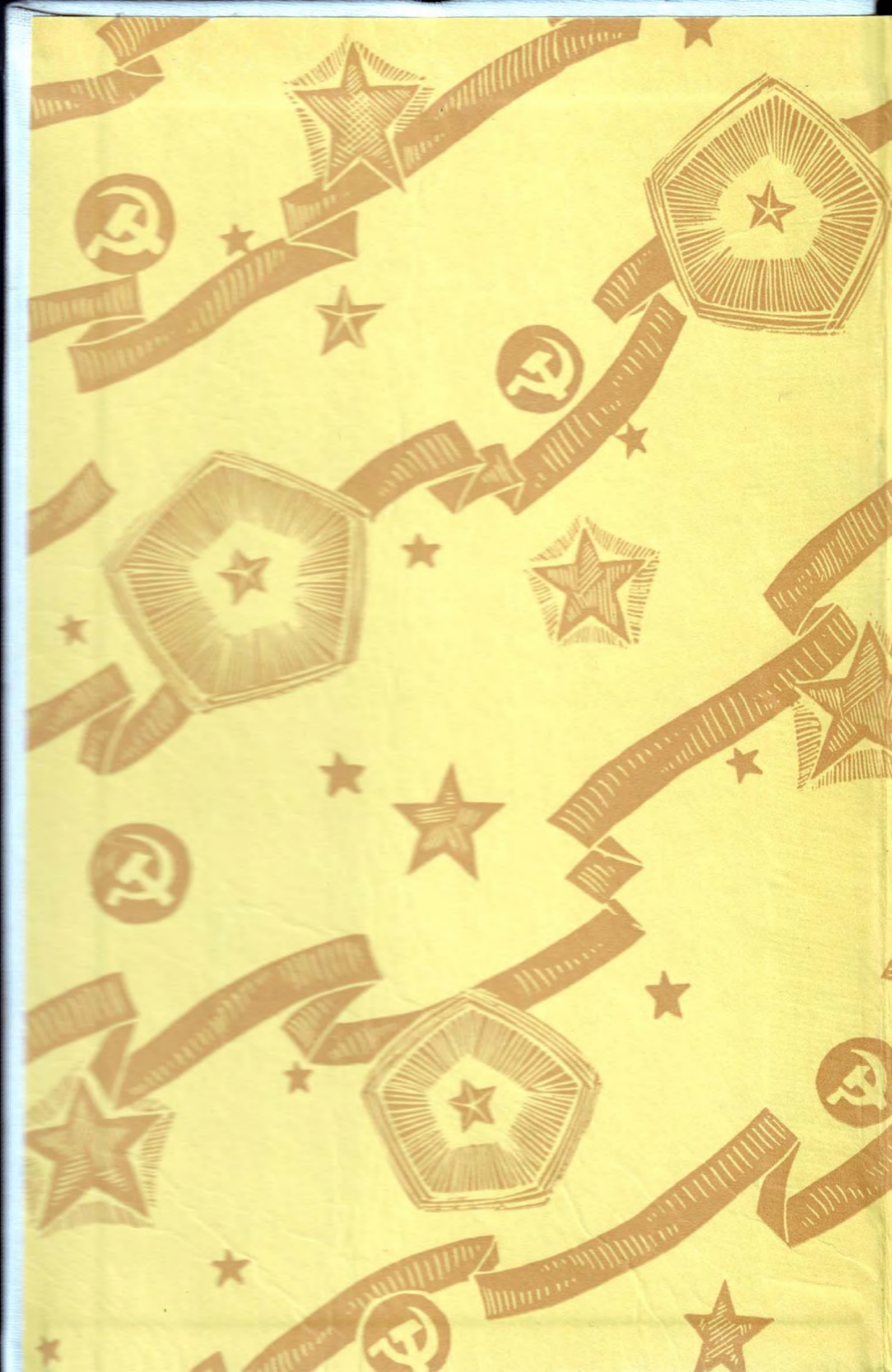

ГЕРОИ
ТРУДА

Александр Иванович

На добрую память
от друзей и близких
Китай

с любовью и
глубоким уважением!

И. Владим

С/к 1974-

ГЕРОИ ТРУДА

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1970

Целое созвездие Героев Социалистического Труда выросло на земле Прикамья. Большинство из них и поныне трудится на заводах, стройках, полях, некоторые ушли на заслуженный отдых, иных уже нет в живых. Но книга эта — обо всех, кто делами своими прославил родное Прикамье, стал примером для молодого поколения.

Их около ста. Короткий очерк рисует облик каждого. Предваряются очерки портретами и биографическими справками.

Материалы о Героях Социалистического Труда подготовили: К. Базенкова, С. Балахонов, В. Балицкий, А. Бодалев, Г. Боринский, В. Бохуа, Н. Ванин, С. Горюнов, Б. Грин, Л. Дементьев, Г. Деринг, Т. Кокоулина, А. Костарев, Н. Кузнецов, Н. Кустов, К. Латохин, И. Лепин, В. Пашин, В. Перебатов, Т. Продан, Г. Сулейманов, Э. Сычева, Н. Филиппов, Д. Чагин, Ю. Юков, И. Юхнов.

Составитель и редактор Б. Грин.

ДОБРАЯ ШКОЛА

Аликин Николай Васильевич родился в 1910 году в городе Лысьве Пермской области. Семнадцати лет поступил на Лысьвенский металлургический завод, где проработал прокатчиком до 1965 года. Затем вышел на пенсию.

Н. В. Аликин избирался депутатом Верховного Совета РСФСР; ему присвоено звание заслуженного металлурга республики. В 1958 году он стал Героем Социалистического Труда. Умер в 1966 году.

Продолжением жизни писателя служат книги, художника — картины, архитектора — дома. А он, Николай Васильевич Аликин, был металлургом, прокатчиком, его руками изготовлены тысячи тонн электротехнической стали, кровельного железа, жести.

Нигде не увековечено его имя, но о Николае Васильевиче Аликине знают, помнят и будут помнить долго, потому что осталась на заводе школа Аликина — десятки его учеников. Они-то и хранят в душе имя этого щедрого на доброту человека. Наставляя новичков, обязательно говорят:

— Аликин учил вальцевать так...

И уже третье поколение металлургов работает по Аликину.

Свою профессию Николай Васильевич унаследовал от отца, который проработал здесь же на заводе без малого пятьдесят лет. Бывало, придет после длинной смены Аликин-старший, устало опустится на скамью и смотрит на сына, размышляя: «Ужель и ему такая жизнь суждена — тяжелая, нечеловеческая?»

Потом была революция. Гражданская. Отец громил колчаковцев. И лишь когда вернулся, почувствовал, как истосковались руки по работе, по привычному ремеслу. Подбадривал подраставшего Кольку: «Ничего, теперь мы сами себе хозяева, теперь по-другому заживем — по-советски...»

Николай Васильевич начал свою рабочую карьеру в жестепрокатном цехе № 1. Профессия его называлась — садчик сутунки. В прокатном деле самая что ни на есть нехитрая. Ну, да это и естественно: не доверят же новичку сразу металл катать.

Работа шла в охотку. Уставал, правда, а не отчаивался. Особым телосложением Аликин не отличался, не был крепышом; тем не менее первые физические нагрузки перенес безболезненно. По крайней мере, не жаловался.

Отличаясь любознательностью, он быстро перенимал профессиональные секреты. И уже через четыре года стал старшим вальцовщиком. Теперь у него учились другие. Началась славная летопись школы Аликина.

... В ноябре 1944 года появился приказ директора завода: «В связи с тем что жестепрокатный цех № 2 неудовлетворительно выполняет фронтовой заказ, перевести бригаду Н. В. Аликина из жестепрокатного цеха № 1 в цех № 2».

Да, с кадрами в ту военную пору было нелегко. Большинство рабочих воевало, а заменившие их подростки не набрались еще опыта. Правда, во втором жестепрокатном отличались ремесленники из бригады старшего вальцовщика Аркадия Васильевича Астахова. Ну, так это единичный пример. Да и наставник опытный попался.

К Аликину из других коллективов направляли учиться по два-три человека. Он и его ребята делились опытом, приемами прокатки. Уступая кому-нибудь из стажеров свое место, Аликин тем временем следил, как идут дела в соседних клетях. А после подойдет, посоветует:

— Главное — держать профиль валков. Если профиль нарушится, лист получается нестандартный.

Назавтра вальцовщик сетовал:

— Вот и профиль правильный, а не получается.

Аликин без труда находил причину.

— Не следишь, дорогой, за шейками валков. Они у тебя перегреты. Отсюда и свариваемость листов. А ну-ка, дай я попробую. А ты понаблюдай...

Дела в цехе стали налаживаться. Каждая бригада теперь сверяла свои успехи по делам прокатчиков Аликина. Сам Николай Васильевич принял вызов других коллективов на соревнование. Своих ребят подбадривал, довольный:

— А ну, покажем, на что способны!

Проходил школу Аликина в то время один из лучших нынешних вальцовщиков Владимир Васильевич Жакин.

— С Николаем Васильевичем, — вспоминает он, — нам, молодым, было легко работать. Он умел объяснять, но умел и требовать. Любил дисциплинированность и корил за расхлябанность. Немало нервничал из-за ошибок новичков, но никогда их «не сплавлял». Наоборот, старался вместо хорошо обученных кадровиков принять в бригаду молодежь.

Аликин был не только хорошим производственником, но и хорошим воспитателем. Он находил время посетить любого из нас на дому, если у кого не ладилось в семье, по-отцовски улаживал конфликты. Николай Васильевич учил нас жить с огоньком, инициативно...

Профессия прокатчика стала семейной профессией Аликиных. На завод после школы пришли сыновья Николая Васильевича — Николай и Михаил. Первый — дублировщик, второй — подручный вальцовщика. Неплохо отзываются об их работе на предприятии. Им и нельзя иначе: они не только прошли школу Николая Васильевича, но и носят его фамилию.

АННУШКИН СВЕТ

Андырева Анна Ивановна родилась в 1926 году в деревне Левино Усольского района Пермской области. С начала своей трудовой деятельности работает в лесной промышленности Западного Урала. В 1957 году ей присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сейчас Анна Ивановна работает трактористкой на вспомогательном производстве в Шемейном леспромхозе комбината Уралзападолес. Она воспитывает девять детей, награждена материнскими орденом и медалями.

Пенсионерка из поселка Шемейный Евдокия Ивановна Чистякова как-то сказала заезжему корреспонденту о своих соседях, чей дом стоит прямо через дорогу:

— Настоящая герсйская семья.

Григория Фомича мужеству выучил фронт. Ему, ровеснику Октября, пришлось отстаивать завоевания революции в битве с фашизмом. А фронт — школа особая: закалку дает на всю жизнь.

С первых мирных дней открылся для Григория Фомича другой фронт, трудовой. Он повел по лесным дорогам тракторные поезда.

Анне поначалу казалось, что Григорий легко и свободно управляет с громоздким составом, что играючи руки переводят рычаги скоростей. Но она, помощник тракториста, быстро поняла, что такая легкость кажущаяся. Только сплав мастерства и воли подчиняет себе трактор и заставляет тяжело груженные бревнами сани послушно вползать на подъем, вписываться в повороты лесовозной дороги.

Внимательно следила Анна за работой мужа и незаметно для себя превратилась в старательную ученицу.

Григорий был терпелив, помогал чем мог. А однажды сказал:

— Надо тебе учиться на тракториста.

— Надо, — согласилась Анна.

И начался трудный подъем — учеба.

Потом был первый самостоятельный рейс. Навсегда он остался в памяти. Боялась? И да, и нет. Пожалуй, скорее нет. Куда больше волновались за нее муж и технорук лесопункта Русинов. Он даже лошадь запряг, и когда, прогрев мотор трактора, Анна двинулась в лес, на почтительном расстоянии следовал за ней.

Порожняком идти — еще пол-дела. Дело начнется, когда за трактором пойдет состав с грузом.

Технорук одобрительно кивнул головой, глядя, как управляемый женщиной трактор плавно взял с места сто пятьдесят кубометров леса и двинулся к нижнему складу. Экзамен был выдержан.

Десять долгих уральских зим водила Анна Ивановна большегрузные составы. И по двести кубометров забирала, случалось, за один рейс. Такие «горки» были возможны далеко не каждому мужчине-трактористу.

Анна и Григорий работали на одном тракторе и передавали его друг другу у своего дома, не глуша. И не было случая, чтобы вышел он из строя из-за аварии, водительской небрежности, чтобы не была доставлена на место заготовленная в лесу древесина. Семейный экипаж Андыревых слыл образцовым в Шемейном леспромхозе.

Как-то ездила Анна в районный центр Усолье. Вернулась домой уже поздно, но, узнав, что в клубе идет собрание, пошла туда.

Заметив остановившуюся в дверях Андыреву, директор леспромхоза С. И. Пахомов прервал очередного

оратора и пригласил ее занять место в президиуме. Смутившись, Анна прошла на сцену и тут услышала слова: «Указом Президиума Верховного Совета СССР Анне Ивановне Андыревой присвоено звание Героя Социалистического Труда».

Анна — единственная в лесной промышленности страны женщина, чьи трудовые заслуги получили столь высокую оценку. Призадумалась она: как бы работать еще лучше, чем отплатить за великий почет?

На лето в Шемейном тракторную поездную вывозку, естественно, прекращали, механизаторов занимали разными работами. Кому-то пришла тогда мысль из отслуживших свое механизмов и агрегатов собрать электростанцию. Отыскали старую массивную раму, установили на ней двигатель и генератор. Опробовали — работает!

И когда остановили на ремонт локомобиль, на окраине Шемейного затарахтела самоделка. Управлять «домашней» электростанцией поставили Анну. Кто-то бросил тогда короткую фразу: «Аннушкин свет». Он, этот свет, наполнял лампочки в домах лесников, лился ровно, неутомимо.

Такой же неутомимой знают люди и Анну. Она стала признанным мастером вождения полновесных лесных поездов. Но душа, руки ее ничуть не утратили оттого женского тепла, ласки.

Непременно надо увидеть ее дома, в кругу семьи. Случается, один ребенок у родителей — и то жалуется мать, что ей отдохнуть некогда. У Анны и Григория девять детей. Пока жива была мать Анны, Мария Васильевна, она ребятней командовала, вырастила дочери добрых помощников. Но сколько бы ни было помощников, хозяйке сложа руки не посидеть, тем более с характером Анны.

— Хочется, чтоб выросли мои настоящими людьми, — отвечает Анна Ивановна на вопрос о ее самом большом желании. И рассказывает: — Когда посчитали меня достаточно опытной, прикрепили ко мне практиканта с курсов. Стала его учить и замечаю: ученик мой по сторонам глядит больше, чем на доску да на приборы. Ну, думаю, не будет толку. Так и есть, сбежал. А был другой — Пикuleв Михаил, тоже у меня практиковался. Тот уж сам мне покоя не давал: все расспрашивал, что да как, сам норовил почаще за рычагами посидеть. И ладно получи-

лось у нас — быстrexонько освоился парень, на самостоятельную работу пошел. Вот мне и хочется, чтоб из моих трудолюбых выросли, чтоб легкой жизни не искали. Не спорые они, легкие-то радости.

Евдокия Ивановна Чистякова назвала семью Андыревых геройской. Она произнесла это слово с большим уважением, очень серьезно. Наверное, не только потому, что в праздничный день у Григория Фомича на лацкане пиджака горят ордена Ленина и Красной Звезды, на платье у Анны Ивановны — орден Ленина и звезда Героя. Геройской называют семью Андыревых за весь подвиг их жизни.

СТРАТЕГИЯ БРИГАДИРА

Антипкин Владимир Алексеевич родился в 1929 году в селе Алешино Сасовского района Рязанской области. Работал на железной дороге, служил в армии, а с 1952 года — в нефтедобывающей промышленности. Сначала он был помощником оператора по подземному ремонту скважин на Краснокамском укрупненном нефтепромысле, затем оператором и бригадиром комсомольско-молодежной бригады подземного ремонта. В 1963—1969 годах работал мастером по добыче нефти на Таныпском нефтепромысле, затем стал начальником участка добычи.

В 1966 году коммунисту В. А. Антипкину присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В семье было одиннадцать детей, жилось нелегко, и Владимир, едва ему исполнилось 16 лет, пошел в ученики к столяру вагонного депо станции Сасово. Три года в депо, потом три года в армии. К этому времени семья перебралась в Краснокамск. Туда же после демобилизации приехал и Владимир.

Обстоятельства сложились так, что устроиться на работу по своей специальности не удалось, и Антипкин пошел на промысел добывать нефть.

Нелегкими были первые шаги. Но природная смекалка и трудолюбие помогли освоить новое дело, понять, что такое нефтяная скважина. В 1963 году Владимира Алексеевича назначили мастером по добыче.

Однако с чего же следует начать? Что является главным в деле повышения производительности труда? Оглядевшись на новом месте, Антипкин решил, что в первую очередь нужно решить вопрос о кадрах.

Административным центром участка добычи нефти, который обслуживала бригада Антипкина, и сейчас является деревня Деменево. Рабочим промысла приходилось снимать у колхозников комнатки или углы. Крыша над головой да печь — вот и весь уют. В таких условиях рабочие долго не задерживались, высока была текучесть кадров.

Следовательно, главное — наладить быт. И Антипкин добился фондов на материалы, организовал рабочих, и они в свободное время начали строить свои дома. Сначала небольшие, на одну-две семьи, позже, с помощью нефтепромыслового управления, стали строить и двухэтажные, многоквартирные. Потом построили котельную и обеспечили новое жилье отоплением.

— Уговаривать долго никого не приходилось, — вспоминает Владимир Алексеевич. — Каждый понимал, что для себя строит. Поэтому, когда надумали открыть ясли-детсад и школу-восьмилетку, недостатка в рабочих руках не было. После этого и перестали люди уходить с промысла. Состав бригады с 1963 года сохраняется постоянным.

Пришлось Антипкину вплотную заняться и другой стороной дела — обучением рабочих, повышением их квалификации. В бригаде стало правилом — если сегодня лекция, присутствие на ней обязательно для всех.

А лекции эти читали и сам Владимир Алексеевич, делившийся с товарищами своим опытом, и инженеры нефтепромыслового управления.

С тех пор техническая учеба стала неотъемлемой частью жизни всех членов бригады. Учеба с отрывом и без отрыва от производства. Учеба по своей специальности. Ведь в бригаду постоянно приходит новая техника. Отстал — пиши пропало.

Смежными профессиями рабочие овладевают тоже не формы ради. Ведь как бывает? Направили, скажем,

кого-то из бригады на курсы месяца на два-три, а замены ждать не приходится. Чтобы дело не стояло, нужно уметь заменить товарища. Сейчас в бригаде уже восемь операторов, которые могут быть и электрогазосварщиками, и дизелистами, и кузнецами. По второй специальности им выданы дипломы.

Работа оператора по добыче нефти ответственна и многообразна. Он отвечает за стабильность добычи, следит за состоянием скважин. Производительность труда зависит от того, сколько скважин может обслужить один оператор. Чем рациональнее маршрут обхода, чем лучше обслуживаются скважины, тем реже нужно бывать на них, тем меньше требуется времени на обход и, следовательно, тем меньше требуется самих операторов.

Поэтому, наряду с бытом и учебой, В. А. Антипкин обратил самое серьезное внимание и на организацию труда. Начали с того, что провели «фотографирование» рабочего дня каждого нефтяника, тщательно изучили особенности скважин, состояние оборудования, режим работы. Это позволило установить, как часто скважина требует к себе внимания. Анализ собранных сведений позволил разработать рациональные маршруты обхода. А это, в свою очередь, позволило уменьшить количество операторов.

Раньше два оператора обслуживали семь скважин. При этом обходы совершались и днем и ночью. Принятые меры дали возможность перейти на обходы только в дневное время, а число операторов в бригаде сократилось с 20 до 6!

Но, может быть, решающую роль в повышении производительности труда играет полное использование новой техники. В нефтепромысловом управлении говорят:

— Бригада Антипкина у нас вроде полигона. Все новое, что поступает на промысел, в первую очередь попадает туда. Сами просят дать им такое оборудование, которое позволило бы усовершенствовать обслуживание скважин.

С новой техникой в бригаде обращаются бережно, можно даже сказать — нежно. Она находится под круглосуточным контролем. И этот контроль осуществляется до тех пор, пока техника не начнет работать безотказно. Люди знают, что их усилия в дальнейшем окупятся с лихвой.

Это подтверждают и цифры.

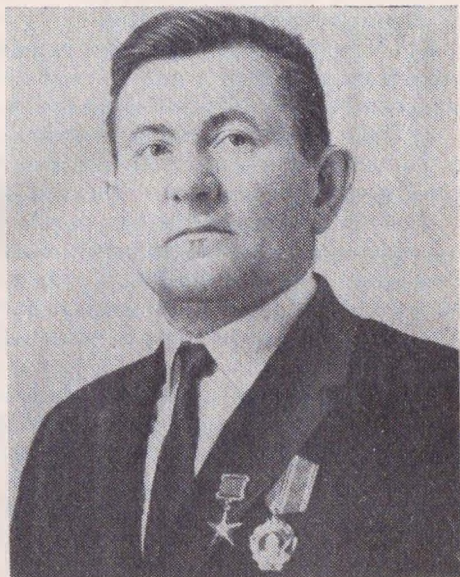
В 1963 году бригада обслуживала 36 эксплуатационных скважин, добыча нефти составляла 1200 тонн в сутки. Численность бригады — 56 человек.

В 1969 году число обслуживаемых скважин выросло до 76, добыча — до 3600 тонн в сутки, а численность бригады сократилась до 39 человек.

Сейчас руководит бригадой уже другой мастер. А Владимир Алексеевич Антипкин работает теперь начальником участка добычи нефти. Прибавилось у него забот. В его подчинении еще и бригады подземного текущего и капитального ремонта скважин, и цех перекачки нефти.

Однако не жалуется на жизнь Владимир Алексеевич. У него, Героя Социалистического Труда, большие планы, и он намерен их выполнить полностью.

ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Балдин Иван Николаевич родился в 1914 году в селе Кугалках Кировской области. До призыва в армию работал в колхозе, а после военной службы в 1938 году поступил учеником на пермский машиностроительный завод имени Ф. Э. Дзержинского. Работа резьборезчика пришлась Ивану Николаевичу по душе, поэтому он до сего дня остался верен полюбившейся профессии.

В 1966 году коммунист И. Н. Балдин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

— Подъезжаем к Перми. Стоянка двадцать восемь минут.

Иван Балдин достал с верхней полки шинель.

— Ну, братцы, счастливого вам пути, а я, кажется, приехал.

Четверо парней, тоже демобилизованных из армии, вышли на перрон, чтобы проводить товарища.

— И чего это ты вдруг решил, — недоумевали они. — Сам же говорил, билет у тебя до Кирова, ну и ехал бы домой, погулял месячишко, а уж там и за работу можно приниматься.

Иван Балдин только усмехнулся.

— Нет, ребята, твердо я решил в рабочие подаваться. А отдыхать мне некогда — учиться надо: всего три класса за плечами — с таким образованием далеко не уедешь.

Распрощавшись с товарищами, Иван Балдин пересек привокзальную площадь и вскоре очутился возле небольшого садика. На скамейке сидели несколько человек в спецовках. Они о чем-то оживленно беседовали, не обращая внимания на подошедшего красноармейца.

«Спрошу-ка я у них насчет работы — парни, кажется, заводские», — подумал Иван и кашлянул в кулак.

— Чего тебе, друг? — приветливо обратился к красноармейцу молодой рабочий.

— Посоветуйте, товарищи... Я из армии демобилизовался, хочу в Перми на завод устроиться.

— Так это же проще простого. Вон ворота — видишь? Это проходная. А справа дверь — отдел кадров. Туда и востри лыжи.

— Да я ведь, товарищи... того... без специальности.

— Ну, это пустяки — было бы желание.

Из отдела кадров Ивана Балдина проводили прямоком в инструментальный цех к начальнику.

— Демобилизованный? Очень хорошо. На кого желаете учиться: на токаря или на резбовщика?

— На токаря, — не колеблясь ответил Балдин. Эта специальность хоть понаслышке была ему знакома.

— Согласен, — кивнул головой начальник цеха, — хотя резбовщик нам нужнее. Ну ничего, освоитесь с работой, с людьми, а потом, глядишь, сами желание изъясите перейти на резбоучасток.

Так оно и случилось. Когда Иван уже получил разряд токаря и начал успешно выполнять норму на черновой обработке деталей, на резбовой участок срочно потребовался человек. Начальник цеха вызвал к себе Балдина.

— Присмотрелся я к вам за эти полгода — чувствую, настоящий работник из вас получится. Не буду скрывать: главное ваше достоинство — стремление самому докопаться до сути, а не довольствоваться скольжением по поверхности. Потому и предлагаю вам перейти в резбовщики. Работа творческая. Для вашего характера самая подходящая. Правда, грамотешка у вас слабенькая, но эта беда поправима. На заводе открываются курсы ма-

стеров социалистического труда, поможем вам устроиться без отрыва от производства. Ну так как, по рукам?

Мог ли Иван Балдин отказаться от такого предложения! Мог ли не оценить, что выбор пал именно на него. Значит, всей своей последующей работой он должен подтвердить правоту этого выбора.

Ивана Балдина прикрепили для обучения новой специальности к опытному токарю-резьбовщику. Две смены наблюдал новичок за действиями своего наставника, потом попросил разрешения поработать самому. Каково же было удивление учителя, когда Иван снял со станка готовую деталь, сделанную не хуже, чем получалась у опытного резбoвщика.

— Э, друг, да ты, я вижу, мастак, — почесал в затылке учитель. — Давай-ка мы с тобой договоримся посменно работать — завтра выходи во вторую. Я тебе настрою станок, и жми самостоятельно. А то знаешь, как говорят: ученого учить — только портить.

День, другой работает Иван самостоятельно. Выдает деталей столько же, сколько и его учитель.

Учитель доволен своим подопечным: детали, сделанные Балдиным, идут в зачет ему. А ученик не рад. Не велико дело научиться по готовой настройке гнать резбу. Ему другое важнее — освоить настройку. Умом понять, а не зазубрить механически. Попросил учителя, а тот ему: «Погоди, всякому овощу свое время».

И пришлось Ивану настройкой станка овладевать самостоятельно. Приходит он на смену — первым делом сбивает приготовленную настройку. И начинает сам колдовать над станком. На другой день при пересменке учитель недоумевает:

— Чего ты так мало нарезал? Ленишься работать?

«Учеба» Ивана окончилась тем, что мастер, узнав от других рабочих о недобросовестности учителя, дал ему хороший нагоняй, а Балдина поставил к станку на самостоятельную работу.

Было это в 1938 году. С тех пор работает Иван Николаевич токарем-резьбовщиком. Более трех десятков лет на одном участке инструментального цеха. Достиг он в своем деле наивысшего мастерства. И многих других научил сложному своему искусству.

— Упорство и вера в свои силы — вот, пожалуй,

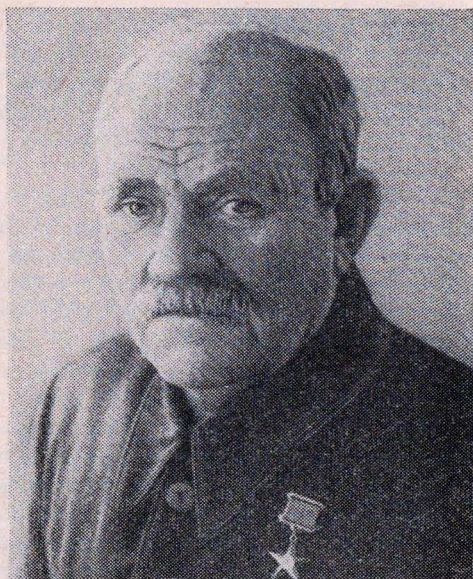
главное, чем должен обладать человек, чтобы стать творцом. А творчество — высшее назначение человека.

Так отвечает Иван Николаевич Балдин, когда в школах, куда его частенько приглашают выступить перед выпускниками, ребята спрашивают о жизненном идеале, о поисках путей к нему.

— Творчество — это как раз то, что в нашей стране уравнивает всех людей независимо от их общественного положения, возраста, специальности. Колхозник, рабочий, академик, поэт, музыкант — каждый в своей области будет мастером только в том случае, если к порученному делу он будет относиться, как творец, а не как бесстрастный исполнитель, видящий в труде только средство для существования...

Может быть, сказано это чуть-чуть по-книжному, но люди, знающие И. Н. Балдина, вряд ли заподозрят его в заимствовании чужих мыслей. Потому что жизнь этого человека, проходящая на глазах заводского коллектива, была построена в строгом соответствии с его убеждениями, с его принципами. И сам он, ставший Героем Социалистического Труда, — лучший пример того, что в нашей стране труд — творчество.

ПАХАРЬ

Балмашев Николай Иванович родился в 1905 году в деревне Любимово Пермского района Пермской области. В 1930 году стал членом колхоза «За оборону». Окончив курсы при Пермской МТС, начал работать трактористом, был назначен бригадиром тракторной бригады и оставался им пятнадцать лет. За получение высоких урожаев в 1946 году Николай Иванович удостоен звания Героя Социалистического Труда. В 1948 году он вторично награжден орденом Ленина.

Сейчас Н. И. Балмашев находится на пенсии.

Как же это его занесло-то? «Универсалишко» чуть через канаву не перекинуло. Мотор ревет во всю глотку. Радиатор в небо глядит... Углан хоть цел ли? Цел, слава богу... Бледный от испуга. Шапчонка упала, видно, когда трактор на попа запрокинуло. Мокрые волосы — льяным оческом на лбу.

— Ты что же это, а? Машину угробить захотел? Самому жить надоело?!

— Да я, дядя Коля... Тяга воздушной заслонки, видно, это... Вырвалась — ну и...

Ну и пошел мотор вразнос. А где же Володьке, чуть не пацану, да ведь и без ноги почти — инвалид он после детского паралича, — удержать разъярившийся колесник? Трактор рванул через канаву, встал на дыбы, мотор воеет, Володька ничего поделать не может.

— Дядя Коля, я его... А он руль рвет...

Это он у тебя, углан, руль рвет, а нас послушает. Перекрыть горячее, скорее перекрыть горячее, все остальное потом. Что остальное? Вытаскивать надо, вот что. Нагоняй будет в МТС, вот что. Да все равно надо туда, в МТС.

— Ну, Володька, жди!

На лошадь — и в мастерскую. Уж и влетит, конечно. Но что обиднее всего самому — полдня пропадает. Ну, не полдня, а часа два-три — непременно. Да ведь в какое время! Самая жаркая пора для тракториста. Самая жаркая... А когда она не бывает жаркой, пора тракториста? Нет такого времени, если ты настоящий пахарь. Он, Балмашев, — настоящий. Любит говорить: «Мужиком родился — мужиком и помру». И правда, сколько себя помнит, столько и крестьянствует.

Он пахарь, Балмашев. Нелегкая крестьянская наука — в крови у него, в руках. Да ведь и надо понимать, какое время!.. Ах ведь, Володька, углан такой! Хорошо, не во все трактор запорол, вытащить только, да время-то, время-то золотое уходит, как дождь в пашню!

Ехал убранным полем, вспоминал, сколько дней и ночей скоротал тут, возле тракторов, помогая бригаде. Раз культивировали, да другой еще. А уж после перепахивали. Председатель приезжал сам работу принимать:

— Хорошо поле исцарапали? Плохо вспашете — пеняйте на себя!

Да не к чему придаться: обрабатывали основательно. Хоть чем приезжай мерить: пятнадцать сантиметров глубина. А уж как перепахали — самый пух и получился. В эту мягонькую землю садили картошку, прямо в гребень. Трактор еле идет, бывало. Колхоз потом конным катком придавил — и уж больше пока не трогали. Когда поднялись кусты, бригада Балмашева снова сюда явилась. Начали окучивать. Да еще за окучником-то сам ходишь: не сдвинуть бы где, не помять ботву. Прошло две недели — и опять окучили. Поглядеть любо-милло: каждый куст, как плетнем, опоясан. Зато и убирать было что.

А ведь сомневались некоторые. Вот тут, недалеко, поле колхоза «За оборону», пополам разрезанное дорогой. Весной стояли на той дороге два бригадира и то в крик кричали, то тихонько друг друга уговаривали.

Колхозный бригадир приказывал:

— Перепахивай, будем картошку сажить.

Тракторный не соглашался:

— Прокультивируем еще раз.

Табаку пол-осьмушки искурили. Наконец договорились: тут пахать, а там культивировать вкрест. По одну сторону дороги Володька на своем «Универсале» боронами пылит, по другую — Василий Павлович Субботин двумя лемехами землю пластает.

Просчитался колхозный бригадир. Когда понял, что напрасно трактористам работы жалел, повинулся.

— Так-то, — говорит, — и вправду лучше.

Николай Иванович считал: за что его хвалить? Что тут такого? Иной работы он и не представлял. А что днюет и ночует в бригаде — дело обычное. За каждым трактором надо углядеть. Главное — чтобы порядок в бригаде был, чтобы никакая мелочь не могла вышибить тракториста из седла. Клапаны сгорели? Вот они, всегда в запасе. Что-то серьезное — бригадир тут как тут.

Да ведь и бригада — это не только тракторы, это и люди. Тот же Володька Федотов. Трудно ему с искаленной ногой, да ведь он старается. А уж Василию Павловичу Субботину? Он и вовсе без ноги. Вернулся в сорок четвертом с фронта, полгода в правлении посидел, к протезу привыкал, а потом пришел на трактор. Положиться можно: фронтовик. Да еще один фронтовик, еще один Субботин, Василий Григорьевич, тоже человек надежный. Зато третий Субботин, Володькин дружок Анатолий, — архаровец. За этими чуть не углядишь — получай подарок вроде сегодняшнего.

...До МТС уже рукой подать. Найдется ли, кому за федотовским трактором сгонять?

Работали как надо. В газете потом крепко хвалили. И по радио говорили, что очень нынче отличилась бригада Николая Ивановича Балмашева из Пермской МТС. Говорили о ранах, которые надо залечивать, о городах, которые надо поднимать из пепла, о ребятах, которых тоже надо растить-поднимать, чтобы здоровели да росли скорее, работниками становились на обожженной, но

оживающей земле. И вот они, бригада — два юнца, бывший солдат, еще один фронтовик-инвалид да бригадир Балмашев, — вершат свой трудовой подвиг на этой земле, — так радио говорило, — потому что сколько народу той уральской картошкой, тем уральским хлебом будет живо!..

Балмашев свою работу героической не считал. Он не мог, не умел трудиться иначе и требовал от других настоящего дела. А оттого, что сам не жалел ни времени, ни сил, понимала и принимала его требования бригада. Одного трактора хватало, чтобы перепахать вовремя землю целого колхоза «За оборону». Кстати, вспомнить, премировал колхоз трактористов за это штанами... Не будь порядка и дисциплины — не было бы такой работы.

Порядок... Какой же это порядок, если вот только что застрял Володька Федотов и сидит «Универсал» в канаве, задрал радиатор!

...Нагоняй, конечно, был. Попотел Балмашев, пока выпросил трактор. Да и вправду сказать: откуда взять лишний тягач в горячее-то время? Нашли. Вытащили федотовскую машину. Еще час ушел на то, чтобы привести ее в порядок. Володькин «Универсал», как конь стоялый, с веселым рокотом кинулся в борозду. Балмашев знал: сейчас парень будет стараться изо всех сил, больше не подведет. У него впереди почти полсмены, да еще прихватит, чтобы упущенное наверстать. И его, бригадировой смене конца пока видно не было...

С дороги еще раз оглянулся. По полю скользил желтый огонек «летучей мыши» на федотовском тракторе.

Стояла поздняя осень первого послевоенного года, трудная и неожиданно щедрая. Щедрой была земля для тех, кто любил землю, и благодарны были люди тем, кто любил людей. Щедрой была Родина: за успехи именно в том, крутом и тяжком году назвала она Николая Ивановича Балмашева Героем Социалистического Труда.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ

Балуев Михаил Трофимович родился в 1929 году в деревне Егоршата Верещагинского района Пермской области. Служба на флоте привила деревенскому пареньку любовь к технике, и после демобилизации он поступает работать на железнодорожный транспорт. После окончания дорожно-технической школы ездит на паровозе кочегаром, помощником машиниста. Оканчивает Пермскую трехгодичную школу машинистов электровоза, а потом без отрыва от производства — Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

В 1966 году М. Т. Балуеву присвоено звание Героя Социалистического Труда. Его выдвинули на должность заместителя начальника Пермского локомотивного депо.

В настоящее время М. Т. Балуев — слушатель Свердловской Высшей партийной школы.

— Миша, где будешь искать неисправность, если предохранитель цепи управления перегорит при переходе с двадцать седьмой на двадцать восьмую позицию?

— А какой серии электровоз — ВЛ? Гм... Минутку... Причину надо искать в цепи провода, который подключается на двадцать восьмой позиции. На электрической схеме он обозначен цифрой 6.

— Верно. А вот если...

Молодых людей отвлекает от занятий свисток электровоза. Сидя в скверике, они видят, как из-за поворота выносится поезд. Михаил и его товарищи провожают глазами быстро мелькающие крыши вагонов. Скоро, очень скоро они, нынешние курсанты, тоже поведут поезда. И пусть тогда кто-нибудь угонится за ними в мастерстве!

А пока — занятия. Курсанты добросовестно штудировали электротехнику, разбирали устройство электровоза, экзаменовали друг друга на знание электрических схем и возможных неисправностей локомотива. Транспорт не любит неграмотных, жестоко наказывает за легкомыслие. Зато нет, наверное, на земле другой такой интересной работы.

Михаилу Балуеву нравилась беспокойная, всегда на колесах, жизнь. Она давно стала его стихией. И он не мог дожждаться того заветного часа, когда сдаст последний экзамен и машинистом поднимется на мостик электровоза.

Этот час наступил. Поезда, которые начал водить молодой машинист, следовали строго по графику. Даже если Балуев принимал их уже «выбитыми» из расписания, он умело, «нагоняя» на каждой минуте, снова вводил их в график, и на соседнее отделение они передавались точно в назначенное время.

Но не только это отличало Балуева. Он не представлял работы без использования всех возможностей. Электровоз может быть на редкость экономичной машиной: накачал в главные резервуары воздуха — и спокойно опускай пантограф-токосниматель, если поезд надолго остановился на станции. Его можно поднять в самый последний момент, незадолго до отправления. А при следовании по затяжному уклону, благодаря так называемому электрическому торможению, электровоз из потребителя энергии превращается в ее производителя. Получая из контактного провода эту энергию, другой локомотив может тем временем преодолевать крутой подъем.

Конечно, об этом знали и до Балуева. Чусовские электровозники, например, успешно боролись за экономию электроэнергии, одновременно развивая вождение тяжеловесных поездов. Берегли энергию и пермские машинисты. Но ведь каждое дело можно выполнять еще лучше!

Однажды Балуюв не выдержал — пригласил группу знакомых машинистов в партком.

— Мы, коммунисты, — говорил он, — не можем мириться с тем, что из всех расходов депо две трети составляет плата за пользование электроэнергией на тягу поездов. Надо внести серьезную поправку в эту статью. И мы в состоянии это сделать. Вот глядите сюда... — он провел на листе бумаги прямую, изображающую путь. — Это одна станция, это — другая...

Суть его объяснений сводилась к тому, что экономно расходовать электроэнергию можно не только на уклонах, но, при умелом вождении поезда, буквально на любом пикете, как это делает шофер, максимально используя силу инерции. Разогнал поезд как следует — и сбрасывай рукоятку контроллера на нуль! Сбереечь две-три сотни киловатт-часов за рейс — разве плохо? Один машинист такой счет откроет, потом другой, третий — глядишь, в сумме-то и набежит кругленькая цифра.

Разговор пошел на пользу. Многие машинисты после этого стали более творчески относиться к работе. Сам Михаил Трофимович сэкономил за семилетку свыше 160 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

По инициативе Балуюва в депо укрепились связи между локомотивными бригадами и ремонтниками. Взаимный обмен опытом выгоден и тем и другим.

Такое пристрастное отношение к делу должно было снова привести к технической литературе, к углублению теоретических знаний. И машинист Балуюв подал заявление в институт.

Он уже закончил четыре курса Уральского электро-механического института инженеров железнодорожного транспорта, когда в депо пришла радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР пермскому машинисту М. Т. Балуюву присвоено звание Героя Социалистического Труда.

ВОСЕМЬСОТ ЭТАЖЕЙ

Березин Петр Афанасьевич родился в 1911 году в деревне Яган Частинского района Пермской области. Его биография строителя началась в 1931 году, в пору индустриализации страны. Был землекопом, чернорабочим, механизатором. Последней профессии Петр Афанасьевич остается верным по сей день, спустя почти сорок лет работы на стройке.

За эти годы П. А. Березин участвовал в сооружении едва ли не всех жилых домов Кировского района Перми, многих заводских корпусов, Дворца культуры — всего, что поднялось на месте соснового бора Закамска. В 1958 году строители Пермского треста № 6/29 поздравили своего товарища с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда.

Таежная, петляющая среди сосен Закамья тропа... Для многих она стала потом дорогой в большую жизнь. Шли по ней жадные до работы люди, умеющие валить вековые деревья, пни корчевать и лопатами перемещать тысячи кубометров земли. Они строили первые бараки, закладывали фундамент далекого-далекого города.

Вместе со всеми начинал и Березин. Была весна 1931 года — горячее время, быстрое. Страна спешила, строила. Тысячи людей копали землю, пилили тес, делали кирпич, на мускулах своих поднимали громаду зданий.

Кирпич, бетон, раствор — все это надо было тянуть вверх. А чем?

В ту пору Петр Афанасьевич и выбрал себе новую профессию, не привычную еще для строек, — стал механизатором. Мастерил из бревен краны-укосины, грузил их на вozy и доставлял на стройку.

Первые механизаторы. Как не похож их труд на работу нынешнего хозяина стройки! Ни бульдозеров, ни автокранов, ни даже плохоньких лебедок не было у первых строителей Закамска. Все подспорье — веревка да бастрык. Но видел Березин, с каким энтузиазмом трудились люди, и сам забывал об усталости. Он мастерил все новые краны, на ходу облегчая их, делая удобнее и послушней. Был счастлив, видя, как радостно светились глаза у строителей, получавших его «технику».

Шли годы, красивее и богаче становилась жизнь, росла стройка. Но в 41-м началась война.

«На фронт», — о другом Березин не думал, отправляясь в военкомат. А там сказали: фронту люди действительно необходимы, но разве в тылу, тем более на Урале, они не нужны?

О том, как тяжело пришлось в военные годы, Березин мог бы рассказывать много. Но вот перед ним записи бывшего управляющего трестом Кузьмича. Обжигающие строки: «Меня волнуют ночные сильные морозы. Тишина, ни зверья, ни птиц — все замерло. Вчера ночью нашли в снегу рабочего. Спасти не удалось. Обессилил, замерз».

Еще одна запись: «Вот в траншее землекопы. Глубина девять метров. И все вручную. Запомнились слова бригадира Шамсудинова: «Мои сыновья бьют немцев на подступах к Москве, а я отсюда бью фашистов киркой, ломом и лопатой. На вершине вала выброшенной нами земли установлено знамя. Мы взяли его, выдав на брата по десять кубометров земли за смену».

Березин работал как все. В те тяжелые годы начался его путь к героическому званию. Но прежде, чем получил он свою награду, всем им — строителям Закамска — был вручен орден Отечественной войны. Выходит, дела строителей и впрямь к ратным подвигам приравняла Родина.

Сегодня о том времени Петру Афанасьевичу напоминает не только орден «Знак Почета», но и множество за-

водских корпусов, кварталы жилых домов... А жизнь не стоит на месте. Уже четверть века Петр Афанасьевич приходит на стройку мирных дней.

Часто вспоминают в Закамске, как надумал Березин «перетащить» башенный кран с одной площадки на другую, не разбирая его. Только что был закончен монтаж блочного дома. Чтобы бригада монтажников не простаивала на новом объекте, там срочно нужен был подъемный механизм. А где его взять? Тогда и услышали в конторе мастеров хрипловатый голос Березина: «Перевезем кран на новое место без демонтажа». Согласились. Тем более, что березинская бригада уже возила на одном из объектов краны. Правда, там были маленькие механизмы, но все же.

Подвели вторые подкрановые пути, устроили площадку для разворота. Тянуть решили трактором. Приготовились, но старт отложили до утра. Не спалось бригадир в эту долгую ночь. Верил: получится. Но слышал он — на других стройках тоже нередко падали краны.

Чуть свет пришел Березин на стройку. Сам ощупал крепления, прикинул, пойдет ли. Уверился. Но когда натянулся струной трос, зачalenный к трактору, кран не шелохнулся. Машина оседала в песчаную дорогу.

Бригадир задумался. А знавшие его близко товарищи поняли: что-то нашел, обмозговывает. Собственно, велосипеда он и на этот раз не изобрел. Просто предложил пропустить тяговый трос через полиспасть. И стальная, почти стотонная громада крана сдвинулась, пошла. Благополучно перебрался кран через дорогу, развернулся, и тут монтажники встретили его дружным «ура».

Сам Березин уже забыл об этом шумном успехе. Может, потому, что кранов в тресте теперь много, а скорее всего потому, что считает это эпизодом, каких была в его практике добрая сотня. Да и недосуг ему ударяться в воспоминания. По-прежнему он остается на главном участке работ: собирает растворные узлы, устанавливает лебедки, подъемники, монтирует краны.

Тросовые краны, изобретенные в тресте, работают в Средней Азии, в Прибалтике, на Дальнем Востоке, на Севере. А мастерили первые образцы их во «владениях» Березина — механических мастерских четвертого управления.

Собрали тот первый кран быстро. Но пойдет ли? Если да, то простейшее приспособление, состоящее из натянутого по всей длине здания троса, кронштейна и лебедки, позволит подавать груз в любое окно, на любой балкон здания, стоящего на отделке.

Но при первой же пробе каретка дошла до кронштейна и свернула ему «шею». На место происшествия, под самый карниз, полез Петр Афанасьевич. Ему доводить механизм до полной готовности, значит, и причину должен узнать он сам.

С присущим ему терпением доводил Березин новый тросовый кран до совершенства. Тоже не все получалось сразу. Но об этом сегодня уже почти все забыли. Потому что эти самые краны работают сейчас как часы. К ним привыкли и уже не представляют, как без них вести отделку домов.

И сам Петр Афанасьевич начинает забывать, сколько доброго сделал для людей. А построил он много. Если бы сложить все дома, на которых работал Березин, то крыша получившегося небоскреба уйдет за облака. И много потребуется времени, чтобы добраться до восьмисотого этажа Петра Афанасьевича. Но он говорит, что этот дом-гигант строил не один. Верно: вместе со всеми строителями Закамска.

РУКИ РАБОЧИХ

Борисов Григорий Макарович родился в 1912 году в селе Карасево Пермско-Ильинского района Пермской области. Участник Великой Отечественной войны, был демобилизован после тяжелого ранения. Ветеран лесной промышленности Прикамья. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями.

В 1957 году Григорию Макаровичу Борисову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сейчас Г. М. Борисов пенсионер.

Они никогда не знали праздности. Всю жизнь в труде.

Смотришь на его руки, читаешь на них суровые отметины времени, следы нелегкой судьбы, и невольно припоминается песня:

Руки рабочих,
Вы даете движенье планете.
Руки рабочих,
Мы о вас эту песню поем.
Руки рабочих
Создают все богатства на свете,
Землю родную прославляя трудом.

Его детство оборвалось рано. Умерла мать, на гражданской войне погиб отец.

У деревенской ребятни трудовой путь начинается одинаково: с огорода, пастьбы, сенокоса. Чуть наберется силенок — новая ступень, повыше: пахота, сев. По всем ступенькам прошагал Григорий, к тринадцати годам он вырос в заправского работника.

С организацией колхоза полегче стало — вместе всегда спорее. А тут как раз на лесозаготовки послали. Эта работа пришлась Григорию по душе. Вернулся домой, а в голове все та же дума: крестьянствовать привычно, но там, в лесу, размах какой! И газеты зовут: «Пятилетке — ударные темпы! Больше леса стране!»

На зиму ушел на лесозаготовки. Укрепился в своем желании. И остался в лесной промышленности на многие десятилетия, вплоть до пенсионных дней.

Развернулось по стране стахановское движение. Из газет узнавали, что по-стахановски не только уголек рубать можно, но и другие дела делать. Значит, лес рубить по высоким нормам тоже можно?

Нужно! И загремела вскоре по району, по области слава бригады Борисова. Один из первых стахановцев в лесу — таким знало Прикамье тридцатых годов Григория Макаровича. Он умел работать с жаром, отдавать делу всего себя. Умел сплотить людей так, что даже лодырям приходилось быстренько перестраиваться.

Зимой — заготовки леса. С весенним половодьем — горячка сплава. Лучковую пилу, «лучок» в обиходе, или багор, крепко держат умелые рабочие руки. Стахановец в лесосеке — стахановец на сплавной реке. Идет привычная работа. Страна строит социализм.

Потом пришла другая вахта — фронтовая. И уже не мирное, а военное оружие крепко держат рабочие руки. Далеко от родной Камы воюют уральцы, яростно отстаивают каждую пядь советской земли. Пролилась кровь Григория. Отвоевался солдат: к лету сорок третьего был дома — плетью повисла раненая рука. Правая рабочая рука.

По-разному проходят люди через такие испытания судьбы. Один ожесточится, уйдет в себя, станет тяжкой обузой для тех, кому обязан быть опорой. Другой — не согнется, найдет в себе силы, чтобы снова занять на земле свое место. Борисов из таких.

Какая там, на Онинском лесопункте Чермозского леспромхоза, была хирургия! Кто подал солдату единственно правильный совет: тренировать раненую руку, чтобы вернуть ей подвижность? Кто внушил ему мысль о долготерпении? Только Григорий сумел вернуться в рабочий строй.

Начинал после фронта сторожем. Да по его ли характеру эта стариковская должность! Выпросился в коногону на узкоколейку. Сызмальства знакомое дело — лошадь запрягать. А вот одной рукой запрягать как? Бывало, помогали, кто рядом оказывался. Бывало, сам маялся, заставляя работать правую руку.

Она обрела силу не через год и не через два. Как раз к тому времени появились в лесу первые электрические пилы К-5. Увидел их Григорий Макарович — отправился к начальству: посылайте на повал.

— Сдюжишь?

— Сдюжу!

Вернулся в рабочий строй Борисов. Вернулась к нему и рабочая слава. Снова перекрываются нормы, снова ставят Борисова в пример другим.

К почетным грамотам, свидетельствам его трудовых заслуг, прибавляются первые правительственные награды. А потом присвоили Григорию Макаровичу звание Героя Социалистического Труда. Это была награда его рабочим рукам, награда упорству, трудолюбию.

Подошло время выходить на пенсию. Для Григория Макаровича наступила пора заслуженного отдыха. Только к отдыху не привычны рабочие руки — так и ищут работу. А ведь совесть может быть спокойной: добрую смену вырастил себе Григорий Макарович с супругой, матерью-героиней Ефросиньей Лупентьевной. Еще и отец в лесу трудился, а бок о бок с ним уже работали старшие дети: сучкорубами, трактористами, чокеровщиками. Рабочие руки отца передали трудовую эстафету рабочим рукам детей.

В условиях Мотовилихи это требование воспринималось двояко. С одной стороны, надо было технически перевооружать завод, с другой — всемерно способствовать решению этой задачи на других предприятиях, поскольку Мотовилиха располагала достаточными возможностями. Угольщики, нефтяники, химики, работники других отраслей промышленности поспешили разместить на пермском заводе наиболее ответственные заказы, и следовало сделать все возможное, чтобы их выполнить.

На этом пути у коллектива вырабатывалось драгоценное чувство ответственности за дела в стране. Каждое новое задание воспринималось с сознанием его важности и необходимости.

Курс, взятый коллективом Мотовилихи и ее директором А. И. Быховским, оказался плодотворным. Это отчетливо проявилось, когда началась Великая Отечественная война и завод стал работать по заданиям Государственного Комитета Обороны. Не было такого задания, с которым бы мотовилихинцы не сумели справиться.

Один за другим на фронт уходили эшелоны с грозной боевой техникой. Смертоносный артиллерийский огонь уничтожал живую силу, батареи, танки, укрепления врага. Советское командование неизменно давало высокую оценку боевой технике, сработанной на Мотовилихе.

У завода-гиганта были и другие важные обязанности. На его базу опирались многочисленные предприятия, эвакуированные из временно оккупированных районов страны. Он обеспечивал полуфабрикатами большинство заводов, работавших для нужд фронта, снабжал их сталью и прокатом. Значительной была его помощь угольной, нефтяной и другим отраслям промышленности, а также сельскому хозяйству Западного Урала.

В те грозные дни директор завода А. И. Быховский крепко держал в руках все нити управления огромным предприятием. Его авторитет был непоколебим, его приказы выполнялись безоговорочно. Рабочие Мотовилихи, которые всегда отличались высоким сознанием своего долга перед Родиной, в ту трудную пору проявили образцы трудового героизма.

Уже в июне 1942 года, по представлению Государственного Комитета Обороны, Абрам Исаевич Быховский был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Примечательна и другая сторона деятельности коллектива завода и его руководителя в военное время. Создавая боевую технику для нужд фронта, мотовилихинцы не прекращали борьбу за высокую эффективность своего производства, начатую еще в предвоенные годы.

Ключом была творческая инициатива рабочих и инженерно-технических работников. Не прекращался энергичный поиск скрытых резервов повышения производительности труда, улучшалось использование металлургических агрегатов и станочного оборудования. Только за три года войны заводские рационализаторы сэкономили стране 65 миллионов рублей. Совершенствование технологических процессов позволило сэкономить десятки тысяч тонн стали и проката, на 70 процентов сократить расход цветных металлов.

Напряженная работа для нужд фронта, во имя победы требовала полной отдачи сил и энергии. Но она же закалила коллектив, способствовала тому, что на заводе выковались замечательные кадры рабочих из числа молодежи и превосходные инженерные силы. Директор завода А. И. Быховский внимательно следил за ростом кадров и по-партийному управлял этим процессом.

Самоотверженный труд коллектива Мотовилихи получил высокую оценку Коммунистической партии и Советского правительства. Многие рабочие и специалисты были награждены орденами и медалями. Высокие правительственные награды увенчали заводское знамя. Тех же орденов, что и завод, был удостоен его директор.

Сразу после Победы в адрес А. И. Быховского и других руководителей завода поступила телеграмма, в которой Государственный Комитет Оборона дал исключительно высокую оценку деятельности коллектива Мотовилихи: «Ваш самоотверженный труд оказал большую помощь нашей Красной Армии в разгроме гитлеровской Германии и победоносном окончании войны».

...Идут годы, выросло новое поколение, которое не знало войны. Мирную трудовую вахту несут труженики пермского четырехжды орденоносного машиностроительного завода имени В. И. Ленина. Но в памяти мотовилихинских ветеранов навсегда осталось героическое время войны, бессонные будни уральского тыла, друзья и товарищи тех лет, с которыми пройден незабываемый путь.

Когда в канун столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина в гости на родной завод приехал его бывший директор, было о чем вспомнить ветеранам.

Абрам Исаевич Быховский узнавал и не узнавал своих старых товарищей. Многих из них убелила седина, уже дети, а у иных и внуки теперь работают на заводе. Мотовилиха и для них стала родным домом.

Он испытал радостное волнение от этой встречи, гордостью за дорогих соратников и друзей полнилось сердце.

А они гордились им, своим боевым директором, Героем Социалистического Труда, одним из капитанов советской индустрии.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Васильев Петр Иванович родился в 1929 году в деревне Семушино Сошихинского района Псковской области. Еще подростком начал работать в лесу и уже более четверти века трудится в лесной промышленности Пермской области. Герой Социалистического Труда П. И. Васильев является техническим руководителем Вижаихинского лесопункта Красновишерского леспромхоза.

Лесные поселки стареют быстро. Давно ли построенная на высоком холме Песчанка оживляла бескрайнюю хмурую тайгу свежесрубленными домами. Сейчас посерели стены и крыши домов. Не сразу разберешь, где поселок, слившийся с темно-зеленым лесом.

— Давно бы покинули Песчанку люди, разъехались в другие места, если бы не Васильев, — говорят в Красновишерском леспромхозе.

Неужели от одного человека так много зависит?

Да. Такое случается.

Более двухсот человек живет в поселке. На основных работах занято меньше пятидесяти. Остальные — старики, ребята.

У каждого свои заботы. А в леспромхозе спрашивают в первую очередь: «Как идет план?» Вот и крутится Васильев каждый день как белка в колесе. Дел уйма.

Впрочем отыскал он главное звено в большой цепи дел. Если позаботиться о людях — обеспечить их работой, для житнейских нужд все возможное сделать, — они отдадут производству все свое умение, всю силу. В этом Петр Иванович убедился давно.

В Песчанке он появился десятилетним парнишкой: семья переехала сюда из Псковской области. Работать стал с пятнадцати лет. Возил на лошадях воду, сено, потом был сучкорубом, вальщиком, бригадиром на верхнем складе. Хотелось доказать, что в его силах многое.

Доказал. Это подтверждают медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», орден Трудового Красного Знамени и звание Героя Социалистического Труда.

Освоил Васильев почти все лесные специальности. Потом пошел учиться на мастера.

Вот строки из характеристики, которую написал начальник лесопункта вскоре после возвращения Петра Ивановича с курсов: «Работал лесорубом, возчиком, грузчиком, сплавщиком. С 15 января 1954 года работает мастером... Чувствуется любовь к лесному делу. Очень энергичен и инициативен, исполнительен, не считается со временем, подает хорошие надежды на будущее».

Не ошибся начальник лесопункта в оценке.

Все новое в лесном деле быстро постигал Васильев. Еще будучи бригадиром малой комплексной бригады, внедрил трелевку лебедками Л-19. Пятьдесят кубометров за смену давала эта лебедка вместо тридцати двух запланированных.

Челночный способ, узкие ленты на участке стали обычным и понятным делом. А намораживание дорог в два раза увеличивало оборачиваемость лесовозов.

Став мастером, крепко взялся Петр Иванович за новое дело. Но лес не растет, как грибы после дождя. С каждым годом удлиняется дорога до лесосек. Тратить на проезд и работу полсуток, а зачастую и больше, тяжело. Зимой, хорошо зная лес, еще умудряется мастер обеспечить все три бригады работой. Летом куда тяжелей с лесозаготовками. Однако есть другая большая забота: восстановление тайги.

И поселок бодрствует, пользу приносит. И в его биографии вся жизнь старшего мастера.

О себе он всегда заботился мало. Даже об образовании стал думать только сейчас — все было некогда. Закончил восьмилетку заочно, собирается поступать в Чердынский лесотехникум.

Учиться человеку его лет нелегко, конечно. Но нельзя без этого. Васильев хорошо знает «свой» лес, но чувствует, что нужны еще и учебники, и советы людей не просто прошедших по тайге, а с думой о ее будущем.

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Вдовин Петр Федорович родился в 1900 году в деревне Бушуево Очерского района Пермской области. Выходец из бедной крестьянской семьи, он участвовал в гражданской войне, отстаивал завоевания Октября. В годы коллективизации окончил курсы трактористов, потом стал механиком. В 1932—1959 годах работал старшим механиком Пермской МТС. Здесь в 1940 году вступил в партию.

В 1947 году за обеспечение высокой урожайности зерновых в хозяйствах зоны Пермской МТС П. Ф. Вдовину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С 1959 года Петр Федорович Вдовин на пенсии.

В деревне еще не видели такого. На площадь, разбрызгивая талую грязь, выкатила армада диковинных машин. О тракторах тогда знали лишь понаслышке, и вскоре все сбегались поглазеть на такое диво.

С машин прыгивали чумазые парни и что-то кричали собравшимся. Перегон тракторов со станции Вережагино за три с лишним десятка верст по распутице до Большой Сосновы даром не дался. «Фордзоны» и «интеры» пришлось волоком вытаскивать из ям, моторы часто глохли, и трактористы часами пытались их завести.

Переход занял почти двое суток, но все обошлось хорошо, люди выдержали, и вот уже их встречают как победителей.

Над площадью еще долго стоял гул голосов, потом воцарилась тишина. Представитель районной власти открыл митинг. Он сказал, что в районе решено организовать первую машинно-тракторную станцию и присланные 37 тракторов составят ее боевое ядро. В числе прибывших машин было 27 отечественных «фордзонов», остальные — «интеры».

Механизаторы получали тракторы прямо с железнодорожных платформ. «Еще тепленькие, — пошутил Вдовин. Ему достался «фордзон». Перегнал он его благополучно и умаялся вдосталь. Телогрейка тракториста превратилась в лохмотья, обувь развалилась, и, когда начался митинг, Петр, стыдясь своего вида, старался держаться в стороне от людей. Но его нашли.

Старший их группы сказал:

— Надо, Вдовин, тебе выступить. От всего коллектива. Расскажи о крестьянском житье-бытье и как теперь, в коллективизацию, дело поворачивается. Говорить ты мастак.

Два десятка шагов до трибуны он преодолел с великим страхом. О чем говорить? Никогда прежде выступать при таком народе ему не приходилось. Да и вовсе он никакой не оратор, а простой крестьянский парень. И образования у него соответствующего нету. Прошел два школьных коридора, как шутили тогда, да вот еще недавно курсы трактористов в Очере окончил — вот и вся жизненная закваска. Принимали на эти курсы только батраков и бедняков, потому и его приняли.

Жили Вдовины всей семьей в Очере. Отец в империалистическую войну к брату подался, на Мотовилихинский завод, чтобы мобилизации избежать, вот сын и остался за него хозяйством править. В четырнадцать лет за соху взялся. Потом отец всю семью в город забрал. В Мотовилихе и встретили Октябрьскую революцию.

С гражданской войны Петр Вдовин вернулся в Очер. Мать к тому времени умерла, и отец через несколько лет от тифа скончался. Остался Петр один. Когда началась коллективизация, заговорили о создании машинно-тракторных станций. Кадры надо было готовить, вот

у них в Очере и организовали курсы трактористов. Давно Петр о настоящем деле мечтал, а тут такая оказия подвернулась...

Вспомнил он все это сейчас, встретился с выжидающими взглядами примолкших людей и вдруг понял, что сказать этим людям надо главное, то, ради чего все они собрались на этот митинг.

— Мелким хозяйствам из нужды не выйти — это факт. Так говорил Ленин, и мы знаем, что это очень правильные слова. Нам надо создавать коллективное хозяйство, чтобы земля стала богатой.

Рассказал Петр и о курсах, на которых учился и где за зиму успел освоить «железного коня» и другую премудрую механизацию. Заканчивая свою речь, он с запалом сказал, что через пару дней выедет на тракторе выкорчевывать остатки кулацкого отродья.

Гром аплодисментов покрыл эти его слова.

...Много воды утекло с тех пор, но крепко запали в памяти Петра Федоровича Вдовина события того времени. Он действительно сразу после того митинга выехал на колхозные поля. Работал весь сезон как одержимый и доказал, какой могучей силой может стать трактор в руках крестьянина.

Та первая колхозная весна дала добрую зарядку для многих будущих весен. С нее, той весны, и началась трудовая биография простого крестьянского парня, ставшего знатным человеком страны.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ СМЕНА

Вилькот Кирилл Григорьевич родился в 1914 году в польской деревне Клыни. Пятнадцатилетним подростком перешел границу, найдя свою настоящую родину в Советском Союзе. Он кончил ликбез и курсы трактористов, работал в одном из совхозов Минской области. Его приняли в комсомол. 23-летнего Вилькота по ложному доносу осудили. Он трудился на золотых приисках Колымы до тех пор, пока не был реабилитирован. В дальнейшем Кирилл Григорьевич возглавил бригаду экскаваторщиков, ставшую коллективом коммунистического труда. К. Г. Вилькот был делегатом XIII съезда профсоюзов СССР. В 1960 году его приняли в КПСС, в 1961 году присвоили звание Героя Социалистического Труда. К. Г. Вилькот работает экскаваторщиком в пермском тресте «Спецстрой».

Край контрастов — суровая Колыма. Это ее кто-то назвал планетой, где в году «двенадцать месяцев зима, а остальное — лето».

...В этот день им предстояло пройти двенадцать километров.

— Кирилл! — простуженно прохрипел телефон. — К утру надо быть на пятом участке!

Он подержал трубку, ожидая еще разговора, но трубка молчала. «На пятый, так на пятый!»

За порогом его сразу поглотила тьма. Порывы ветра иногда раздвигали ее и в прореху высвечивало от фар работающего поблизости экскаватора. «Небось, и дорогу уже замело, — подумал Кирилл. — Кто знал, что двинемся в ночь на новое место?»

Днем в той стороне ухало — рвали пустую породу. Сейчас мороз сковывает ее заново. Поэтому и спешка. Ну, а если по большому счету, торопиться надо из-за того, что каждая минута — это граммы и килограммы добытого золота.

Вот уже одиннадцатый год Кирилл на Севере. И дело знает и порядки. Сколько раз перегонял экскаватор, сколько передумал. Самое трудное теперь уже позади. Он стал бригадиром большого прииска. Его величают «товарищ бригадир», а то и просто Кириллом. Так чего же не хватает?

«Время у тебя лишнее!» — ругнул себя экскаваторщик. Вынырнув из темноты на площадку, он с напарником навесил «мертвое водило» — своего рода дышло, с помощью трактористов зацепил гуськом три бульдозера.

Перед тем как выступить, четверо залезли в кабины перекурить, пятый прошел вперед насколько хватало лучей фар от первого бульдозера. Вернулся, покружил у экскаватора. Вроде бы все в порядке, однако болит душа при перебросках: не шутка ведь — сорок пять тонн железа на снегу. Бывали печальные случаи. У него их еще не бывало.

Кирилл набрал полную грудь воздуха и крикнул:
— Поехали!

Где еще можно увидеть такой поезд? В голове — человек, он ступает больше спиной вперед и жестами управляет колонной. За ним три надрывающихся трактора и на прицепе что-то огромное, похожее на ископаемое чудовище. Последний — факельщик, если он не размахивает факелом, то все в порядке.

Хуже других направляющему, Кириллу. Направляющему всегда труднее, потому что он не имеет права ошибиться. Но Кирилл не ошибается. Он даже может немного расслабиться, поразмыслить кое о чем.

Длинен путь, если он по неизведанной дороге. Но когда идут, путь становится короче.

Пятый километр... Седьмой... Девятый... Что это? Стрелу экскаватора резко качнуло, растревоженной птицей мечется факел. Забористая ругань и отчаянный вопль. Разом встали бульдозеры, но поздно: расстегнувшаяся гусеница уже распласталась на снегу, машина наклонилась набок.

Такое случалось не однажды. Морозы колымские делают железо хрупким словно глиняный черепок. Иногда ночи проходили в ожидании подмоги.

У Кирилла такого никогда не бывало. Может, он имеет право на этот случай?

Нет, нет! Он не искал оправданий. В мгновение представился смерзающийся котлован. Если экскаватор не прибудет к утру, работа взрывников пойдет насмарку. Потеряются минуты и часы, дающие золото.

Вилькот посмотрел на часы: полвторого. Надо во что бы то ни стало «обуть» экскаватор. Они перетянули гусеницу вперед, и бульдозер потащил экскаватор на себя. Но гусеницу смяло, вдавило глубоко в снег. Еще попытка, еще, еще... Под полушубками взмокли рубахи, охрипли глотки, окостенели пальцы.

Один не выдержал и, опустившись на треклятую гусеницу, с какой-то злобной мольбой сказал: «Братцы, сегодня суббота, а в субботу...»

— Замолчи! — яростно крикнул Кирилл. Он увидел багровое от холода лицо товарища. — Иди, немного погрейся в кабине!

Вилькот стоял на пороге решения, и чтобы ему не могли помешать, он крикнул: «Все идите перекурить!»

Оставшись один, достал папиросу. «А если приподнять ленивец, подтащить гусеницу, снова опустить раму машины? Конечно, ленивец сядет в гнезда, хотя бы в самом начале гусеницы. Дальше пойдет ходом! Но как поднять?»

Как он раньше не догадался!

— Эй, братцы! Вылезайте! Будем поднимать ленивец ножом бульдозера...

— Ура, получилось, получилось! — они едва не запрыгали от радости.

Кирилл завернул рукав: стрелки часов подходили к пяти. Значит, поезд успеет к началу смены прибыть на карьер.

Он довел свою колонну до места. Сменщиков там

не было, где-то еще пробивались через огромные завалы. Неизвестно, сколько их ждать, а взорванная порода уже твердеет, как гранит, теряются минуты и часы, которые золотые, потому что они на прииске.

Кирилл сел за рычаги. Ковш полетел вниз.

Сто кубометров — это час работы. А вся та смена Кирилла Вилькота продолжалась двадцать пять часов.

ЧИСТЫЙ СПЛАВ

Вотинов Михаил Семенович родился в 1906 году в деревне Ванчино Пермской области. С 1933 года работал бригадиром формировщиков Ново-Ильинского сплавного рейда. Участвовал в Великой Отечественной войне.

Трудовые и ратные подвиги М. С. Вотинова отмечены орденами Ленина, Отечественной войны II степени и многими медалями. В 1957 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В настоящее время М. С. Вотинов пенсионер.

Путь Вотинова — солдата и труженика — можно определить одним словом: верность. Верность воинскому долгу, верность своему делу...

Для поколения Михаила Семеновича главным испытанием в жизни была война. Медали, ордена... Бережно достают их из скромной шкатулки натруженные руки. «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга»; орден Отечественной войны — память об Орловско-Курской дуге.

Чуть потускнели за четверть века боевые награды, но не подвластна времени память о войне. А Вотинов

был под Сталинградом от первого до последнего дня обороны. Там он получил партийный билет.

Навигацию 46-го Михаил Семенович встретил на родном рейде. Он знал: камский лес идет на восстановление города на Волге, и этого было достаточно, чтобы работать отлично. В пятидесятые годы слава о бригаде Вотинова гремела уже по всей Каме. Высшая выработка на формировке в зоне будущего Воткинского водохранилища была у этого коллектива. Формировка была в то время пучковой, плот затевался сразу на двенадцати приколах, формировочные бригады насчитывали до сотни рабочих.

Старожилы Ново-Ильинска до сих пор помнят двадцатилетней давности оперативку на первом участке рейда. Больше двухсот человек собралось тогда на берегу. Повод был редкий: пришел за плотом пароход, а плот не готов, и вина на десяти парнях из оргнабора. Прогуливают, а дело стоит. Отвернулись от разгильдяев все бригадиры, кроме Вотинова.

— Не может быть, чтобы такие орлы с плотом не управились. Не верю! — Сказал и взял их в свою лучшую на рейде бригаду. Первого места в соревновании так никому и не уступил.

Еще не раз Вотинов вот так же добровольно себя «наказывал». Приедут на сплав помощники из районного центра, а им вроде и не рады: раздуть бригады нетрудно, а заработок? Вотинов брал всех и начинал формировать враз два-три каравана. До пятнадцати большегрузных плотов в месяц отправляла его бригада.

За годы, отданные сплаву, навидался Михаил Семенович характеров. С людьми бывал тоже неровен: где упрям, где уступчив. Однако сезонники, раз поработав в вотиновской бригаде, другой не выбирали. По три-четыре раза проверит бригадир, кто как с делом управляется. Прежде чем собирать секции, каждую объедет, прикинет, каким концом удобнее выводить, чтоб после не вертеть на формировке. Каждый новый плот так снаряжает в дорогу, словно ставит личное клеймо — свое, вотиновское. Многие под его рукой выросли на сплаве, стали мастерами.

Ответственность за дело всегда была главной его чертой. Летом, в самый сезон, приезжала на подмогу молодежь. Кончалась смена — всех как ветром сдует.

Дело молодое — попробуй удержи. Вотинов удерживал, и не уговорами. «Пароход пришел, — говорил он негромко. — Ждет пароход. Надо кончить, ребята».

Парни оставались. Пароход уходил вовремя.

— Мы посчитали как-то, — рассказывал Н. И. Зверев, бывший парторг Ново-Ильинского рейда, — если все секции, сформированные Вотиновым, составить в стык, от Ново-Ильинска до Астрахани можно было бы посуху пройти.

В 1957 году Михаил Семенович Вотинов был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

...Десятилетия отечественного лесосплава вобрала в себя трудовая биография М. С. Вотинова. А как изменилась сплавная Кама за этот срок! Сравнить хотя бы уровень технической вооруженности в 1933 году, когда Вотинов пришел на Ново-Ильинский рейд, с нынешней механизацией.

1933 год: багор, мочальные снасти, ленточные плоты. Преобладает ручной труд. Тягловая сила — лошади.

1960 год: глубоководные озерные волноустойчивые плоты в оплотнике были вытеснены ленточными. На формировке — самоходные такелажницы, агрегаты для растягивания лежней. Рейд имеет свыше тридцати единиц флота.

Через все этапы становления лесосплава прошел Михаил Семенович Вотинов.

С 1960 года на пенсии бригадир. Но равнодушным к общественным заботам не стал. Строит школа мастерскую — вдвое против других отработает; нужна помощь подшефному колхозу — райком партии к Вотинову обращается: помогите организовать бригаду ветеранов. В больнице, в яслях что подремонтировать, помочь вывезти дрова или кирпич — Вотинова не надо просить дважды. Всегда занят, всегда есть дело его рукам. Может, потому и на седьмом десятке крепок и статен.

Живет на земле человек. И оставляет на ней след — чистый сплав опыта и мудрости сердца.

НА КРУТЫХ ПЛАСТАХ

Габдрахимов Газиз Габдрахимович, 1906 года рождения, уроженец Татарской АССР, начал свой трудовой путь на шахтах Донбасса. В 1936 году переехал в Кизел, работал вруб-машинистом на шахтах «Комсомолец» и № 30.

В годы Великой Отечественной войны Габдрахимов явился пионером внедрения врубовой машины на пластах крутого падения, успешно применил на этой машине отбойную штангу — новшество, которое позднее было положено в основу современной врубонавалочной машины.

В 1948 году Г. Г. Габдрахимову присвоено звание Героя Социалистического Труда. С 1957 года он на пенсии, живет в поселке Центральный Коспашский под Кизелом.

Время определялось по числу отгруженных вагонов. На этот раз уголь не шел, и Газиз потерял понятие о времени. Он помнил белесое декабрьское утро, десятки торопливых стезек вели к копру от занесенных снегом деревянных хибарок, мазанок и барачков. В Коспаше к тому времени капитальных шахт было больше, чем благоустроенных домов. Помнил Газиз, как вдвоем с помощником Михаилом Мисаном добрался до лавы, где накануне ночью была смонтирована и подготовлена

к работе врубовка. Знакомой до последней царапины на литом кожухе, всегда послушной и безотказной машине сегодня предстояло сделать то, что не было предусмотрено ее конструкторами.

Вдвоем, подсвечивая друг другу бензиновой лампешкой, они проверили и подтянули узлы, попробовали машину на холостом ходу.

— Боюсь я, — признался Михаил в минуту передышки. — Не приходилось таскать машину на такую крутизну. У нас в Донбассе...

— Кончай травить душу, — прервал Газиз. — Сердце болит, когда про Донбасс слышу. Там я шахтером стал, там из малограмотного парня механика сделали. Донбасс теперь здесь, понял?

Он разделял опасения помощника, но признаться — значило потерять веру в задуманное. Пусть Михаил считает, что машинисту не впервые подрубать крутопадающие пласты, пусть полагается на его опыт. Ах, если бы этот опыт был!

Шахта № 39, где Габдрахимов уже год водил врубовку, вышла на крутые пласты. Оставалось отказаться от машинной подрубки и брать уголь отбойными молотками. В другое время так и поступили бы. Но шла война. Каждый шахтер работал за двоих — за себя и за товарища, ушедшего на фронт. Где взять опытных рабочих, чтобы скомплектовать молоточные бригады?

Сложная задача стояла перед инженером шахты Черенковым, когда он пригласил к себе Габдрахимова.

— Как думаешь, Газиз, пойдет машина по крутому пласту?

Газиз сутулился, покашливал в кулак. В оспинки, усыпавшие лицо, въелась угольная пыль, глаза запали. В последние месяцы он сутками не выходил из шахты.

— Честно сказать, не встречал такого ни в Донбассе, ни здесь. Может, в других бассейнах кто пробовал? — спросил он инженера.

Черенков махнул рукой в сторону шкафа, забитого книгами и журналами.

— Три дня искал. В литературе такой опыт пока не описан. Звонил на Копейский завод. Говорят, что выпускают машину не для цирковых номеров. За нарушение правил эксплуатации ответственности на себя не берут. Выходит, на себя возьмем ответственность, а?

Габдрахимов решительно пристукнул ребром ладони по столу.

— Возьмем. На фронте рисковать приходится на каждом шагу.

Он встал и, направляясь к двери, добавил:

— Будем вдвоем с помощником. Других подвергать риску не надо.

...Машина проверена. После короткой передышки Газиз скомандовал помощнику:

— Полезай вверх, становись на лебедку.

Михаил полез, придерживаясь за тяговый канат. Из-под ног срывались и с шумом катились куски породы. Газиз, опустившись на колени, осмотрел низ пласта и нащупал мягкий прослой. С него он и начнет подрубку.

На самой малой скорости машина не пошла. Она вздрагивала, привставала на месте, но вперед не двигалась. Бар крутился, выбрасывая крошки угля, угрожающе перегибался. Того и гляди, лопнет цепь.

Он прибавил мощности. Врубка подскочила, выбила стойку и чуть не перевернулась. Ладно, он успел выключить скорость и отпрянуть в сторону. Подозвал Михаила. Долго они ставили машину на место, используя в качестве рычагов стойки.

— Тяжести в ней не стало, — рассуждал Газиз. — Висит на канате, к почве слабо прижимается.

— Не беда, — откликнулся Михаил. — Сейчас добавим массу.

Со штрека прикатали несколько крупных кусков породы, взвалили на кожух. Включили — лопнул канат. Хорошо, что никого не задело. Пока возились с канатом, пока снова пытались заставить машину работать — потеряли счет времени. О нем напомнил спустившийся в лаву инженер. Оказалось, шли третьи сутки.

— Как там на поверхности? — спросил Газиз, устало вытянув ноги вдоль машины. Его помощник, не выдержав напряжения, спал сидя.

— На поверхности дела пошли на поправку, — сказал Сергей Иванович с радостью в голосе. — Бьем и гоним немца от Москвы. Большие трофеи взяты, города освобождены. Шахтеры собираются возвращаться в Подмосковский бассейн. А под землей, вижу, пока перелома нет? Да вы вовсе обессилели...

Он развернул сверток с пирожками и куском соли-

ной трески, разбудил Михаила. Пока они ели, облазил с лампой вокруг машины.

— Как ваше мнение, ребята, — спросил он, — стоит продолжать попытки?

— А как же! — откликнулся Газиз. — Самое трудное позади. Мы, кажется, докопались, где собака зарыта.

Он выложил свои соображения, показал, где надо бы приварить направляющую серьгу, на каком режиме подрубка должна пойти ровно. Инженер согласно кивал головой, вносил поправки.

— Сегодня же испробуем, — загорелся он.

Еще через сутки инженер, машинист и помощник, с трудом выбравшись на-гора, докладывали начальнику шахты:

— Машина по крутому пласту идет уверенно.

Отоспавшись в домашнем тепле, Газиз и Михаил снова надолго ушли в шахту. Вскоре врубовкой удалось подрубать пласт на всю длину лавы и замыкать цикл за сутки. А это — около тысячи тонн угля. Михаила как получившего опыт поставили машинистом в другую крутую лаву. Людей не хватало, механизаторов особенно. Тогда Габдрахимов первым пошел обслуживать две лавы. Пока в одной горняки отбивали уголь и крепили выработанное пространство, он вел подрубку в другой.

За несколько месяцев добыча угля на шахте № 39 увеличилась в три раза. Немалый вклад в это внес врубмашинист Газиз Габдрахимов. Один из тех, кто в жарких лавах кизеловских шахт приближал Победу.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Гладких Зинаида Васильевна родилась в 1928 году в деревне Севостьянах Пермского района Пермской области. На Кичановскую ферму колхоза «Россия» пришла в 1950 году, а до этого работала в овощеводческой бригаде. Прошло несколько лет, и имя передовой доярки колхоза стало известно всему району. Зинаида Васильевна была неоднократной участницей ВДНХ. В 1966 году за большие успехи в развитии животноводства и увеличение производства молока ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. Коммунист З. В. Гладких — депутат Пермского областного Совета депутатов трудящихся.

Вытопленная печь дышит кузнечным жаром. Еще день, но за окном быстро мутнеет: заводится пурга.

Вот так же было и в ту памятную зиму. Первую заморозь тогда угнала на север оттепель. Зато замела, закружилась метель, соорудив заслоны по всей округе.

Каждое утро по чуть заметной тропке, почти наугад, пробиралась Зинаида Васильевна на свою ферму. Работа у нее шла как обычно. Но однажды вечером забежал соседский мальчишка:

— Тетя Зина, вас зовут. Дядя Саша велел передать.

Пришла к бригадиру.

— Зачем звал-то?

— Надо, — бросил коротко, — собирай всех.

А на следующий день на воротах прибили фанеру. На фанере краской было выписано: «Карантин! Входа нет».

И выхода тоже не было: никто не имел права без соответствующей санобработки покинуть зону.

Беда свалилась неожиданно. Страшная болезнь разила скот. Заболели и две первотелки в группе Зинаиды Васильевны. Отделила их от других, думала, пронесет. Нет. Через некоторое время признаки болезни появились у других коров.

Ветеринар сказал:

— Надо лечить всех.

На другой же день в красном уголке фермы устроили нечто вроде общежития. Из бригады привезли подушки, одеяла, матрацы. Зинаида Васильевна слала матери записки: все, мол, в порядке, не беспокойся. А сама перееживала: как там ее старушка одна?

Мать знала: дочери трудно. Сама она тоже с молодых лет пошла в доярки и работала до тех пор, пока старшая дочь Анна не заменила ее. Когда Анна вышла замуж и собралась переезжать в соседнее село, Зина попросила сестру:

— Передай мне свою группу. Хочу тоже работать дояркой.

Никто не стал возражать против такого ее решения, и Зина осталась на ферме. Никаких навыков тогда у нее еще не было, а вот усердием своим, привязанностью к животным она многих удивляла. Бывало, подойдет к коровам и ласково так начинает:

— Проголодались вы у меня, миленькие. Потерпите. Сейчас накормлю...

Летом, когда скот на выпасах, Зинаиде Васильевне тоже не сидится. Шла бы домой, отдыхала до вечерней дойки, но нет, тянет ее посмотреть, как там ее подопечные на лугу гуляют. И идет. Две, три версты отшагает, пока на стадо не набредет. И коровы ее узнают сразу.

А теперь вот и замечать перестали. «Как же быстро вас немощь подкосила», — думала Зинаида Васильевна, с беспокойством глядя на своих питомцев.

Уже переболела половина стада, а болезнь не унималась. Чувство тревоги сделало людей собранными, не-

обычно серьезными. Внешне, пожалуй, ничего не изменилось, но работы у всех прибавилось вдвое. Приходилось по нескольку раз на день мыть стойла, проходы, дезинфицировать помещение каустиком. Всем животным делали прививки.

Напряжение давало себя знать: люди изматывались. Но никто не жаловался. Понимали — иначе нельзя.

Вечером в свободный час Зинаида Васильевна пристраивалась на уголке обеденного стола и писала сыну открытку. Юрку ее недавно призвали в армию, и мать часто показывала знакомым фотографию, с которой глядел бравый солдат в полной форме.

— Хороший у тебя сын вырос, — говорила подруге Анна Николаевна Шехерова. Она пришла на ферму почти в одно время с Гладких. Годы совместной работы сблизили женщин. Подруги надаивали за год по 4000 литров молока от коровы.

Но в ту пору нагрянувшая беда спутала карты кичановских доярок. Приходилось думать уже не о молоке, а о том, как сохранить пораженный скот.

Шли дни, недели. Люди все еще жили на ферме. Было трудно, и у некоторых молодых доярок сдавала выдержка. Они нервничали, начинали делать все невпопад. В таких случаях Зинаида Васильевна старалась каждую успокоить, ободрить. Сама она не теряла присутствия духа и любую работу старалась довести до конца. Ее энергия передавалась другим.

По вечерам с «воли» на ферму доставлялась свежая почта — газеты, журналы, письма. О работающих в карантинной зоне заботился весь колхоз. В определенное время на ферму привозили горячую пищу. Ее готовили тут же, в Кичаново.

Наблюдая за животными, Зинаида Васильевна заметила однажды, что коровы ее вроде бы повеселели. Дело явно шло на поправку. И тогда впервые она почувствовала облегчение. Большое нервное напряжение спало. Она даже не заметила, как прошел тот день, и совсем забыла, что он последний в году.

— Зина, кончай работу, время выходит, — окликнула ее одна из доярок.

Зинаида Васильевна хотела что-то ей возразить, но сразу же спохватилась: ведь совсем скоро Новый год!

Бригадир сказал, что на час-полтора люди могут схо-

доть домой, но, конечно, каждый должен пройти через санпропускник. До своей деревни Шумки Зинаида Васильевна домчалась мигом. Дверь в дом распахнула — и к матери: «С новым счастьем!»

Мать, конечно, обрадовалась, стала угощать дочь, расспрашивать, но Зинаида Васильевна недолго пробыла дома. Встала и говорит:

— Пора обратно.

На ферму скоро вернулись и другие доярки. Все вместе и встретили они Новый год. Разлили по стаканам квас (вино в такой обстановке, решили, не полагается) и выпили, как водится, за удачу, за счастье и, конечно, за благополучный исход всех их нелегких испытаний. А потом долго еще не ложились: прошлое вспоминали.

Почти полтора месяца прожили тогда они на ферме, и никто не дезертировал, не осрамил коллектив. Весь скот скоро выздоровел, и жизнь кичановских доярок вновь вошла в свою обычную колею.

ТРУЖЕНИК

Гладких Сергей Иванович родился в 1915 году в Верхних Муллах Пермской области. Шестнадцатилетнему парню колхоз доверил сенокосилку. Вскоре его послали учиться на комбайнера. Вернувшись с курсов, он работал помощником комбайнера, трактористом. В 1940 году возглавил тракторную бригаду.

В годы войны С. И. Гладких стал членом КПСС.

В 1947 году бригадиру Пермской МТС Сергею Ивановичу Гладких за высокий урожай пшеницы и ржи было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Он рано поседел, но почему-то редко, даже в зрелом возрасте, называли его по имени-отчеству. Его звали просто Сережей.

Невысокий, худощавый, неразговорчивый и впечатлительный, как ребенок, он не умел обижать других. Легко терялся среди чужих людей и не мог постоять за себя, если к нему были несправедливы. На фронт его не взяли из-за близорукости.

Сергей заступил на самую трудную свою рабочую смену 22 июня 1941 года. Окончил ее в 1947 году, когда трактористам впервые стали давать выходные.

Он был рожден для трудностей и стал Героем.

...В сорок первом все гусеничные тракторы Пермской МТС были взяты для нужд фронта. Остались старенькие колесные СТЗ и «Универсалы». Ни одной запасной части не поступило за время войны. Механизмы «латали» прямо в поле или в мастерских. Каждый бригадир обязан был уметь отремонтировать один из узлов. О контролерах не было и речи.

Сергей Гладких делал поршневую группу. Он был главной фигурой на ремонте.

За время войны в МТС не вышел из строя ни один трактор.

Тракторист Василий Павлович Субботин из бригады Гладких проработал на своем «колесном» с 1934 по 1958 год. Он уходил на фронт, вернулся без ноги и снова сел на тот же, за ним закрепленный трактор.

На непосильно тяжелую работу в войну пришли подростки. Поэтому радовались каждому новому мужчине: демобилизованному, даже инвалиду. Испытывать его деловые качества было некогда: принимали на веру. Шли к Сергею.

— Кто он такой — не знаем, но думаем, будет добрый механизатор. Устрой его.

И Сергей устраивал. Приводил к себе домой, не смотря на то что, как опять, подрастали в его большой семье ребятишки. Договаривался с соседями: не возьмут ли они нежданного гостя на временное довольствие?

К Сергею обращались в тяжелые минуты, и он помогал — словом, советом, хлебом, деньгами. Приезжал из города директор моторостроительного завода, говорил: «Поддержите рабочих — капустой, картошкой, чем можете...» Сергей ходил по домам, толковал с механизаторами, колхозниками. В Пермь отправлялись продовольственные обозы.

Сколько времени продолжалась смена у трактористов? Сколько держали ноги.

Сергей уходил из дому в пять-шесть утра. Возвращался в полночь. Иногда не возвращался совсем, спал в полевых вагончиках.

Тракторы в бригаде Гладких находились в борозде не менее двадцати часов в сутки.

Урожай, какие собирали в Верхнемуллинском районе

в середине сороковых годов, были на редкость высокие. В колхозе «Восход социализма», где работала тракторная бригада Сергея Ивановича Гладких, несмотря на сложные погодные условия, в 1946 году было собрано: зерновых — более двадцати, картофеля — 198 и овощей — 363 центнера с гектара.

Бригадир стал Героем.

ДРАГОЦЕННЫЕ ЗЕРНА

Гордеев Иван Васильевич родился в 1914 году в поселке Юг Пермской области. На работу пошел рано, стал сплавщиком леса. Трудился на Рябининском рейде, на сплавном участке Усть-Язвы, в Верх-Вильвенском лесопункте, а в 1940 году приехал в Керчево, где получил специальность плотника и вскоре возглавил бригаду. За время работы на Керчевском рейде через его руки прошло более трех с половиной миллионов кубометров древесины. В 1966 году И. В. Гордеев удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Дождю, казалось, не будет конца. Особенно доставалось тем, кто работал на реке, на сортировочно-сплотовочной сетке. Намокшая одежда стесняла движения, но когда, пряча лицо в дождевик, начальник смены подошел к Гордееву, тот, как ни в чем не бывало, подталкивал багром корыстный сосновый комель, помогая бревну занять место в будущем пучке. Так же, без суеты, управлялись со своим делом остальные члены бригады.

— Как успехи, Иван Васильевич? — прокричал начальник смены. — Дождь-то не на шутку разошелся...

— Да что успехи... нормальные, — ответил Гордеев,

продолжая работать. — Лучше бы можно, сортировщики задерживают. Сахарные, видно, попрятались. На погоду смотреть, так и план завалишь. А у нас обязательство. Скажите сортировщикам, пусть поднажмут. На реке — как на реке: всегда вода... — И он побежал к одному из рабочих, чтобы подсобить ему завести в коридор-накопитель сплочной машины сразу несколько бревен.

Начальник смены видел, как к тесному ряду бревенчатой щети потянулись стальные стойки, как они подхватили бревна и повлекли их к люльке, месту формирования пучка. В окне кабины застыло от напряжения лицо машиниста Агеева, невидимо нажимавшего кнопки управления, крутящего штурвалы контроллеров. Вот бревна сжаты в плотную грудку. Просунув под них толстую проволоку, вязчик Журавлев дергает рычаги специального станка. Короткое урчание мотора — и пучок готов. Добрых три десятка «кубиков» спеленуты туго и надежно. Впереди у них долгий путь на Волгу; плыть им к заводам, новостройкам, где ждут не дождутся уральской древесины. Одна только бригада Гордеева сплывает на Керчевском рейде за смену до 1700 кубометров леса, при плане 1500. А всего за навигацию с рейда уходит около пяти миллионов кубометров леса. Празд, трижды прав старый сплавщик: успех надо ковать, невзирая на трудности.

И начальник смены зашагал по бону к сортировщикам — сказать, чтоб пошевеливались.

А Гордеев был уже на другом понтоне машины. Его чуть прищуренные глаза, казалось, охватывали разом всю акваторию рейда, а не только пространство, на котором работала бригада, где он замечал, как идут дела у каждого. Взглянув вслед уходившему в дождь начальнику смены, бригадир вспомнил, что когда-то и он, Виктор Афанасьевич Клопоток, находился под его, Гордеева, началом. Теперь вот — руководитель.

— Иван Васильевич, норма уже есть! — услышал он девичий голос.

Улыбнулся: вот стрекоза! Еще вчера за партой сидела, а, смотри, на реке — как дома. Хорошо это инженеры насчет геометрического обмера пучков придумали. Быстро, легко, удобно. Девчонке под силу. Ощупала пучок специальными рейками, посмотрела в таблицу и — на тебе: результат готов! А скоро и в таблицу глядеть

не потребуется. Прибор сам за тебя все подсчитает и готовый итог покажет. Записывай только. Не то что раньше, когда каждое бревно по торцу обмеривалось. Сколько людей было занято! Да и сейчас кое-где на рейдах по старинке объем сплоченной древесины узнают. Ну да ничего — скоро техника везде человеку на помощь придет.

Сколько позади навигаций! Ведь почти мальчуганом пришел на сплав. Задубел от ветра. Сейчас еще хорошо — лето. А зимой, когда приходится на берегу наплазные сооружения строить, на лицо впору шубу надевать. Как понесет с севера со снегом — на ресницах сосульки вырастают. Тогда ему, Гордееву, тоже бригаду дают — плотников. До весны надо многое успеть. Одно звено угольники мастерит, другое — опорными точками занимается. Остальные — бонами, а они разных видов: коридорные, покосные, реевые. Если в одну линию вытянуть, десятка на полтора километров тротуар получится. Сам он, бригадир, на бонах обычно работает. А в ответе — за всю «сборную», как в шутку на рейде называют плотничью команду. Нечего сказать, сборная — срок пять молодцов!

Вспомнилась прошедшая зима. Суровая выдалась на редкость. Птицы на лету камнем падали. Топор от дерева отскакивал, звенел — вот-вот осколками брызнет. Но люди были упрямей металла — сменные задания выполняли в любой мороз.

Гордеев и тут успевал везде. Глаз у него наметанный — в момент определит, если что не так. Голоса не повысит, но скажет — никто не возразит, потому что — авторитет. Пройдет по звеньям — и опять за топор, чтоб от других не отстать.

Весну ждали скорую, а она запаздывала. И это беспокоило сплавщиков. Листки на календаре будто ветром сдувало, а тепла не было. Снег таял вяло. Квелье дороги не торопились разлиться талой водой, чтоб быстрее обсохнуть. Лед на реке синел под полыньями, словно испытывал терпение людей.

И вдруг — понесло! Это надо было видеть, как зашумела Кама, набухнув гигантской жилой. Как ломались, крошились льдины. Ледоход уж прошел и шуги почти нет, а река катила, будто кто ее насосами нагнетал.

Начальник участка Шляков переживал вместе со все-

ми. Сетке давно пора в створе стоять, а она еще возле берега. Как бы молевой лес не зевнуть.

Гордеев отлично понимал его состояние. Сам не раз приглядывался к стремительному течению реки, стараясь угадать момент, когда оно пойдет на убыль. Тут уж времени терять нельзя. На счету каждая минута. Наконец, Шляков, доверяясь опыту старого сплавщика, спросил: «Можно, поди, Иван Васильевич, а?» Гордеев решительно ответил:

— Можно.

И река огласилась голосами, треском моторов...

А дождь хлестал не переставая. Но Иван Васильевич отметил, что сортировщики, видимо, поднажали — бревен вроде стало больше поступать. Так и идут косяком.

Скорее догадался, чем услышал, как помянул дьявола вязчик. Что там у него? Проволока запуталась? Или со станком что? Мгновенье подождя, с багром наперевес побежал по понтону в головную часть машины.

— Все в норме, Иван Васильевич. Сук, видно, внизу проволоку поддел, будь он неладен, — поднял мокрое от дождя лицо вязчик.

— Ладно, — облегченно сказал бригадир.

Почему-то подумалось, что недалеко время, когда ему, Гордееву, придет срок уходить на отдых, навсегда передав вахту товарищам. По крупицам, будто драгоценные зерна, он накапливал опыт, оттачивал мастерство. Сроднился с рекой. Она принесла ему известность, славу. Но нет грусти на сердце. Много надежных рук на рейде. Того же начальника смены Виктора Афанасьевича Клопотка взять. Или Петра Ивановича Шлякина — тоже в его бригаде с рядового начинал. Михаил Иванович Танасейчук теперь сам бригадирит. Да разве перечислить всех! Вон их сколько, настоящих сплавщиков, рядом. Кое за кем и не угнаться — дважды молодости не бывает. Но есть еще порох в пороховницах. И эту свою навигацию он проведет достойно.

СВОЙ МЕТОД

Григоренко Дмитрий Тимофеевич родился в 1912 г. в селе Малой Векушевке Ворошиловградской области. Окончил школу-семилетку. С 1933 года начал работать на шахтах Донбасса. Был машинистом врубовой машины.

В 1942 году Д. Т. Григоренко эвакуировался в Кизеловский угольный бассейн и поступил врубмашинистом на шахту № 6-Капитальная. Здесь он проработал до 1958 года.

Дмитрий Тимофеевич Григоренко в 1957 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Сейчас Д. Т. Григоренко живет в Донбассе.

Потомственный донецкий шахтер Григоренко оставил заметный след в угольной промышленности Кизеловского бассейна. Мастер машинной зарубки, он постоянно заботился о более полном использовании техники, смело брался за усовершенствование механизмов. Одним из наиболее значительных достижений Дмитрия Тимофеевича была идея удлинения бара врубовой машины. Появилась реальная возможность повышения производительности труда, и это, естественно, привлекло внимание всех врубмашинистов бассейна. По примеру

знатного механизатора шахты № 6-Капитальная стали работать многие.

У Григоренко был свой метод поиска скрытых резервов. Он тщательно, шаг за шагом, вникал во все элементы технологии подрубки угольной лавы. Идя по такому пути, Дмитрий Тимофеевич всегда отыскивал новые возможности увеличения угледобычи.

По инициативе Григоренко на шахте развернулось соревнование мастеров машинной зарубки угля. Речь шла о более правильном и полном использовании техники. Опираясь на точный расчет, Григоренко, Зинковский и другие механизаторы призвали всех машинистов давать по 10 тысяч тонн угля в месяц на каждую врубовку. Собственным примером они доказали, что это вполне возможно: их месячная выработка достигала 13—14 тысяч тонн.

За большие успехи в работе Дмитрий Тимофеевич был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Д. Т. Григоренко проявил себя не только замечательным новатором, но и энергичным общественником. Шахтеры Кизеловского бассейна послали его своим представителем в Верховный Совет СССР.

Еще через несколько лет Дмитрий Тимофеевич стал Героем Социалистического Труда. Этим высоким званием были отмечены его выдающиеся заслуги в развитии угольной промышленности Кизеловского бассейна.

В 1958 году Д. Т. Григоренко перевели в Донбасс на шахту № 1/2 треста «Селидовуголь».

ИНЖЕНЕР-НОВАТОР

Григорьев Сергей Ефимович родился в 1907 году в Дружковке Донецкой области. С 1927 года в течение нескольких лет работал в Краснодарском рудоуправлении; прошел путь от чернорабочего до участкового маркшейдера.

В 1937 году С. Е. Григорьев окончил Днепропетровский горный институт и был направлен в Донбасс главным маркшейдером треста «Дзержинскуголь». Перед войной был назначен начальником технического отдела треста и пробыл в этой должности до ухода на оборонные работы.

За образцовое выполнение оборонных работ, в феврале 1942 года, С. Е. Григорьев был награжден медалью «За трудовое отличие».

Затем Сергей Ефимович был откомандирован в комбинат «Кизелуголь». Работал заместителем начальника и начальником технического управления комбината. В 1945—1951 годах был главным инженером комбината «Кизелуголь».

В 1948 году С. Е. Григорьев был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Скончался Сергей Ефимович Григорьев в Москве.

Шахтеры Кизеловского бассейна знали Сергея Ефимовича Григорьева как замечательного специалиста горного дела. Инициативный и глубоко эрудированный в техническом отношении инженер, новатор, с творческой

страстью боровшийся за внедрение в практику всего нового и прогрессивного, великолепный организатор — таким был этот человек.

Свое внимание Сергей Ефимович сосредоточил в первую очередь на решении коренных задач, стоявших перед горняками бассейна. Много сил и энергии он отдал обеспечению устойчивой работы шахт по добыче угля. В поле его зрения было все: развитие фронта горных работ путем форсированной подготовки новых горизонтов, строительства и реконструкции шахт; упорядочение горного хозяйства и в первую очередь ликвидация разбросанности горных работ за счет увеличения подвигания очистного фронта и нагрузки на лаву; усовершенствование существующих и внедрение новых систем разработки и способов управления кровлей.

В 1944 году на шахтах Кизеловского бассейна в связи с переходом на разработку более глубоких горизонтов впервые в угольной промышленности страны началось проявление горных ударов. Они представляли непосредственную опасность для жизни шахтеров, приводили к аварийности горных выработок. Сергей Ефимович Григорьев принял деятельное участие в организации борьбы с горными ударами. Он высказал несколько гипотез проявления горных ударов, предложил и осуществил на шахтах бассейна ряд оригинальных решений по их предупреждению. В частности, была предложена принудительная посадка мощных слоев крепких кварцевых песчаников, зависающих на больших площадях после выемки угля. Это достигалось с помощью бурения шпуров в кровлю в районе промежуточных и конвейерных штреков и последующего их взрывания. Создаваемая таким путем «риска» способствовала посадке зависающих кровель, и это исключало проявление горных ударов.

Со временем журнал «Уголь» организовал обсуждение проблемы горных ударов. Начало обсуждению положили опубликованные статьи С. Е. Григорьева. Дальнейшие систематические исследования проблемы горных ударов под руководством Всесоюзного научно-исследовательского института горной геомеханики и маркшейдерского дела (ВНИГМИ) и при активном участии С. Е. Григорьева явились ценным вкладом в советскую горную науку.

Много и плодотворно работал Сергей Ефимович в

области механизации процессов угледобычи. Под его руководством на шахтах бассейна были внедрены врубовые машины с отбойной штангой, что позволило исключить тяжелый труд забойщиков. До этого отбойка угля велась вручную с применением отбойных молотков и буровзрывным способом.

Удалось улучшить условия труда бурильщиков. Этому способствовало создание автоподдержек и автоподатчиков, применение промывки для пылеподавления и усовершенствование режущего бурового инструмента.

Большие заслуги Сергея Ефимовича Григорьева в деле развития Кизеловского угольного бассейна получили достойную оценку. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1951—1954 годах С. Е. Григорьев работал главным инженером треста «Осинникуголь» комбината «Кузбассуголь». Затем его перевели в Институт горного дела имени А. А. Скочинского в Москве, где он проработал до конца свой жизни.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Гуляев Сергей Михайлович родился в 1913 году в селе Хохловке Добрянского района Пермской области. Рабочая биография началась в 1931 году: поступил кровельщиком в жилищно-коммунальный отдел завода. Отслужив в армии, освоил специальность токаря. С тех пор трудится во втором механическом цехе пермского завода имени В. И. Ленина, стал мастером своего дела.

В 1963 году С. М. Гуляев удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Их биографии очень тесно переплутаны: биографии одного из старейших заводов и одного из кадровых рабочих этого завода. Общие у них будни, похожие праздники. В дни, когда завод отмечал свой столетний юбилей, исполнилось ровно двадцать пять лет с тех пор, как Сергей Михайлович Гуляев впервые встал к токарному станку. В знак признания заслуг перед страной завод получил приветствия, грамоты, токарь Гуляев — орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот».

К 1963 году Гуляев прошел вместе с заводом четверть его замечательного пути, ту часть, что была временами и невыносимо трудной и празднично-победной.

Молодежь не умеет скрывать удивления:

— Столько лет — и на одном заводе? И все в одном цехе? И на одном рабочем месте?..

Люди много повидавшие и пережившие не стараются скрыть уважения:

— Столько лет — за одним станком! Это надо уметь.

Восхищения на свой счет Сергей Михайлович не принимает, удивления — не понимает. Ведь это только со стороны так кажется: цех один, и станок тот же, и работа одинаковая. Меняется цех не сразу, постепенно, но оглянешься — разве таким он был три десятилетия назад? Меняется станок: сейчас это токарно-винтовой ГИП-200. Меняются детали: все перебивало в руках... Да нет, какое там «в руках». Детали, которые точит Гуляев, в руках не удержишь.

Не просто изменяется все вокруг, и даже не в том дело, что каждодневное обновление вокруг обязательно в чем-то исподволь меняет тебя самого. Главное, что не дает ни устать, ни заскучать, хоть тридцать лет проработай на одном месте, хоть полвека, — перемены, которые вносишь в свой труд ты сам.

Сергей Михайлович — как раз из тех, кто постоянно «вмешивается» в заданную программу своего станка, добиваясь отличного качества и высоких скоростей обработки.

Надо знать станок так, как знает его Гуляев, чтобы с уверенностью опытного экспериментатора открыть новые возможности станка, преодолевая рамки технологии. В преодолении — смысл творчества. Все рабочие «хитрости» Сергея Михайловича Гуляева идут как раз от той степени профессионализма, при которой кончается собственно профессионализм и начинается творчество.

У каждого, кто видел, как уверенно и артистично работает Гуляев, создается впечатление, что человек этот за своим станком может все. А вот другая сторона истинного профессионализма: человек не только может все, ему еще и «все можно». Правом на эксперимент его облакает доверие людей, которые работают с Гуляевым и знают, на что он способен.

Все, что он предлагает, просто. Это «деньги, поднятые с полу». И в такой доступности новшества, в предельной его простоте — особая ценность предложений

опытного токаря. Он находит новое применение старому — и старое опять становится необходимым. Как стал необходим заводским токарям, например, «гуляевский» резец.

Если рассказывать сначала, то резец совсем не гуляевский. Он существовал до Гуляева, этот канавочный резец с твердосплавной пластиной, только не оправдывал своего существования: на операции, для которой предназначался, дробил деталь. Да и был поэтому заброшен в кладовую, для работы негодный. Там и попал на глаза Сергею Михайловичу. Вещь добротная, а не при деле. Смотреть обидно. Взял. Заправил. Попробовал потихоньку — словно бы пошло... Смерил микрометром — всего две соточки отступления от чертежа. Попытался сделать подрезку угла. Опять новость: канавочный твердосплавный дал почти полный угол! Раньше приходилось на этой операции перезаряжать станок дважды: сначала делать скос, а затем — саму выемку. Ай да твердосплавный! Гуляев теперь уже пробовал, выверял его и так и этак, заправил на чистовую обработку цилиндрической детали — и тут резец окончательно покорила его.

Мастер глазам своим не поверил. Обеденное время, а Гуляев требует третью заготовку. До сих пор таких 300-миллиметровых цилиндрических деталей удавалось обрабатывать за смену две. Это была норма!

Еще больше удивился сменщик, тоже токарь со стажем, Александр Иванович Метелкин. Привык он к тому, что не раз приходилось перестраиваться в связи с какими-нибудь «фокусами» товарища, и сам работал отлично, стараясь не отставать от Гуляева, но тут... Когда Метелкин пришел на участок, первое, что он узнал, было: Гуляев перекрыл норму ровно вдвое.

— Ты это как сумел, напарник? — Метелкин привычно охватил взглядом станок и обнаружил в нем новую гуляевскую премудрость: — Откуда этот «подкидыш» взялся?

— А ты попробуй, попробуй с ним подружиться, он себя еще покажет, — засмеялся мастер Гилев.

Метелкин встал к станку. Гуляев из цеха не ушел. «Подкидыш» уже был ему дорог, был заботой его и радостью.

— Ну, как? — стараясь скрыть волнение, спросил у товарища.

— Приживется!

Да ведь и вправду прижился. И не мог не стать нужным: производительность увеличилась в два раза, улучшилась чистота, точность обработки, меньше времени идет на перезарядку.

...Приходят в цех молодые токари, знакомятся с Гуляевым: скромн, немногословен и седоголов.

— Всю жизнь на заводе? Всю жизнь за одним станком? Не может быть!

Может, ребята, еще как может! Вот возьмете в руки «гуляевский» резец да начнете применять «гуляевские» методы и, наверное, поймете, что это значит. И сменится недоверчивость в ваших взглядах восхищением, когда осознаете, как высока и сложна такая внешне ровная судьба рабочего человека Сергея Михайловича Гуляева, как тесно связана она с судьбой огромного завода, а значит, — с судьбой огромной страны, назвавшей его Героем.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ХАРАКТЕР

Драчева Анна Терентьевна родилась в 1924 году в деревне Ново-Драчево Осинского района Пермской области. Свиной фермой она стала в 1939 году и с тех пор занимается любимым делом. О ее трудолюбии и мастерстве скоро узнали не только в Осинском колхозе имени Чапаева, где она работает, но и в других хозяйствах области. Особенно высоких результатов коммунист Драчева добилась в последние годы, после перестройки работы Ново-Драчевской свиной фермы по цеховому методу.

В 1966 году Анне Терентьевне Драчевой присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Вспомните в эту невысокую, черноволосую, подвижную женщину.

Вот она готовит корм для поросят. Энергично и ловко, без лишних движений, сыплет в корыто порцию концентратов, витаминную травяную муку, вареный картофель, льет крутой кипяток. И при этом, погруженная в дело, толкует с вами, разъясняет, что занятие ее «не так чтобы сложное, а копковатое».

Рассказывая так, вдруг остановится, вскинет голову, поправляя спустившуюся на глаза прядку, взглянет удив-

ленно. Дескать, сама не думала, что такая работа непростая...

Или дома, в чистенькой и просторной кухне орудует чугунками и мисками и не чистит, а буквально стрижет картошку, так что кожура бежит винтом, как на токарном станке стружка. И также неумолчно внушает вам: «Раньше не заботились кормов запастись, чтобы матке поддержку дать. Ведерко сыворотки да травы наврешь — вот и весь рацион. Сейчас куда пуще заботятся. И то сказать, свиней нет — и денег в колхозе нет!»

Последние слова произносит с такой откровенной гордостью, что сразу понятно: это она, Анна Терентьевна Драчева, обеспечивает колхозу достаток. Это ее стараниями он на глазах растет и богатеет.

И снова — удивленный и неожиданный взгляд из-под скользнувшей на лоб пряди.

Тридцать лет неотступно Анна Терентьевна у своего дела. С юности на ферме. «Спать-то уж лягу, так они перед глазами куролесятся, — с досадой говорит она о своих питомцах. — Вот на пенсию выйду — отдохну». И, подумав, сокрушенно добавляет: «Да вот без дочек-то нареvusь...» «Дочками» называет она двухсоткилограммовых рекордисток, приносящих ей в год по два десятка поросят.

Что и говорить, на ферме много тяжелого труда. Но и самому живому воображению трудно представить, как работали свинарки прежде, когда сами готовили корма, кипятили воду, убирали навоз. От такой работы да от маленьких заработков подавались многие из деревни. Но не Анна Терентьевна. И не потому, конечно, что некуда ей было ехать. Вон их сколько, и до сих пор, приглашений на большие и малые стройки, на заводы и фабрики! И в городе, разумеется, не потерялась бы она. Да вместо всего этого взяла Анна Терентьевна ссуду, дом купила небольшой, двор отстроила, крышу заново покрыла. И все труднейшие времена пережила с колхозом. С ним она оставалась всегда — и в радости и в печали.

Но, быть может, за своей нелегкой работой потеряла Анна Терентьевна присущее каждому в молодости желание сделать в жизни что-то большое, чего до тебя не добивались? Так нет ведь, совсем иначе вышло с Драчевой.

Едва перестроили технологию, организовали цеховой, промышленный откорм, как невиданные результаты сделали известной в области Ново-Драчевскую ферму. Анна Терентьевна и ее подруга по работе и постоянная соперница в соревновании Нина Максимовна Драчева стали получать по 800—900 поросят ежегодно. В год, когда Анне Терентьевне присвоили звание Героя Социалистического Труда, она получила почти тысячу поросят.

Строится рядом со старым маточником, где работает Анна Терентьевна, новый корпус. Сухо, тепло и просторно будет здесь. Механизация наконец-то возьмет из рук свинок ведра с концентратной мешанкой. И тогда Анна Терентьевна «грозится» получать по тысяче поросят из года в год. А она слов на ветер не бросает. Способность мобилизоваться, шагнуть решительней и дальше, едва к этому явятся возможности, — характерная черта замечательной труженицы.

И еще об одном свойстве характера этой женщины невозможно забыть. На первый взгляд, оно не имеет прямого отношения к сельскому производству, к крестьянскому труду. Но только на первый взгляд.

Была у Анны Терентьевны давняя подруга, трактористка, а потом учетчик МТС Маруся Рогова. Отчаянная дивчина! Ночь-за полночь могла по делам МТС ехать в дальнюю деревню, случалось, одна ночевала в поле, в ледоход переходила Каму. В клубе была заводилой, на двухрядке играла и пела лихие частушки. И, смеясь, судила подругу свою: «Ты, Нюра, не такая».

Как-то само собой получилось, что сын Маруси Ванюшка оказался на руках Анны. Уедет Маруся в бригаду, а подруга в доме хозяйничает. Печь топят, скотину кормит. Потом Ванюшку на руки — и на ферму. А там поставит ящик, на ящик — доску, на доску — Ванюшку: боялся мальчонка свиней. Так и жили, так и растили парня вдвоем. Деревня посмеивалась: «Кого ты, Ванюшка, в старости будешь кормить? Мать или тетку Анну?» А они не делили. Обе старались, чтобы вырос он работящим, полюбил деревню, научился крестьянствовать.

Так бы и жить им, неродным людям, дружной семьей. Да простыла крепко Маруся, заболела легкими. Правда, поднялась, но прежнего не было. Однажды вечером вышла на крыльцо, и здесь, на ступеньках, остановилось Марусино сердце.

— Как хочешь, Ваня, — сказала Анна Терентьевна, когда сын подруги спросил, что ему теперь делать. — Хочешь — один живи. Хочешь — переходи ко мне. Обшивать и досматривать буду.

И деревня также присудила: жить Ванюшке у нее.

Выучился Иван на тракториста. Пахал землю, хлеб убирал. Потом армия... Теперь ждет его Анна Терентьевна домой, как и положено ждать крестьянке сына, чтобы женить, помочь хозяйством обзавестись, а если учиться надумает — выучить.

Нет, не одними гектарами и центнерами измеряется жизнь крестьянская. И, конечно, каждый, кто знает историю Анны Терентьевны, с еще большим уважением отнесется к пылающей на ее груди по праздничным дням золотой звездочке Героя.

КАК ЗАКИПАЕТ СТАЛЬ

Еговцев Александр Ильич родился в 1928 году в городе Новокузнецке Кемеровской области. В 1935 году вместе с родителями переехал в Пермь. По окончании Лысьвенской школы ФЗО работал подручным сталевара, сталеваром на металлургическом заводе. Одновременно учился в школе рабочей молодежи, потом в вечернем металлургическом техникуме.

Несколько лет А. И. Еговцев работал мастером, с 1964 года возглавляет смену на Лысьвенском металлургическом заводе. За выдающиеся производственные достижения он удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Он бы убежал на фронт вместе с друзьями, да мать с двумя маленькими сестренками бросать не решался. Как-никак, единственный в семье мужчина, и мать без него наверняка умаялась бы. А он ей первый помощник: и дров нарубит, и воды принесет, и младшую Аню убаюкает. И все же такая жизнь Сашке была не по нутру. Шла война, а он, пятнадцатилетний, «домохозяйкой» заделался.

Однажды попросился:

— Мам, отпусти в ФЗО. Профессию получу, работать

пойду, фашистов бить буду помогать. Да и взрослый я уже!

В группе подобрались ребята толковые, серьезные. Они выглядели старше своих лет, учились старательно, вот только одолевало нетерпение скорей начать работать самостоятельно. Раз уж с фронтом ничего не получилось, так хоть в тылу отличиться!

В 1944 году Александр Еговцев с аттестатом подручного сталевара впервые перешагнул порог проходной Лысьвенского металлургического завода. Попал на пятую печь, к Ивану Самойловичу Протасову. Он — ветеран мартеновского цеха, человек старой рабочей закваски, строгий и справедливый.

— Пойдешь ко мне вторым подручным, — сказал после знакомства старый сталевар.

«Вторым так вторым», — подумал про себя Александр.

В то время на мартеновских печах еще преобладал ручной труд. Даже загрузка шихты иногда велась вручную. Режим плавки, температура измерялись на глазок. Нужно было иметь тонкое мастерство, чтобы определить готовность стали.

Еговцев был одним из тех, кому давалась эта мудреная наука — плавка металла на глазок. Иные рабочие, будучи в два-три раза старше Александра, так и не постигли ее. Вот Михаил Иванович Зырянов, он не раз недоумевал:

— Я двадцать лет тут стою, а он, пострел, уже не хуже моего печь чувствует.

Через год Александр Еговцев стал первым подручным. Завод тогда специализировался на выпуске стали для нужд фронта. Молодой рабочий радовался: ведь это значило, что и он боролся с ненавистным врагом.

Все чаще Александру стали поручать доводку — основной технологический процесс плавки. После химического анализа нужно было удалить вредные примеси. Стоило ошибиться подчас на несколько десятых процента, и сталь нужной марки не получалась. Доводку нужно было начинать сызнава, теряя при этом драгоценное время. Еговцев же со своими обязанностями справлялся блестяще, и мастер Николай Иванович Провков не раз похваливал его:

— Золотые у тебя руки, Саша! И голова!

В девятнадцать лет Еговцев стал сталеваром. Его перевели на вторую печь. Уступили просьбе Александра, дав ему в помощники Михаила Ивановича Зырянова, которому в то время было уже под пятьдесят. Молодость и опыт дополняли друг друга, толковыми подобрались второй и третий подручные, старший разлищик. Вскоре новая бригада уже работала на равных со своими сменщиками, возглавляемыми Михаилом Михайловичем Савковичем и Алексеем Ивановичем Русских.

Обычно плавка длилась восемь-десять часов — в зависимости от сырья. Если лом тяжелый, печь заваливается быстро. Когда же попадался легкий лом, времени на загрузку уходило больше. Плавку за смену сделать не успевали, и ее оканчивала другая бригада.

При такой системе работать всем сменщикам нужно было безупречно. Еговцев принимал смену, без труда научился по цвету кипящей стали определять готовность. И в нужный момент канавщик ее принимал. На заводе о нем заговорили как о мастере своего дела. А в вечернем металлургическом техникуме, который он успешно окончил, выдали диплом и сказали:

— Знаем, что сталь ты отменно умеешь варить. А вот как людьми руководить будешь? Нужно каждому в душу заглянуть.

Звание Героя Социалистического Труда Александр Ильич получил уже будучи в должности начальника смены. Рабочие, узнав об этом событии, в своих мнениях были единодушны:

— Заслуженно! Еговцев знает, как закипает сталь. Из нас, почитай, каждый второй у него мастерству учился.

Верно говорили. Очень верно.

ШАХТЕРСКАЯ СЛАВА

Ермошкин Василий Дмитриевич родился в 1928 году в деревне Нухолькино Тарбеевского района Мордовской АССР. Но жизнь свою связал с Уралом. Отец его стал работать на губахинской шахте № 2-Капитальная, в 1947 году спустился в забой и Василий.

В 1951 году, когда в Гремячинске вступила в строй шахта № 76, сюда, в числе других, приехали на работу и Ермошкины. Бригада проходчиков, которую возглавил Василий Дмитриевич, неоднократно выходила победителем в соревнованиях. Одной из первых на шахте она получила право называться коллективом коммунистического труда. Бригадир наградили орденом Трудового Красного Знамени, а в 1966 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сейчас Почетный шахтер В. Д. Ермошкин руководит комплексной бригадой рабочих очистного забоя. Он активно участвует в общественной жизни. Избирался делегатом XXII съезда КПСС, членом Пермского обкома партии, депутатом областного Совета депутатов трудящихся.

...Он еще спал, когда в квартире зазвонил телефон.
— Дмитрич, ты? — услышал он голос начальника участка. — Пришел бы на шахту. У нас чепе.

Сон как рукой сняло. Через несколько минут Ермошкин был уже в нарядной.

— На тебя вся надежда, — встретил Василия начальник. — На участке аварийное положение: завалило промштрек. Я советовал инженерам пробить рядом, параллельно, новый, но они говорят, что потребуется много времени — лучше обойти завал вручную. Поработать придется крепко. Сроки, сам понимаешь, жесткие.

Говорят, в трудную минуту перед человеком мысленно может пронестись вся жизнь. Ермошкин вспомнил, как «вышла в люди» его бригада.

Однажды вот здесь же, в нарядной, возник горячий спор. Надо было решить, кому руководить новой, только что созданной бригадой проходчиков. Предлагали Владимиру Сорокину.

— Нет, увольте, — наотрез отказывался тот.

— Но ведь ты когда-то был уже на этой должности. Опыт есть.

— Ну и что? Людей-то раньше каких давали? На подбор! Горняков настоящих. А теперь — пацанов. Одни вчера горнопромышленную школу окончили, другие шахту только в кино видели. А план — вынь да положь.

Василий Дмитриевич хорошо знал Сорокина. Трудно становился на ноги этот шахтер. Не проходило ни одного собрания, чтобы ему не попадало. Он каялся, давал слово исправиться, не нарушать дисциплину и... начинал все сначала. Кончилось тем, что как-то остановил Ермошкина в лаве, волнуясь, заговорил:

— Ты — коммунист, поймешь меня. Нравится мне твоя бригада, Василий Дмитриевич. Порядок в ней, строгость. Возьми к себе. Не подведу.

Ермошкин поверил рабочему и не ошибся. Трудился Владимир хорошо, остепеняться стал. Когда потребовалось пробить вентиляционный штрек, его временно назначили даже старшим. И сейчас Сорокину предложили взять под начало молодежь. Но взвалить на себя такую ответственность, он, видимо, не решался.

— Я возьму новую бригаду, — сказал тогда Василий.

Наступившая внезапно тишина разорвалась шумом голосов. Больше других волновались члены старой бригады Ермошкина. Ведь они первыми на шахте начали соревноваться за то, чтобы бригада называлась коммунистической, первыми добились этого звания. Это по их

примеру стало правилом, не ожидая механизаторов, «тянуть» за собой конвейер, овладевать вторыми профессиями. Не зря их бригадира наградили знаком «Шахтерская слава». И вот — на тебе!

— Вася, ты — что? А мы как же?

— Подумай сперва...

Но отступать Ермошкин был не намерен. Его решение продиктовала партийная совесть.

Новая проходческая бригада уверенно набирала темпы. Василий Дмитриевич забыл про отдых. Работая за двоих, он терпеливо передавал свой опыт молодым шахтерам, учил, как лучше выполнять ту или иную операцию, показывал, требовал. Производительность росла, и через месяц, к октябрьским праздникам, вчерашние новички уже включились в движение за коммунистический труд. Они уверенно держали экзамен на профессиональную зрелость...

— Я жду твоего ответа, — напомнил о себе начальник участка.

— Когда можно приступить? — вопросом ответил Ермошкин.

— Бери свою команду прямо сейчас.

Скоро Ермошкин знал все подробности случившегося. Обвал произошел на одном из промежуточных штреков при «посадке» лавы, то есть при обрушивании выработанного пространства. Стойки не выдержали горного давления, и часть штрека завалило породой.

Работы оказалось много. Чтобы не мешать друг другу, Ермошкин разбил бригаду на звенья — по два человека в смену. Но, выиграв в одном, горняки усложнили для себя положение в другом: поскольку работы вели со стороны выработанного пространства, куда из-за завала не достигал транспортер, крепежный лес пришлось поднимать со штрека, расположенного ниже, с помощью троса, под «дубинушку». Однако иного выхода не было.

Отбив свою смену в забое, бригадир, наскоро отдохнув дома, снова спускался в шахту — посмотреть, как идут дела у ребят. Миновав рудный двор первого горизонта, Василий Дмитриевич торопился в темный тоннель, в крошечную тьму. Если бы не свет лампы, выхватывающий из мрака то сплошную угольную стену, то изрытую влажную почву, то приплюснутые у основания, покры-

тые серой пылью деревянные стойки, можно в два счета заблудиться даже самому опытному горняку. Но вот слева урчит врубовая машина — теперь до цели недалеко.

Гремячинская шахта № 76/75 в Кизеловском бассейне известна как предприятие, где технический прогресс в почете. Здесь знают, как разрабатывать крутопадающие угольные пласты. Освоена безлюдная выемка. Внедрен щит Чинокала. Испытана гидродобыча. А тут — смещение эпох! Мимо Ермошкина, подминая колесом дощатый настил, движется тачка, доверху груженная углем. Обыкновенная горняцкая тачка, место которой разве что в музее.

— Как дела, Володя? — кричит Ермошкин.

Человек останавливается, смахивает ладонью пот со лба.

— Привет, бригадир. Все в порядке.

Василий Дмитриевич спешит в глубину выработки, где маячит лампа другого шахтера.

— Спать не хочешь, Драничников? — окликает он его.

— А-а, это вы, Василий Дмитриевич... Какой тут сон — вон какой крепкий орешек нам дали.

— Ничего, раскусим.

— Раскусим, бригадир... Эх, курить-то нельзя!

Ермошкин доволен: настроение у ребят боевое. Значит, можно не беспокоиться, не подведут.

Задачу бригада выполнила раньше срока.

Это всего лишь один эпизод из трудовой биографии знатного горняка. В обычных условиях бригада Ермошкина давала в месяц до 130 метров проходки — значительно больше плана. Она участвовала в соревновании за так называемый уральский час, когда сменное задание выполняется на час раньше срока, а в оставшееся время на-гора идет сверхплановая продукция. Семилетку бригада завершила за шесть лет. На груди Василия Дмитриевича засверкала золотая звезда Героя Социалистического Труда.

КОГДА ГОРИТ ЗЕЛЕНый

Завьялов Григорий Григорьевич родился в 1914 году в городе Верещагино Пермской области. После окончания в 1932 году железнодорожной школы работал в паровозном депо слесарем, кочегаром, помощником машиниста. В 1943 году встал за правое крыло локомотива. Отличился в вождении тяжело-весных поездов, достиг высоких показателей в экономии топлива. Знатному машинисту было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

После перевода на электрическую тягу главного направления Москва — Пермь Г. Г. Завьялов в числе первых паровозников получил право управления электровозами. Сейчас Г. Г. Завьялов на пенсии.

На станции останавливались эшелоны с ранеными. Коротенькие двухосные вагоны с красными крестами на дверях вытягивались от стрелки до стрелки. На перроне «ходячие» раненые спрашивали:

— Эй, браток, что за станция?

— Верещагино.

— До Перми далеко? В госпиталь бы скорее — и обратно...

Шел второй год войны. Завьялов ездил помощником

на паровозе. Приходилось трудно. Людей не хватало, техника работала на износ. Каждый километр пути брался с бою. Встанет локомотив в депо на ремонт, а «лечить» его некому. Поездные бригады шли в цехи, на канаву, брались за кувалду и гаечные ключи. Иногда месяца по два и больше не ездили в рейсы. Хотел бы, да пока начальство само не отзовет, лучше не просись.

Выйдет паровоз из ворот депо — ему бы зеленую улицу — силы-то прибавилось! — да опять не получалось. Поездов больше, а пропускная способность оставалась прежней, и составы двигались по участку буквально в очередь. Далеко по однопутке не разгонишься. Приедешь, бывало, на разъезд — часами стоишь на одном месте, пропуская составы со срочным грузом. А в войну все срочное. На запад — воинские части, боевая техника, продовольствие. На восток — раненые, эвакуированные, оборудование для заводов.

Поезд стоит, а паровоз — он всегда должен быть под парами. Откроют семафор, загорится впереди зеленый огонь — открывай, машинист, регулятор на большой клапан, веди состав на высокой скорости! Поэтому давление пара в котле должно быть в норме в любую минуту. И держать его таким — обязанность помощника. С ног сбивайся, а за топкой следи да следи, чтоб не подвела. А уголь ценился на вес золота, часто в дело пускались дрова. Да и их надо было с толком расходовать, беречь каждое полено: ведь и оно — народное добро.

Завьялов ездил с машинистом Ежовым. Тот чувствовал себя на паровозе как дома и приучал своего помощника работать со всей тщательностью, потому что на железнодорожном транспорте нет мелочей. Сам он мог служить примером рачительного хозяина и мастера вождения поездов. Завьялов с интересом наблюдал, как машинист использует профиль пути, с каким расчетом «открывается» и «закрывается» на перегоне, то давая в цилиндры локомотива пар, то заставляя поршни двигаться вхолостую, в силу инерции.

— Паровоз, Гриша, не тележка, с кухонным котлом, — говаривал Ежов, следя за тем, как Завьялов шурует топку. — Ровней, ровней раскидывай... в уголок, вон туда подбрось, чтоб во все дымогарные трубы жар одинаково шел. Скоро подъем — пару потребуется много. А за него перевалим — топке можно и роздых устроить...

Завьялов точно следовал указаниям своего наставника, завидуя его умению чувствовать машину. Да, он обязательно добьется того, чтобы самому встать за правое крыло локомотива, водить поезда. Всего себя без остатка отдаст нелегкому, но ставшему родным делу. Он как пять пальцев будет знать устройство паровоза, до тонкостей освоит искусство управления.

И Завьялов стал машинистом.

А время летело. Фронт откатывался к государственной границе. Когда, наконец, на весь мир прозвучал победный салют, даже не верилось, что все позади, что и он, Завьялов, выдержал вместе со всеми трудности военных лет.

Но с окончанием войны напряжение в работе не спало. Надо было восстанавливать разрушенное народное хозяйство, и тут верещагинским машинистам тоже предстояло много потрудиться. К этому времени на участке был проложен второй путь, и грузы пошли непрерывным потоком. Вместе с братьями Каменских, один из которых, Николай, позднее стал лауреатом Государственной премии, Завьялов выступил инициатором вождения тяжелых поездов, соревнования за экономию топлива.

Как-то в бригадирке ему сказали:

— Ваш паровоз, Григорий Григорьевич, ставится на ремонт. Придется ездить пока на другой машине.

Завьялов заказал диспетчеру тяжеловес в четыре тысячи тонн. Такие поезда редко кто водил. Но опыт у него был, и он ничуть не сомневался в себе. Лишь бы локомотив не подвел.

Огромный состав, подминая рельсы, вышел со станции Пролетарской и, набирая скорость, двинулся в сторону Курьи. Паровозная труба содрогалась от частых выхлопов отработанного пара, темный едкий дым густо валил к небу.

Григорий Григорьевич, высунувшись по грудь в окно, внимательно вглядывался вперед. Вот позади одна кривая, вот еще...

Вдруг паровоз будто споткнулся. По характерному стуку Завьялов сразу определил, что сломалась одна из осей локомотива. Не выдержала нагрузка.

Машинист сбросил на нуль регулятор, чтобы оценить всю глубину возникшей опасности. Способен ли паровоз

воз к движению? Можно ли рассчитывать на безопасность? Можно ли, не особенно рискуя, дотянуть состав до ближайшей станции? Все эти вопросы молниеносно промелькнули в голове.

Завьялов решил преодолеть те несколько километров, которые отделяли его от станционных путей. Главное — не допустить никаких рывков. Главное — спокойствие.

— Что случилось? — прокричал помощник. — Это опасно, Григорий Григорьевич?

— погоди, — как можно спокойнее ответил Завьялов. — Смотри за сигналами.

Метр за метром огромный состав преодолел остаток перегонного пути и остановился далеко за входными стрелками пути, где уже с тревогой ждали неизвестно почему запоздавший поезд. Авария была предотвращена, и перегон освобожден для движения других поездов...

Сотни тысяч тонн сверхпланового груза перевез коммунист Завьялов. Все, что добыто и сделано золотыми руками уральцев, возил своим могучим ФД верещагинский машинист. И узнав, что правительство присвоило ему звание Героя Социалистического Труда, в депо сказали: по делам и награда.

БЕЗ УСТАЛИ

Игнатьева Зоя Трофимовна родилась в 1917 году в Перми. После окончания начальной школы она начала свой трудовой путь. В 1936 году с отличием окончила фабрично-заводское училище завода имени Ф. Э. Дзержинского и два года работала токарем. Затем перешла на завод имени Я. М. Свердлова. Здесь она стала членом КПСС. В 1960 году токарю З. Т. Игнатьевой было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

За токарным станком стоит женщина. Она среднего роста, на голове косынка. Это Зоя Трофимовна Игнатьева. Работает она быстро, уверенно, красиво.

Ее руки ложатся то на нониус, то на рукоятку, то отводят металлическим крючком стружку — и вот уже снимают со станка блестящую, точно полированную, деталь. Быстро проверены размеры, и деталь поставлена на тумбочку. С каждым часом в сортировке деталей становится все больше. Вот уже и норма выполнена.

Смена близится к концу, казалось, можно бы и отдохнуть. Но Игнатьева работает еще быстрее. Не оставлять же на завтра то, что можно сделать сегодня. Этому

правилу она следует все тридцать два года, которые проработала у токарного станка в одном из механических цехов завода имени Я. М. Свердлова. Коллектив его давно уже стал для нее родной семьей, а цех — вторым домом. С ними у Зои Трофимовны связаны самые дорогие воспоминания.

Она помнит, как в годы войны работали в холодном цехе чуть ли не по две смены подряд. Фронт требовал все больше продукции, и рабочие не жалели сил. Фронтная бригада, в которой была Зоя Трофимовна, тоже работала столько, сколько требовалось.

Как-то Игнатьева три смены подряд простояла у станка. Первую смену трудилась за брата, погибшего в боях с фашистами, вторую за мужа, тоже павшего на фронте, а уже третью — за себя. Одолевала усталость, силы, казалось, оставляли ее. Она на миг подняла голову от станка и увидела на стене большой лозунг: «Товарищ, все ли ты сделал для фронта, для победы над врагом?» От этих слов словно прибавилось сил, как-то сразу отступила усталость. И она опять склонилась над станком: точила, зенкеровала, сверлила, нарезала резьбу.

После войны Игнатьева тоже работала отлично, отдавала производству все силы и большой опыт. Она стала хорошим рационализатором. Потом активно участвовала в движении за коммунистический труд.

В конце шестидесятых годов, когда началось соревнование в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина, бригада, в которой работала Зоя Трофимовна, по ее предложению решила подтянуть до своего уровня всех отстающих молодых рабочих участка. Приняли десять человек в бригаду и взяли над ними шефство. Вскоре каждый из них стал перевыполнять нормы.

Зоя Трофимовна Игнатьева всегда работала добросовестно. Но она не думала, что ее труд, труд рядового токаря будет так высоко оценен.

Шел март 1960 года. Отработав ночную смену, Зоя Трофимовна, передав станок сменщице, стала собираться домой. Но в это время к ее станку подошла целая делегация во главе с директором завода Субботиным. И она услышала слова, в которые долго не могла поверить:

— Поздравляем вас, дорогая Зоя Трофимовна, с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда.

На высокую награду З. Т. Игнатьева ответила высокопроизводительным трудом. Первой на участке она взяла на себя обязательство к столетию со дня рождения В. И. Ленина завершить выполнение пятилетки.

Уже в июне 1969 года Зоя Трофимовна докладывала «треугольнику» цеха о досрочном выполнении пятилетнего задания. До ленинского юбилея оставалось десять месяцев, Игнатьева решила в оставшееся время дать еще одну годовую норму.

Это обязательство тоже было выполнено.

...Закончен рабочий день. Зоя Трофимовна приводит в порядок станок, затем она спешит в красный уголок на цеховое собрание, где пойдет разговор о долге и рабочей чести. Ей есть о чем рассказать молодым...

«Я КОММУНИСТ...»

Калинин Иван Степанович родился в 1902 году в Пермском районе Пермской области. Во время коллективизации вступил в колхоз. В тридцатых годах стал председателем зуевского колхоза, зарекомендовал себя хорошим организатором.

И. С. Калинин участвовал в Великой Отечественной войне. После тяжелого ранения демобилизовался и снова был избран председателем колхоза. Звания Героя Социалистического Труда удостоен в 1948 году за высокие урожаи зерновых культур. Позднее был заместителем председателя объединенного колхоза «Новая жизнь».

В последние годы коммунист И. С. Калинин работал председателем Осенцовского сельского Совета.

Умер Иван Степанович Калинин в 1966 году.

Недавно он читал рассказ в газете. Запомнилась такая фраза: «Собрание гудело, как потревоженный улей». Сейчас, сидя за столом президиума, Иван Степанович вспомнил эту фразу. «Если бы сегодняшнее собрание походило на потревоженный улей, тогда бы еще ничего...»

Встал, поднял руку.

— Товарищи, давайте высказываться по одному. Кто хочет сказать первым?

— Да вот хоть бы я первая!

Это Дарья. Лентяйка и неработь. В войну получила срок за мыловарение. Что она скажет?

— Не шибко я до выступленьев охотлива, но скажу: не по справедливости у нас хлеб отымают. Вона как мы ныне вкалывали, поту сколь пролили! Верно, бабоньки?

Снова зашумели все разом. Одни поддакивали Дарье, другие — заметно, что их большинство, — пытались усовестить. Раньше у правленцев был колокольчик, потом его куда-то забросили за ненадобностью. Как бы он сейчас пригодился!

Только председательствующий успокоил спорящих, из задних рядов выкрикнули:

— Лежебока она, Дарья эта! Чужим горбом хлеб огребла, чего ее слушать!

И опять галдеж. Ну и собрание!

А началось все с того, что его, Калинина, вызвал председатель райисполкома Пичкалев. Они были хорошо знакомы, по праздникам даже в гости друг к другу навещивались. Расспрашивал Пичкалев о здоровье домашних и задумчиво барабанил пальцами по столу.

Иван Степанович не вытерпел:

— Брось, Петрович, не за этим ведь вызывал...

— Верно, — смутился Пичкалев, — не за этим.

И стал рассказывать о том, что в других колхозах района собрали плохой урожай зерновых. Где по восемь центнеров, где и того меньше. А у Калинина, — он подчеркнул «у Калинина», — двадцать пять! В Большакино по двести граммов хлеба на трудодень определили, а у Калинина — по три килограмма. У савинцев град прошел, поэтому...

— Слушай, дорогой, — взорвался Калинин, — не тяни ты из меня душу! Я коммунист, а не кулак паршивый, чтобы меня агитировать! Говори, сколько надо.

Пичкалев расхохотался.

— А я, думаешь, знаю, сколько? Давай прикинем. Прикинули.

— Н-да! — протянул Иван Степанович. — Загадал ты мне загадку... Что ж, надо собирать собрание, посоветоваться с колхозниками.

Земля в этом году действительно порадовала кол-

хозников. Уродились капуста, картофель. Но особенно хорошим оказался урожай зерновых.

В августе трактористы сутками не слезали с машин, чтобы вовремя поднять зябь. Калинин тогда даже плакат самолично написал: «Августовская зябь — это прибавка 2—3-х центнеров зерна на гектаре». Весной по зернышку перебирали семена, организовали проверку качества сева. Осенью в поле вышли и стар и млад. Снова начались бессонные ночи. Таков уж труд земледельца — пришла страда, о сне забудь. Весь урожай убрали до первых дождей. Подсчитали — ого! — двадцать пять центнеров!

В домах колхозников — песни, веселье. «На трудодень по три килограмма зерна правление вырешило, да, глядишь, еще добавят», — рассуждали колхозники. В их памяти еще стояли тяжелые годы войны...

И вот теперь, на колхозном собрании, ему, председателю, предстояло убедить людей в том, что они должны поделиться хлебом с теми, у кого он не уродился. Он напомнил колхозникам, что в Поволжье была засуха, что западные районы страны, Украина еще не оправились от разрухи, причиненной фашистами. Рабочим заводов нужен хлеб, чтобы для них, колхозников, изготовить больше плугов, тракторов, комбайнов.

После Дарьи выступило несколько человек. Они говорили, что согласны с мнением председателя. Коли просят у колхоза излишки, просьбу эту надо уважить. Дарья, однако, не угомонилась. Опять попросила слова.

— Выступали вот сейчас, а вы и уши развесили! А кто они, эти выступатели? Они ж под дудку Калинина пляшут! Сам-то председатель, небось, не пахал, не сеял — бумажонки подписывал. Ему-то легко нашим добром распорядиться!

Что тут началось! От шума и гама, казалось, вот-вот рухнет потолок.

К столу президиума протолкался дед Субботин, старейший хлебороб, одним из первых записавшийся в колхоз. Оперся на палку, потеревил бороду. Притих народ.

— Я работник ныне плохой стал, потому слова не требовал. Но коли против Степаныча она поднялась, — старик погрозил палкой в зал, — я тоже скажу. За кого мы голоса отдали, когда Степаныч с фронта вернулся? За него? Кто химические удобрения для колхоза требовал? Он, Степаныч! Кто склад новый выстроил?

Собрание гудело.

— А мы не знаем, что ль?

— Голосовать! Голосовать!

Председательствующий снова поднял руку.

— Товарищи колхозники! Если больше нет желающих выступить, переходим к голосованию. Кто за то, чтобы...

Иван Степанович наклонил голову. Пусть никто не видит, как покраснелось его лицо. Еще ни разу вот так — принародно — не хвалили его, не говорили добрых слов. И он почувствовал себя очень неловко.

В зале взметнулись вверх руки. Крепкие, мозолистые. Тогда и он поднял свою руку. Пальцы заметно дрожали. Видно, дала о себе знать фронтовая рана. А может быть, просто оттого, что он здорово понервничал на этом собрании...

ТРУДОВАЯ СЛАВА

Квашнин Константин Сергеевич родился в 1914 году в деревне Ново-Курманкеево Башкирской АССР. Здесь он начал свой трудовой путь. Был учеником рассевальщика на мельнице, помощником машиниста, затем работал токарем в машинно-тракторных мастерских.

С 1936 года К. С. Квашнин проходил воинскую службу на Дальнем Востоке, после демобилизации приехал в Пермь и поступил на завод имени Я. М. Свердлова. Работал токарем, наладчиком, сменным мастером, диспетчером. Здесь же стал членом КПСС. В 1960 году Константину Сергеевичу Квашнину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1966 году К. С. Квашнин скончался.

Бывало, придет на участок и скажет: «А ну-ка, поднажмем, братики!»

Любили его рабочие. По сей день хранят теплые воспоминания об этом человеке. И особенно охотно рассказывают молодым, как в 1957 году Константин Сергеевич «вторично» стал токарем.

А было это так...

Сменный мастер Квашнин вошел в кабинет начальника цеха и положил на стол заявление.

— На станок хочу перейти — объяснил он коротко. — На заводе токарей не хватает...

Начальник цеха многозначительно посмотрел на сменного мастера — тот все еще стоял перед ним. Он был среднего роста, плечистый, с открытым широким лицом, испещренным морщинами, нажитыми в годы войны. Тогда ему приходилось работать по восемнадцать часов в сутки.

— Правильно поступаешь, молодец, — одобрил решение Квашнина начальник цеха. На заявлении появилась размашистая подпись.

Все объяснялось просто.

Константин Сергеевич очень любил профессию токаря. Он полюбил ее с того самого дня, когда впервые, еще юношей, встал за старенький токарный станок с ременной передачей. Его восхищало превращение слитка металла в деталь, сам этот процесс ему казался высшим проявлением разума рабочего человека.

Конечно, годы работы диспетчером и мастером убавили у Квашнина навыка в токарном деле. Но он не задавал себе вопроса, сможет ли: раз надо — сможет.

Так появился Константин Сергеевич с заявлением у начальника цеха.

На следующий день Квашнин уже стоял у токарного станка. Детали были сложнее. Допуск микронный, класс обработки самый высокий. Вначале дело подвигалось медленно. На обработку самой первой детали он затратил около восьми часов. Хотя и был весь в поту, но все же сделал ее как положено: все размеры точно соответствовали чертежу.

На другой день таких деталей Квашнин уже сделал две. Но эти темпы тоже казались ему черепашьими. И тогда заговорила рационализаторская смекалка. Он установил на станке индукторный упор, усовершенствовал приспособления, подобрал наиболее производительный инструмент. Дело пошло веселей, теперь за смену удавалось обрабатывать три детали. Но это еще не было пределом. На своем рабочем месте токарь нашел немало резервов: навел порядок на стеллажах, где хранились приспособления, предложил, чтобы кладовая выдавала инструмент комплектами в ящиках.

Но и на этом не остановился рабочий-новатор. Продолжая поиски резервов, в один из дней Константин

Сергеевич включил станок и вместо обычного металлического резца подвел к детали невзрачную серую пластинку. Закрутился патрон, и над станком сизоватым облачком повис легкий дымок.

Готова одна деталь, вторая, третья, а пластинка стоит как ни в чем не бывало. К концу смены Квашниным был установлен рекорд — норма выработки оказалась перевыполненной в два с половиной раза при высоком классе чистоты обработки.

Через несколько лет лучший токарь завода Константин Сергеевич Квашнин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

ТРУДНАЯ ОСЕНЬ

Келль Август Иоганович родился в 1912 году в Псковской области. Он является одним из организаторов сельскохозяйственного производства в Пермском районе Пермской области, где трудится с 1932 года. В бывшей Пермской МТС прошел путь от механика до директора. За высокие урожаи зерновых культур, полученные в зоне Пермской МТС в 1946 году, А. И. Келль был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Кроме того, он награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Был делегатом XX съезда КПСС.

В 1960—1968 годы Август Иоганович возглавлял совхоз «Лобановский». За это время в хозяйстве удвоились урожаи полевых культур, намного поднялась продуктивность скота.

В 1968 году коллектив совхоза «Лобановский» проводил Августа Иогановича на пенсию. Но вскоре по просьбе А. И. Келля он был назначен начальником передвижной механизированной колонны № 11 Пермского района.

Августовское утро наступает рано. Встает солнце, и сначала на буграх, а затем и по низинам, тянется сизый туман. От полей разносится густой хлебный запах. Но вдруг накатывает туча — и пошел проливной дождь.

И так — каждый день, как по расписанию, с самого начала жатвы. Только выведут механизаторы на поля машины, только настроятся и — стоп.

Август Иоганович Келль, директор совхоза «Лобановский» остановил свой забрызганный грязью газик, подошел к краю хлебного поля, сорвал колосок и растер его на ладони. Вот они, янтарные зерна! Многое нужно сделать, чтобы больше собралось их в одном колосе, много заботы требуют они и теперь. Задержись с уборкой на несколько дней — потерь не избежать. А тут ненастье вставляет палки в колеса...

Надо перестраивать организацию труда. Но как?

А если создать специальное механизированное звено, так сказать, ударный кулак? Оно бы обеспечило необходимую маневренность машин. Дело новое, но, может, попробовать? По крайней мере, следует посоветоваться со специалистами...

— Ну что ж, поехали в контору, — говорит Келль шоферу, подходя к машине.

— В контору? — удивился шофер. — Что-то не по расписанию у нас сегодня...

Но ему не нужны разъяснения. Глядя на директора, он понял, что опять Август Иоганович что-то придумал. Недаром так заторопился.

Тимуршин много лет водит директорский газик. Сколько проехал вместе с Келлем — трудно сосчитать. Вот и сегодня с раннего утра колесили они по отделениям, бригадам, тракторным станам и другим производственным участкам большого хозяйства. Побывали у овощеводов в Клестях, у кояновских механизаторов и животноводов, а теперь возвращаются из Касимова. И нигде директор не вел себя как контролер, выискивающий недостатки и дающий за них «разгон» виновным. Он никого не поучал, не «давил» своим авторитетом, а спокойно, без тени раздражения, доказывал, убеждал, что сделать нужно так, как он велит. При этом директор соглашался с чужим мнением, если убеждался, что оно отвечает интересам дела. Сегодня утром Августу Иогановичу пришлось порядком понервничать. Когда машина шла из Кояново в Касимово, Келль через ветровое стекло увидел на кукурузном поле широкую «просеку». Остановились. Полутораметровые стебли были примяты к земле, поломаны. «Просека» уходила от

дороги через все поле к перелеску. Кто-то, экономя время, провел по кукурузе грузовую автомашину.

— Неужели свой? — спросил директор у шофера.

— Скорее всего, что так, чужим здесь делать нечего.

В конторе Касимовского отделения никто об этом ничего не знал. Но на ферме, возле которой закладывали стога, доярки заявили:

— Нечего и искать. Это Овчинников. Вчера прикатил с сеном чуть тепленький. Как только и доехал!

— Уточните, — дает распоряжение Келль управляющему отделением. — Подтвердится — немедленно снимите с машины, составьте акт о возмещении причиненного ущерба. И обсудите виновного на бригадном собрании.

Может быть, строг Август Иоганович Келль? Но если и так, то это справедливая строгость. Она нужна каждому руководителю, без нее нельзя по-государственному решать дела. И не было случая в директорской практике Келля, чтобы кто-то на него обиделся, затаил злобу. Справедливое наказание, видимо, не может вызвать таких чувств.

Директорский газик вырывается на тракт и вскоре останавливается перед двухэтажным зданием конторы совхоза.

Неторопливым шагом поднимается Август Иоганович на второй этаж. Но идет не в свой кабинет, а в партком совхоза. Вскоре в кабинет секретаря парткома пришли главный агроном, главный инженер и другие специалисты и руководители.

— Вот что, товарищи, — говорит Келль. — Собрались мы буквально на несколько минут. Заседать некогда. Всем вам известно положение с жатвой. Хлеба вот-вот начнут осыпаться, а дожди не дают развернуться механизаторам. Есть такое предложение: создать ударное специализированное звено и в зависимости от создавшихся условий маневрировать им в масштабах всего совхоза.

— Идея интересная, — соглашается секретарь парткома. — Только надо ее конкретизировать.

— Верно, — добавляет главный агроном. — Такое звено хорошо поможет. Тем более, что комбайны в Лобаново стоят сутками, а в Козыбаево в то же время не выпадает ни капли. Механизаторы практически смогут работать каждый день.

— Я согласен, — добавляет главный инженер. — Правда, мы при этом проигрываем в затратах: технику придется часто перебрасывать. Но зато выигрываем главное — время. Да и качество уборки будет лучше.

Слушая спокойные, рассудительные слова своих помощников, Август Иоганович невольно радуется. С такими людьми работать можно. Они все понимают с полуслова. Но прежде, чем принять решение, все тщательно продумают, взвесят, чтобы избежать ошибки. Не случайно совхоз «Лобановский» за каких-то четыре-пять лет удвоил урожаи зерновых культур, овощей и картофеля, почти на тысячу килограммов увеличились годовые надои коров...

— Звено должно состоять из лучших механизаторов, — продолжает главный инженер. — Нужно придать ему всю необходимую технику. И оно покажет себя.

И вот звено создано. В него включили опытных механизаторов Н. Румянцева, Т. Князева, В. Ефремова, Я. Могильникова и А. Паршакова. Руководить этой ударной группой поручили дирекции и главному агроному. К вечеру решили собрать механизаторов, дать им конкретные задания...

А директорский газик опять покатил по большаку, свернул на ухабистый проселок. Директора ждут новые срочные дела, новые заботы. Но мысли невольно возвращаются к только что созданному звену. Как-то оно себя покажет? Наверняка завтра снова пойдет дождь, опять где-то встанут комбайны. Но звено все равно будет действовать! В этом директор твердо уверен. Эта уверенность снимает усталость, придает новые силы.

ДЕЛА ЗАВОДСКИЕ

Ключкин Владимир Алексеевич родился в 1924 году в селе Ново-Фетинино Владимирской области. После семилетки учился в школе ФЗО при Кольчугинском заводе «Электрокабель». До призыва в ряды Советской Армии около двух лет работал на горячих прессах. Участвовал в Великой Отечественной войне. Демобилизовался в 1948 году и вернулся на родное предприятие, которое после эвакуации осталось в Ташкенте.

Когда началось строительство завода «Камкабель», Владимир Алексеевич переехал в Пермь. Он работал мастером корпуса воздушных алюминиевых проводов до 1970 года.

В 1966 году за высокие производственные показатели участка, которым он руководил, В. А. Ключкину присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сейчас В. А. Ключкин работает в городе Кольчугине Владимирской области.

Морщины бороздят его лоб, морщины неровные, с изломом, какие рождаются от раздумий. Лицо у него восточной смуглости. Правда, Азия тут не причем, он с Владимирского ополья. «Загар» у него производственного происхождения. Не по семи часов он бывает в цехе. Раньше семи вечера с работы не возвращается.

Однажды выполняли ответственный заказ. А кабель рвется — и все тут! Не от веселой жизни начальник техотдела сам под агрегат залезал. Все ломали головы, всякий по-своему, но вывод единым был: надо сращивать концы.

— Не велика премудрость связать два конца, — ска-зали Ключкину, — давай, Алексеич, испробуй все мето-ды, какие знаешь.

А методов три — британский, в метелку, в разгон. Схе-му вязки, достоинства и недостатки любого из них он знал. Но это все равно что знать, как шьют сапоги, а са-мому еще ни одной пары не сшить. Испробовал один ме-тод, другой — толку никакого: рвется кабель.

Принес Владимир Алексеевич домой кусок кабеля, паяльник. Начал пробовать. На четвертом часу его экс-периментов жена не выдержала: «Ты всю квартиру за-коптил! Разве места тебе не хватает на заводе?»

Все же Ключкин нашел выход. Решил, что надо в ме-сте сращивания каждую проволочку переплести с дру-гой да запаять для пущей надежности.

Гросидел всю ночь, делая образец. На заводе пока-зал его начальнику цеха Демидовскому. Одобрил. При-вязали к кабелю шестерню килограммов на триста, по-просили машиниста мостового крана: «Ну-ка!» Держит, хорошо держит!

Все радовались. А у Ключкина, наоборот, беспокой-ство: ведь кабель при работе может нагреться, и тогда олово потечет, получится разрыв! Не связать ли узлом все до единой проволочки меж собою? Словом, дома не дождались в тот вечер его прихода. Зато утром в ла-боратории определили, что теперь достаточно одного в-плетения с узлом, и паять кабель нет необходимости.

Дело на этом не кончилось. Не будет же Ключкин все порывы устранять! Рабочих надо было научить. Яс-но, что еще долго он вовремя домой не приходил.

Наконец-то почти нормально вернулся домой с по-следнего занятия. Решил отдохнуть. Да и вообще, ко-гда дело сделано, принято на какое-то время остано-виться, осмотреться, оценить свой труд. Но вышло по-другому.

Внезапно появилась в цехе посыльная с берегов Азовского моря — из города Жданова. Напористая: ей про все остальное, кроме ее заказа, забудь. Люди обо-

рудование переналаживают, а она уселась прямо на агрегат и определила:

— Долгая раскачка у вас, товарищи. Как-нибудь поскорее нельзя ли?

— Поскорее, — ответил Ключкин, — попытаемся, но «как-нибудь», извините, не привыкли делать.

Конечно, технология изготовления и этого кабеля была знакома пермским мастерам, но ждановцам потребовался особый, какого на заводе еще ни разу не выпускали, — толщиной в руку. В тот день все шло удачно и быстро — переналадка, подготовка компонентов и инструмента, само опробование. Ключкин радовался: появился на свет новый кабель, трехжильный, из шести тысяч прядей. Это только сосчитать чего стоит! Перед окончательным пуском решили перекурить, а ждановская посыльная тут как тут: «Почему остановка? Зачем?»

Владимир Алексеевич посмотрел издали — полный порядок: крутится трехметровый барабан, наматывает черный кабель. Поехал домой...

Переступил порог квартиры и не понял, что произошло с семейством: вопросов не задают, каждый своим делом сосредоточенно занят. Поужинал он в одиночку и вспомнил — ведь собирались же сегодня устроить коллективный поход в кино. Опять подвел всех близких своим «почти своевременным» приходом домой.

Посмотрел в окно и увидел: разворачивается во дворе заводской автобус, из него старший технолог Кузьминов выходит.

— АНВ, Владимир Алексеевич, встал, — объявил он прямо с порога. — Главный спрашивал, не подойдешь ли?

Вспомнились Ключкину слова главного инженера, которые он утром слышал: «Этот заказ нужно сделать как можно скорее. Из-за кабелей не может состояться очень важная погрузка в порту Жданов». Как тут усидеть!

Спецовку накинул, сел в автобус — и на завод. В цехе — сменный мастер, главный инженер да бригадир, опытный человек. Чего же он подкачал? Посыльной из Жданова не было, видно, умоталась за день, отдыхает. Вот бы заахала, знай, что происходит.

Главный перекинулся с Ключкиным несколькими словами и ушел. Разглядел Владимир Алексеевич кабель: «бородавки» на нем, значит, подгорела резина. Вроде бы вся партия сырьем хорошей была. Тем не менее... Хо-

тя и температура может повлиять, если она слишком высока.

— Проверяли головку пресса? — спросил Ключкин бригадира.

— Нет, — отвечает. — Все равно копать до утра, зачем же лишние хлопоты.

— До утра кабель должен быть готов!

Под взглядом Ключкина бригадир принялся «выгонять» резину из головки пресса. Парень он толковый, да вот сорвался, понервничав во время наладки агрегата.

Заменили резину. Поднялся Владимир Алексеевич к пульту управления, нажал пусковую кнопку, пошла масса. Чистая. Сцентровал. Включил тягу...

Потом технолог «Камкабеля» выезжал в Жданов. Хорошо показал себя пермский кабель. И сейчас служит безотказно.

ДУМАТЬ О ЛЮДЯХ

Кокшаров Михаил Ефимович родился в 1929 году в деревне Тобольской Нердвинского района Пермской области. В 1945 году окончил школу ФЗО, получил специальность помощника машиниста экскаватора. Работал на строительстве крупных промышленных комплексов в Березниках, Нижнем Тагиле, Губахе. В 1958 году стал машинистом экскаватора на стройках Перми, вскоре его экипажу было присвоено звание коллектива коммунистического труда.

В 1966 году заслуженному строителю РСФСР М. Е. Кокшарову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Летом того же года он окончил вечернее отделение строительного техникума и получил диплом механика.

М. Е. Кокшаров работает машинистом экскаватора в СМУ № 4 пермского треста «Строймеханизация».

Готовились, будто к сражению, и вышли, как на бой. Весь экипаж здесь, из обеих смен.

Михаил нашел взглядом каждого. Петр Клюков, верный товарищ, дорогой человек. Вместе в Губахе работали, вместе в Пермь приехали, выбрали себе машину, отладили — стал не экскаватор, а загляденье. Вместе в техникум решили пойти. И сейчас вместе. Продумали,

прикинули, подсчитали... Помощники возьмется с обнюской у колышков. Валентин Петров в своем бушлатике; основательный, опытный Петр Петрович Нейфельд... Вот кому работы прибавится — помощникам машинистов. Раньше их делом был только уход за экскаватором, теперь же они будут помощниками всю смену. Их забота — постоянно следить за отметками глубины, работать с визирками, руководить действиями экскаваторщика. Но они всё понимают и идут на всё.

Пора начинать. Денек мартовский, а какой-то невеселый, хмурый, бесснежный. Площадка под будущий котлован уже вся истоптана. Повозились-таки с разметкой. На торцах — деревянные столбы, к ним гвоздями прихвачены указатели осевых линий и нулевых отметок. На уровне нулевых отметок с обеих сторон котлована еще прибиты рейки. По этим рейкам с помощью визирок будет проверяться глубина выработок. Сложная система, частокол, понятный сейчас лишь им.

Подтаявший снег сер, перемешан с землей. А Кожарову видятся зеленые уступы, красные углубления, синие траншеи... Таким разноцветным выглядит на схеме профиль подошвы будущего дома.

Пора начинать.

— Ну, пошел? — голос главного инженера. Волнуется, наверное, больше экипажа. Это и его давняя мечта: вывести из котлована землекопов. Он истинный механизатор. Для такого самое важное — взять от машины все, на что она способна, механизировать труд, поставить машину там, где сегодня еще незаменимыми считаются лопата и лом.

Михаилу тоже такое понятно. Он был еще в Губахе, на стройке коксохимзавода, когда мастер Павел Данилович Сергиенко учил их, молодых экскаваторщиков:

— Ну что тебе этот бугорок? Рычаг шевельнул — и нету! А откос почему оставил? Пять минут пожалел? Ты в одно вдумайся: тут людям сколько руками копать придется. Думать о людях надо...

Михаил часто думал о людях. О тех, с которыми вместе работал. Может, потому, что он умел о них хорошо думать и быть с ними честным, эти люди его уважали. Он думал о людях, которые будут жить в доме, чья подошва цветными карандашами нарисована на прорабской схеме. Он думал о людях, которые с лопатами де-

сятками приходили туда, где еще вчера, как огромный трудолюбивый жук, топтался его экскаватор. Они начинали махать лопатами, углубляя траншеи, возили землю в тачках, промоздили ленточные транспортеры. Лопаты стучали о мерзлый грунт и, мелькнув над уступом, взблескивали на солнце серебряным краем. Неужели нельзя сразу машиной сделать так тонко и точно, чтобы не требовалась больше ручная зачистка?

Привычно послушный, экскаватор встал по оси траншеи. Ковш-драглайн врубился в грунт. Впереди помахал ладошкой помощник. Слов Михаил не расслышал, но жест понял: «Пока так держать!»

Выбрал грунт с одной стороны, осторожно, спокойно, без суеты и спешки. У них с Клюковым отработана своя манера: срезать землю пластинами, как стружку снимать, чтобы ковш, опрокидываясь, освобождался полностью. Вот так и сейчас. Работу Михаила не раз называли ювелирной. Трудно поверить, что можно так аккуратно и виртуозно управлять громоздкой на вид машиной. Когда Кокшаров уходил в армию, оказалось, что в Губахе рассказывали о нем легенды. Начинающим механизаторам на стройке говорили:

— Вот вернется Миша Кокшаров — увидите, как он котлованы вышивает.

Кокшаров вернулся, и те смогли убедиться, что легенды не были вымыслом воспитателей — любителей живого примера.

Он был совсем еще молод, но очень любил экскаватор, к которому привязался в шестнадцать лет, — и первая любовь обернулась прочным союзом на всю жизнь. А еще ему нравилось каждый раз начинать с нуля. Потом, проходя мимо обжитых балатовских домов, с мирным уютным разноцветьем их окон, с зеленью, велосипедами и цинковыми ванночками на балконах, Кокшаров часто вспоминал и чуть-чуть грустил о том, что словно бы не видно его труда: весь в земле. А ведь он с товарищами приехал сюда первым после геодезистов, в чистое поле, и у первого кола вынул первый ковш земли из будущего котлована. Такая уж у них, экскаваторщиков, судьба: являться на пустое место и делать зачин.

Петр Петрович впереди помаячил. Глубже? От этой вешки? Вижу визирку! Понято!

От колышка начал заглубляться. Раньше прошел бы

всю траншею: землекопы потом раскопают положенные рельефы. Раскопать-то раскопают, да иной раз на их долю останется выбросить из котлована вслед за прошедшим недавно экскаватором 220—300 кубометров земли! Нет, пора все уступы делать машиной. Главное — с предельной точностью все вымерить да мастерски перестраиваться на ходу. И еще одно условие: надо взять на себя ответственность. За машину, за сроки, за качество.

...Стоп? Дальше нельзя? Идти вдоль траншеи? Оглянулся. Наверху с лопатой стоит Валентин Петров. Подчищает помалу путь, пройденный машиной. Ничего, товарищ помощник, в следующий раз и тебе не придется брать в руки лопату, постараемся учесть все.

А вот этот сигнал что-то непонятен. Вверх? Прямо? Что? Глушить мотор? Глянул на часы: полсмены как не бывало!

Кокшаров спрыгнул в траншею. Над землей, оказывается, солнце играет. Снег заискрился. На железном боку экскаватора заблестели капли. Будто пот трудовой.

— Обедать, машинист! — уже сверху помахал Михаилу Петров и помог ему выбраться. Он был весело возбужден. — Ну и дело получается, а? Как по нотам! Начальство тут подсчитало, так что выходит? Если сейчас же начнут укладывать фундамент, значит, весь нулевой цикл сократится почти на декаду, а? Зимой опять же утеплять подошву никакой необходимости! И у нас будет не меньше чем две с половиной нормы. Как тебе это нравится, машинист?

И этими же словами встретил у бытовки Клюжов:

— Как тебе это нравится, а?

— Мне это очень нравится! — крепко тряхнул Кокшаров руку товарища.

ВЫСОКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Колташев Виктор Петрович родился в 1926 году в деревне Колташах Свердловской области.

В системе треста «Союзпроммонтаж» работает с 1947 года. С начала 1963 года руководит бригадой слесарей-монтажников на Соликамском монтажном участке. Непрерывно совершенствует технологию работ, применяет прогрессивные методы монтажа оборудования и трубопроводов. За достигнутые успехи Виктору Петровичу Колташеву в 1966 году присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В. П. Колташев — секретарь партийной организации монтажного участка, депутат Соликамского городского Совета депутатов трудящихся.

Беря в руки газеты, Виктор Петрович всякий раз ощущает какую-то особую теплоту. «На нашей бумаге...» Да, на соликамской бумаге печатаются «Правда» и «Известия», «Труд» и «Красная звезда» — каждая четвертая газета в стране. Белоснежные рулоны с маркой СЦБК отправляются во все республики Союза и во многие зарубежные государства. Только две быстроходные машины комбината дают бумаги больше, чем в 1913 году выработывали все бумажные фабрики царской России. Нынче будет смонтирована новая, одиннадцатая машина

мощностью 114 тысяч тонн бумаги в год. А рядом, в том же здании, встанет двенадцатая.

Бумагоделательная машина... Это гигантский агрегат весом в многие сотни тонн и стоимостью в многие миллионы рублей. Работать он должен 345 дней в году по 22 часа ежедневно и давать бумажное полотно со скоростью 45 километров в час. Должен, но осилит ли такую нагрузку? Это в значительной мере зависит от монтажа.

Монтажники готовятся к сборке такого гиганта. Готовятся — значит, тоже заняты монтажом. Бригада Колташева установила 25-метровую мачту. Теперь у нее уйма работы с тридцатиметровой машиной мостового крана. Одновременно заготавливает оснастку для монтажа подвесного потолка в новом цехе бумагоделательных машин.

Подвесной потолок для бригады не новинка. Шестьдесят тонн, или три тысячи квадратных метров, тонких алюминиевых панелей висят над девятой и десятой бумагомашинами. В середине 60-х годов их монтировал тоже Колташев, только с другими ребятами.

Трудно было на стройке, выбились из графика, и многие работы пришлось совмещать. Виктор Петрович хорошо понимал обстановку. Так и этак прикидывал, со «штабом» своим — звеньевыми советовался. А потом и всю бригаду в задумку посвятил: «Если бы нам такое приспособление...» И вот соорудили в цехе две фермы, соединили их настилом из досок. На него укладывали панели подвесного потолка (их называют картами) и соединяли в блоки — по нескольку штук. Блок поднимали с помощью крана и ручных лебедок. Оказалось, все просто, а выигрыш огромный: вдвое сократили срок монтажа!

И вновь подвесной потолок. Конечно же, прежний опыт пригодится. Да еще лебедки для подъема блоков расставили так, что понадобится всего один сигнальщик вместо четырех.

Если поручат Колташеву монтировать и пароконденсатную систему к новой машине, он опять заменит фланцевые соединения сварными, а закладные части — скобами. Экономичнее. Но если эта работа выпадет на долю другой бригады, она воспользуется новаторским приемом Колташева. Не в первый раз...

Соликамский ордена Ленина целлюлозно-бумажный комбинат — это не только бумагоделательные машины. Здесь большое производство целлюлозы, кормовых дрожжей, спирта, теплоизоляционных плит. Вступили в строй новый завод целлюлозы и дрожжевой комплекс.

Осенью 1969 года в кислотно-варочном цехе целлюлозного завода предстояло смонтировать четвертую сцежу — аппарат из биметалла со сложным внутренним устройством, промадный резервуар высотой с трехэтажный дом.

Виктор Петрович собрал бригаду.

— Придется ввести суровый график: работать в две смены, вечеровать...

— О чем разговор! — согласились ребята. — Надо, значит, работаем!

Казалось, в тесноте действующего цеха нельзя было и подумать о крупноблочном монтаже. Но Колташев и тут нашелся: «Если внутри сцежи установить кран-укосину с электротельфером...»

Так и сделали. И с помощью крупноблочного монтажа выиграли целую декаду.

Эта сцежа не первая на счету бригады. Три аппарата давно уже принимают содержимое варочных котлов. А как было с ними? Завод-поставщик присылал корпуса и днища из отдельных лепестков. Бригада начала со сборки днищ. Сваривали каждое вне цеха тремя картами.

Пока одно звено занималось днищами, другое собирало в укрупненные карты цилиндрическую часть. Два почти 11-метровых металлических листа укладывали на земле и сваривали. Наружный шов наносился с помощью «черного» электрода. Потом карту краном переворачивали. Шов с внутренней стороны зачищали шлифовальной машиной и вторично заваривали легированным электродом — гарантия долговечности!

Работать на земле проще и легче сварщикам. А спаренный блок поднимали на фундамент. Здесь сваривали остальные стыки днища и корпуса. И вот результат: сроки монтажа трех сцеж сократили на полмесяца.

Все на участке и в управлении привыкли к тому, что Виктор Петрович непрерывно совершенствует технологию монтажа, вносит изменения в проекты организации работ, улучшает условия труда, умело расставляет людей по рабочим местам. Всем видно его стремление

сделать больше и лучше, а времени, сил и средств затратить поменьше.

Давно знают в коллективе привычку бригадира порасспросить своих товарищей о житье-бытье, потолковать с новичками. Он всегда готов помочь. Если у кого что-то не получается, не спешит с крутыми мерами, проявляет мудрую терпеливость. А у того, кто с дисциплиной не в ладу, старается совесть пробудить. Скажет спокойно и деловито, но на глазах у всей бригады. Да так, что в другой раз не захочешь предстать на его «суд». Но молодежь тянется к нему — справедлив.

Монтажники — особый народ, кочующий. Виктор Петрович не исключение. Начинал рабочую карьеру в 1947 году реконструкцией сернокислотного производства на крупном медеплавильном комбинате. Монтировал оборудование на предприятиях Свердловской, Челябинской областей и Башкирии. На Соликамском и Первом березниковском калийных комбинатах, на титано-магнелевом в Березниках. А сердцем прикипел к Соликамскому бумажному.

И не мудрено, сколько тут дел со своей бригадой переделал! Участвовал в реконструкции старого дерево-подготовительного цеха. И в новом устанавливал хороотжимные прессы и корообдирочные барабаны. Монтировал оборудование по потоку девятой и десятой бумагоделательных машин. На целлюлозном ставил оборудование и трубопроводы варочного и очистного цехов. Да разве перечислишь все!

Днем и ночью лязгало железо, трещали сварочные аппараты. И всюду наступал момент наладки, ревизии, обкатки и пуска. А бригада поднималась на новую высоту. Уж такая у них профессия — монтажники!

ПО ПРИКАЗУ НАРКОМА

Корниенко Виктор Павлович родился в 1913 году в Кадиевском районе Ворошиловградской области.

Закончив семилетку, поступил на работу в шахту: был лампоносом, коногоном, десятником. По окончании института стал начальником участка одной из шахт в Донбассе.

Двадцатishестилетний инженер Корниенко был назначен начальником шахты имени Димитрова. Выведа ее из прорыва, он в том же году получил орден Ленина.

В 1942—1954 годах Виктор Павлович Корниенко работал в Кизеловском угольном бассейне. За выдающиеся производственные достижения он в 1948 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В 1964 году В. П. Корниенко скончался.

Время было трудное, военное — шел 1942 год. Инженера Корниенко вызвали в Москву, и там нарком вручил ему приказ: выехать в Кизеловский бассейн и приступить к должности начальника шахты имени Урицкого.

Уже через несколько дней новый руководитель спустился в шахту. Не по докладным запискам, а непосредственно на участках он знакомился с положением дел. Беседа с горняками, наблюдая их работу, Виктор Павло-

вич получил полное представление о состоянии угледобычи и подготовительного фронта. Это позволило ему наметить необходимые меры для быстреего освоения проектной мощности шахты.

В 1945 году способного, энергичного инженера Корниенко перевели начальником на другую шахту. И на новом месте он остался верным своему правилу быть в гуще основного производства. Шахта работала бесперебойно, наращивая сверхплановую добычу. Виктор Павлович был награжден вторым орденом Ленина. Еще через год он стал Героем Социалистического труда.

Двенадцать лет работал Виктор Павлович Корниенко в Кизеловском угольном бассейне. Под его руководством горняки дали стране сотни тысяч тонн топлива.

С Урала В. П. Корниенко вернулся в родной Донбасс. Там он возглавлял крупные шахты, трест и по-прежнему пользовался уважением и авторитетом опытного руководителя.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЛЕКЦИЯ

Коротаева Елизавета Селиверстовна родилась в 1914 году в поселке Юг Пермской области. Она переменяла немало профессий, прежде чем нашла настоящее место в жизни. В 1956 году поступила на молочнотоварную ферму 9-го конного завода. Здесь-то и пришла к ней слава лучшей доярки Пермской области. Свой богатый опыт Елизавета Селиверстовна охотно передавала молодежи, воспитала немало доярок.

В 1966 году Е. С. Коротаевой было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Выйдя на пенсию, она продолжает работать на ферме.

Анфиса, полная молодая женщина, одной из первых прибежала на утреннюю дойку: уж очень хотелось ей поскорее поделиться с подругами новостью.

— К нам на ферму должна приехать лучшая доярка из девятого конезавода с лекцией, как надо доить!

Доярки, посмеиваясь, принялись рассуждать о том, что платят, поди, той конезаводской доярке немалые деньги, коли теперь, в осеннюю распутицу, не лень ей разъезжать с лекциями.

Правду говорила Анфиса: уже к концу дойки на фер-

ме появились гости — представительный мужчина в шляпе и женщина, выходит, та самая...

Во все глаза смотрели колхозницы на доярку-лектора, дивились: вместо солидного портфеля она держала в руках обычную хозяйственную сумку. Да и сама лекторша выглядела совсем обыкновенно: невысокая, в поношенных резиновых сапогах и платке, повязанном под деревенски.

Тот, который в шляпе, сказал, что передовая доярка девятого конного завода Елизавета Селиверстовна Коротаева приехала в Сенькино поделиться с доярками колхоза «Память Свердлова» опытом своей работы.

Бойкая Анфиса пробралась вперед.

— У меня вот, товарищи, больно интересная группа. Одно загляденье. Вот бы и поработала она на моей группе перед лекцией, показала что к чему.

Доярки несмело засмеялись, а человек в шляпе сказал просто:

— Никакой лекции не будет: важно увидеть, а не услышать. Что же касается ваших коров, — повернулся он к Анфисе, — то Елизавете Селиверстовне, думаю, все равно, с какой группой поработать.

Коротаева вместе с бригадиром обошла ферму. Темно, сыро, грязно. Стоит ли удивляться, что коровы дают всего по несколько литров молока в сутки!

— Чем кормите?

— Известно чем — соломка, картошка, капустный лист. Сена вот думаем подбросить...

— А силос, концентраты?

— Какой сейчас силос — грязь по колено, распутица.

Выяснилось, что есть в колхозе и концентраты. Но бригадир почему-то распорядился перевезти их с молочной фермы в свинарник. Но главное, что поразило Коротаеву, это непонятное безразличие бригадира к делам на ферме. «У нас бы такого немедля выставили», — подумала она.

Однако надо было что-то делать. Сама же согласилась ехать в такую даль.

— Ладно. Где та «больно интересная группа»? Давайте воды побольше. А завтра на ферме будут и силос и концентраты, договорились?

И бригадир понял, что сегодня здесь дает указания она, эта приезжая женщина.

Коровы не выказывали никакого недовольства тем, что не их постоянная хозяйка, а совсем незнакомый человек скребет и чистит их, ласково поглаживая, обливая подогретой водой.

Тем временем колхозные доярки послали на ферму «разведку». Она принесла весть, в которую трудно было поверить: «лекторша» моет коров, а бригадир подносит ей воду. Посмеялись было доярки, но потом совестно стало. Вернулись на ферму, тоже принялись мыть и чистить коров.

Нельзя сказать, что к утру в помещении был наведен идеальный порядок, но грязь исчезла. Повеселевшие коровенки уже не мычали так жалобно, а доярки, перед тем как войти на ферму, тщательно вытирали сапоги о ворох соломы. Раньше они выполняли эту процедуру в обратном порядке — когда уходили с фермы. Но больше всего удивило доярок то, что рано утром на тракторе подвезли первый воз силоса, а потом бригадир распорядился переносить из свинарника концентраты.

Отношение к Коротаевой сразу переменялось. Теперь доярки прислушивались к каждому ее слову, хотя говорила она мало, молча выполняя всю работу за Анфису. Та пробовала поначалу хорохориться, но час от часу шла на уступки и, наконец, окончательно сдалась, когда выяснилось, что группа дала значительную прибавку молока. Поднялись удои и в других группах. И это всего за несколько дней, проведенных Коротаевой в Сенькино.

Елизавета Селиверстовна подметила, что доярки дают корм в разное время: одни — перед началом дойки, другие — после ее окончания. Значит, прежде всего надо было добиться твердого распорядка.

Доярки безропотно согласились.

— Перед дойкой мы всегда подмываем вымя коровы теплой водой, потом протираем его чистым полотенцем и делаем массаж, — рассказывала Коротаева. — У вас же ни одна доярка массаж не делает. Но ведь это сулит дополнительные литры молока!

Она и сама не заметила, как прочла лекцию. Первую лекцию за всю жизнь! На конезаводскую ферму всегда приезжало немало экскурсантов, но тогда выручал зоотехник. Его объяснения — складные, с разными научными словечками — были понятны экскурсантам, убеждали

их. Она же могла только показать, как ухаживает за коровами, большего от нее и не требовали. А теперь вот пришлось...

Слушали ее внимательно, легко понимали: объясняла она просто, понятным языком. Главное же — не только объясняла, но и показывала.

Одна из пожилых колхозниц вступила в беседу:

— Ты не думай, Селиверстовна, что ленивы мы или к работе подступиться боимся. Читали мы и статьи разные по зоотехнии. Только так у нас бывает: то кормов не хватает, то подменных нет, то еще что-нибудь приключится... Да и за нами тоже грешки водятся, верно, бабоньки?

— Верно! — откликнулись доярки.

О многом переговорили в тот день женщины. Расспрашивали Коротаеву и про зарплату, и про жилье, и о том, как вручали ей в Москве медаль «За трудовую доблесть».

Все вместе провожали гостью до берега Камы. Анфиса, выбрав момент, шепнула Коротаевой:

— Ты уж на меня не серчай шибко. Думали сперва, штатная ты лекторша, за деньги язык мозолишь. Оказалось — своя. А что до распорядков всяких, рационов — бригадира мы возьмем за бока, будь уверена. Спасибо, что приехала, навела порядок...

Через несколько лет доярки добрянского колхоза «Память Свердлова» узнали, что Елизавете Селиверстовне присвоено звание Героя Социалистического Труда. Анфиса вырезала из газеты фотографию Коротаевой, наклеила ее на стене в красном уголке и, обращаясь к подругам, сказала:

— Таким человеком можно гордиться. Звезда золотая, и человек золотой.

СЕРДЦЕ СТРОИТЕЛЯ

Кочетов Иван Васильевич родился в 1900 году в белорусском городе Бобруйске. Еще в ранней молодости став строителем, он на всю жизнь остался верен избранной профессии. За плечами инженера коммуниста Кочетова множество крупных строек. Он сооружал железные дороги на Урале, городские коммуникации в Оренбурге, Кемеровский промышленный узел, канал имени Москвы, Внуковский аэропорт столицы, железнодорожные линии в правобережье Волги, Широковскую, Камскую и Воткинскую гидроэлектростанции, прикамский город Чайковский.

И. В. Кочетов награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями, а в 1966 году ему, заместителю главного инженера Воткинскгэсстроя, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Иван Васильевич Кочетов живет в городе Чайковском Пермской области.

В приказе Главгидроэнергостроя от 9 декабря 1954 года говорилось: «Тов. Кочетова И. В. назначить начальником строительного управления по строительству Воткинской ГЭС и заместителем начальника Камгэсстроя, освободив от должности начальника управления водосливной ГЭС».

Пробежав глазами строки приказа, Иван Васильевич облегченно вздохнул: «Наконец-то!» Еще в сентябре первые три агрегата Камской гидростанции дали промышленный ток, основные работы на водосливной ГЭС, по существу, были закончены, и ему, возглавляющему сооружение этого важнейшего объекта, последние месяцы все казалось, будто он остановился на бегу.

И вот, наконец, долгожданный приказ...

В жизни Кочетова начиналась новая стройка, быть может, уже пятнадцатая или двадцатая по счету, но он, как и в молодые годы, не мог сдержатъ волнения. Нет, его не пугали трудности — без них не бывает большого дела. Но когда тебе уже за пятьдесят, взять и вот так, запросто, выйти на необжитый берег и все начинать с нуля... Хватит ли сил, хватит ли, наконец, здоровья?

Это не было внутренней борьбой, вызванной поспешным решением. Он сам искал трудного дела, и оно к нему пришло. Потому и растаяла тревога, не оставив в душе ни следа. «Пока есть силы — строить» — это было его правилом всю жизнь,

Много лет спустя, когда новая гидростанция выработала уже не один миллиард киловатт-часов, вышла книга «Наш город — Чайковский!», в которой были такие строки: «Стрекотала пишущая машинка, но и она не могла заглушить разговоров, доносившихся из-за двери кабинета. Кочетов распекал нарушителей графика, связывался по телефону с Пермью и Ижевском, просил, требовал, угрожал — искал общий язык с поставщиками. Ему возражали, с ним спорили, но он умел обезоружить самых упрямых разумом глубоко партийного человека.

В открытую гордясь своим начальником, шофер управления однажды сказал: «Иван Васильевич — он такой: даст сперва прикурить, а потом все объяснит, как учительница. И никто ему опалубку на мозги не оденет, потому что каждодневно бывает он на всех объектах и все про них знает».

Это о первых днях Кочетова на новом месте. Он действительно был всеведущ, начальник строительного управления. У него сходились нити, которые вели на все без исключения объекты строящегося гидроузла — дороги, мосты, заводы, общежития, причалы. Стройка велась с дальним прицелом — параллельно начиналось сооружение нового города на Каме, и в этот сложный

и многотрудный период Иван Васильевич Кочетов был за все в ответе. Он был подлинным командиром.

«Рослый, могучего сложения, в выдавшем виды кожаном реглане, с дымящейся трубкой, он появлялся на всех меридианах и параллелях стройки. В нем узнавали командира даже те, кто видел его в первый раз. А старые товарищи, с которыми он прошел предыдущую стройку, только качали головой: «Бывает же такое — молодеет человек от трудностей!»

Почти два года большой коллектив строителей во главе с Иваном Васильевичем Кочетовым вел подготовительные работы. Когда был открыт широкий фронт и прибыли главные силы, Кочетов взял на себя обязанности заместителя главного инженера. Стало ли ему спокойней, уменьшилось ли забот? Ничуть не бывало. Ведь все зависит от того, как относиться к своему делу. А он всегда был не просто увлеченным строителем — он был и остался одержимым своим призванием строителя.

Теперь, когда на стройке разворачивался фронт основных работ, нечего было и помышлять о передышке. Да он и не думал о ней: ведь надо было строить шлюз, плотину, создавать новое море. Кочетов и ему подобные, в чьей жизни уже встречались такие сложности, были особенно нужны стройке. В рабочем кабинете, на строящемся или пусковом объекте, на деловом совещании мнение Ивана Васильевича, высказанное обычно скупыми словами, служило основой важнейших решений.

Когда отшумели на стройке горячие денечки и пришла пора подведения итогов, газета «Известия» сообщила: «Правительство отметило инициативу Гидропроекта имени С. Я. Жука Воткинскгэсстроя, Пермэнерго и дирекции Воткинской гидроэлектростанции в увеличении мощности Воткинской гидроэлектростанции до 1 млн. киловатт против первоначально утвержденной в проектом задании мощности — 540 тыс. киловатт, а также во внедрении новых технических решений, позволивших уменьшить сметную стоимость строительства гидроузла на сумму свыше 20 млн. рублей». В этом значительном достижении был немалый вклад Ивана Васильевича Кочетова.

Второй гидроузел на Каме стал могучим уральским генератором, заработал на весь миллион киловатт. В прежние годы пускали станцию — тем и кончалась эпо-

пея: разъезжались строители кто куда. Но в последующие времена к лучшему изменились взгляды: строители пришли к выводу, что ГЭС это лишь половина дела, а другая половина — город.

«Не приходилось Кочетову прежде строить город, а тут пришлось. Дома, школы, магазины, столовые, кинотеатры — все то, без чего немыслима жизнь человеческая, стало его первой заботой. И еще новое огромное предприятие — комбинат шелковых тканей». Как заместитель главного инженера Иван Васильевич шефствовал над Жилстроєм и растущим КШТ.

Коммунист Кочетов в этих местах начинал, как говорится, с нуля. А теперь Чайковский вырос, разросся, стал крупным индустриальным центром Прикамья. Здесь живут строители и энергетики, ткачи и судоремонтники, металлисты и деревообработчики. Тысячи людей, и нет среди них ни одного, кто бы не знал Ивана Васильевича, не был бы благодарен этому удивительному человеку за его возвышенный труд.

Семьдесят лет Герою Социалистического Труда Кочетову, более полувека из них он — Строитель.

АКАДЕМИЯ БРИГАДИРА

Криницин Андрей Андриянович родился в 1897 году в деревне Осе Кировской области. В 1939 году переехал в Филипповку Кунгурского района и до 1941 года был бригадиром в колхозе «Большевик». Возвратившись с фронта, он вновь принял в «Большевике» бригаду и руководил ею до выхода на пенсию.

В 1948 году А. А. Криницину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Умер Андрей Андриянович Криницин в 1967 году.

На фотографиях он выглядит старше своих лет: слегка сведенные брови, сжатые губы, строгий, устремленный за объектив взгляд. Кажется, о чем-то напряженно думает...

Таким сохранился он и в памяти знавших его.

Десяток лет в Богатой горе созывают по утрам наряды другие бригадиры. Но нет-нет и услышишь по поводу какого-нибудь недосмотра: «Был бы жив Криницин...»

Еще помнятся дни, когда спозаранку, в сапогах и брезентовом дождевике шел Андрей Криницин на конный двор. С зарей поднималась Богатая гора, и не явившийся

к шести или к семи утра на наряд, как было назначено, рисковал остаться без работы, хотя в бригаде рабочие руки были нужны постоянно. И, конечно, проспавший не восхищался характером бригадира.

«Как медное колесо, катились дела в Богатой горе», — вспоминают сегодня. Вспоминают с одобрением: труд был напряженный, без простоев и лишнего отдыха, труд, о котором сказано, что совершают его в поте лица.

...Каждому свою борозду отводил Андрей Криницин на картофельном поле. Лошадь за лошадью шли следом за сборщиками. Ни одно ведро не сваливалось в кучи, ни одной картофелины не оставалось в поле на ночь. А на обмолоте! Было электричество — молотили мотором, не было электричества — с лошадьми. Сменяя друг друга, круглые сутки...

Это самое «колесо» требовало от Андрея Криницина забывать дружеские и родственные отношения. Иногда казалось, что придирки его напрасны. Но за человеком и его поступком он видел то, чего не видели другие. Должно быть, поэтому против его придирок были бессильны любые доводы.

— Вставай к дороге! — командовал он жене, тишайшей, работающей Анне Гавриловне, если замечал на жатве, что ее товарки сомневаются, верно ли, будто Анна Гавриловна жнет за двоих.

И Анна Гавриловна, не видя света от обиды, в одиночестве жала на худшем участке полеглую рожь. Давно она сделала норму и очень ей надо было домой, проверить детишек, завести квашонку. Зато и было же ей приятно, когда беспокойная соседка, измерив шагами «подстать», выжатую Анной Гавриловной, удивлялась:

— И впрямь Анна ходчей молодых!

Но при всех придирках Андрея Криницина, при всей его строгости считалась Богатая гора самой дружной бригадой. Уйти из бригады Криницина значило прослыть лентяем.

Трудно человеческие отношения ограничить четкими рамками, определить в поступках первое, второе и третье. Но секрет успехов Богатой горы, по-видимому, заключался в том, что суровый, неразговорчивый Криницин имел к делу, которым он занимался, призвание, у него была своя академия хозяйствования и руководства коллективом.

Из всего, что рассказывают о нем, видно, что Андрей Криницин постоянно учитывал психологию коллектива. Мудреное это понятие раскрывалось им просто. Он заботился, чтобы все в бригаде были, как он любил говорить, «одного настроения». Ради этого он становился иногда красноречивым.

— Запащем так, в земле разойдется! — возражали бригадиру, когда он заставлял вручную (специальных машин тогда не было) долбить и просеивать азотные удобрения.

Бригадир объявлял внеплановый перекур и убеждал:

— На квадратный метр нужно, может быть, граммов двадцать. Велико ли дело! А упади эти граммы кусочком — сожгут растение, повредят урожаю...

«Одно настроение» возникало и оттого, что никто не сомневался в справедливости Криницина. Есть в деревне работы, которые трудно учесть и сравнить. На одном поле, рядом, хлеб хороший и хлеб полегший. Сжали, предположим, поровну, а труда положили по-разному. Бригадир это должен учесть. Есть работы, оплачиваемые лучше, есть — хуже. И здесь он поступал по справедливости, стараясь, чтоб заработал каждый.

Но если уж случилось, что кто-то позавидовал другому, умел он и такое использовать на пользу бригады. Поэтому соседка Анны Гавриловны, измерив «подстать», выжатую женой бригадира, сама не замечая того, втягивалась в соревнование, тем более что на наряде Криницин не забывал вспомнить о том, кто впереди и кто отстает.

Обычно самое верное и красивое рассуждение не убеждает людей так, как убеждает личный пример. Это прекрасно понимал Андрей Криницин. Он был работник, он не чурался любого дела. Привычка к труду пережила его бригадирство. Он уже был стар, часто болел, но изо дня в день что-то делал для колхоза. Все отправлялись на сенокос, Криницин — в лес рубить оглобли, черенки для грабель и лопат. Все на уборочной, Криницин — весовщиком принимает зерно. Все зимой на «разных работах», Криницин — вяжет метлы. Да такие метлы, что нет им износа. Потребность в работе была у него так велика, что и в последнюю свою уборочную он, будучи весовщиком, приказывал обед приносить к складу, чтобы не сорвать приемку зерна. «Криницин никогда не

жил даром», — сказали, провожая его в последний путь.

...Что же было для него дорожке всего в жизни, что радовало его сердце? Есть в одном из залов Кунгурского музея большой портрет человека, в котором не сразу узнаешь Андрея Андрияновича Криницина. Взгляд задумчивый, черты лица смягчены застенчивой, доброй усмешкой. Не похож портрет на фотографии. Но ошибки художника нет. В тот июльский вечер, оставив лошадь на полевой дороге, бригадир вошел в ржаные заросли и взял в ладони дрогнувшие живые колосья...

НАСТАВНИК

Кропачев Михаил Яковлевич родился в 1907 году в Верхне-чувовских Городках Пермской области. В нефтедобывающей промышленности работал с 1932 года, прошел путь от верхового рабочего буровой до бурового мастера и участкового инженера конторы турбинного бурения.

В 1946 году М. Я. Кропачев вступил в КПСС. Неоднократно избирался депутатом Краснокамского городского Совета депутатов трудящихся.

В 1948 году Михаил Яковлевич был награжден орденом Ленина. В 1959 году за выдающиеся заслуги в развитии нефтяной и газовой промышленности ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Умер М. Я. Кропачев в 1969 году.

В 1929 году крестьянского сына Михаила Кропачева призвали в армию. «Прощай, родной дом, прощайте крестьянские заботы. Только расстанусь я с вами ненадолго: через три года встретимся!» С этими думами и встал в строй молодой боец. Однако, многое повидав за годы службы, другими глазами начал он смотреть на мир, на свое место в нем. И когда пришла пора демобилизоваться, задумался Кропачев, как жить дальше.

А пока служил боец, в его родных краях, почти рядом с отчим домом, геологи нашли нефть. Пермская окружная комсомольская конференция, проходившая весной 1929 года, обратилась к молодежи с призывом помочь развитию нефтедобычи на Урале. И когда в 1931 году Михаил Кропачев возвратился домой, недолго думая, он пошел к нефтяникам.

Время, в которое жил и работал Михаил Яковлевич, было порой становления и развития советской нефтедобывающей промышленности. В этих условиях были необходимы люди, которые бы могли быстро овладеть техникой и научить этому других. Таким человеком и оказался Кропачев с присущими ему упорством в достижении цели, практической сметкой и добросовестностью.

Нелегко было крестьянскому парню с пятиклассным образованием научиться обращению с такой сложной техникой, как установка для роторного бурения. Сотни деталей, десятки узлов, взаимодействующих по сложным схемам, не менее сложные приемы, обеспечивающие безаварийную и в то же время высокоэффективную эксплуатацию установки... Чтобы все это понять, всему научиться, понадобилось семь лет. За это время Кропачев уверенно поднимался со ступеньки на ступеньку: верховой рабочий, помощник бурильщика, бурильщик и, наконец, с 1938 года — буровой мастер.

Буровой мастер — это уже руководитель коллектива, более опытный специалист, учитель. Кропачев стал именно таким мастером, у которого были собственные приемы обучения. Основной из них — личный пример. Какое бы рабочее место на буровой ни занял Михаил Яковлевич, он работал так, как только и можно работать на этом месте. Во время профилактического ремонта оборудования Кропачев мог сам разобрать и собрать любой узел, оценить состояние любой детали. Не было такого уголка на буровой, где ему могло быть что-нибудь не ясно.

Не было для Михаила Яковлевича и дела, более важного и интересного, чем работа. По шестнадцать часов в сутки, а в особых случаях и круглосуточно, мог он находиться на буровой. Не раз бывало, кто-нибудь из очередной вахты передавал ему наказ жены:

— Уморит он себя, пятые сутки дома не был. Пусть немедленно домой едет.

Выслушает Михаил Яковлевич, улыбнется и с кем-нибудь из сменившейся вахты передаст жене, чтобы не беспокоилась:

— Я и здесь отдыхаю неплохо. А приехать сейчас не могу. Нефтяной пласт близко, как бы аварии не произошло при вскрытии.

И опять обращает свой взгляд к приборам, проверяет качество промывочной жидкости, смотрит, все ли готово на случай неожиданного осложнения.

Была и еще одна черта у бурового мастера Кропачева — большая доброта к людям. Знал он каждого члена бригады до самых потаенных уголков души. Знал, кто к чему тянется, кто может растеряться в трудную минуту. И расставлял людей по рабочим местам и вахтам в соответствии с их склонностями и способностями.

...Раннее утро. Полчаса назад началась очередная вахта, а одного из рабочих нет на месте, опаздывает. Михаил Яковлевич исполняет его обязанности, а сам поглядывает на дорогу. Наконец, опоздавший показался. Кропачев идет ему навстречу.

— А, здравствуй, дорогой! Как спалось? Небось трудно было из-под одеяла-то вылезать? И то верно! Это нам, старикам, не спится, так мы от буровой не отходим. А твое дело молодое. Только и поспать! Верно? Работа, она, конечно, не медведь... Ну ладно, ладно! Становись на место, коли пришел. А в следующий раз, если не выпишься — не торопись. Мы за тебя тут поработаем.

Опоздавший стоит под взглядами товарищей, и сердце у него бьется, как после крутого подъема. И готов он в эту минуту провалиться сквозь землю. Видит Кропачев, что за него уже можно не беспокоиться, больше опозданий не будет.

...В 1941 году Бакинский машиностроительный завод имени Мясникова, которому запланировали выпуск первой партии турбобуров, был эвакуирован в Пермскую область, на Павловский завод. Здесь к 1 мая 1942 года и были выпущены первые турбобуры. Осваивать их пришлось пермским буровикам. Среди немногих, кому доверили это дело, был Михаил Яковлевич Кропачев.

Непросто осваивать новую технику. Нужно было разобраться в устройстве турбобуров, привыкнуть к режимам работы, наладить ремонт, подготовить кадры ква-

лифицированных рабочих. Много вопросов стояло перед организаторами нового дела, и не раз они обращались за советом к М. Я. Кропачеву, опытному буровому мастеру, одним из первых освоившему новинку и уже начавшему обучать товарищей.

С освоением турбинного бурения открылись новые возможности. Нефтяников давно уже волновал вопрос, как добраться до залежи, если над ней расположен город, течет река или находится заболоченная местность. Теперь было ясно — нужно бурить наклонные скважины. И опять, как уже не раз случалось, дорога новому методу была проложена нефтяниками Прикамья, в том числе и Кропачевым. Его бригада систематически выполняла план проходки на 160—180 процентов. Скважины из бурения начали выходить на 20—40 дней раньше срока. При этом на каждой скважине бригада экономила большое количество буровых долот.

Пожалуй, нет сегодня такого района в Пермской области, где бы не работали буровики. Среди полей, в лесу, на берегах рек, возвышаются буровые вышки. Стоят у рычагов лебедок люди, которые хорошо знают свое дело. И многие из них этим знанием обязаны Михаилу Яковлевичу Кропачеву.

ЗВЕЗДЫ

Крохалев Матвей Павлович родился в 1926 году в деревне Афонино Юсьвинского района Коми-Пермяцкого национального округа. Совсем еще юным он участвовал в Великой Отечественной войне, был тяжело ранен. На фронте награжден орденами Славы II и III степеней, орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

После демобилизации Матвей Павлович Крохалев стал трактористом, затем комбайнером. В 1966 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1969 году колхоз «Совет» послал М. П. Крохалева на III Всесоюзный съезд колхозников. Комбайнер-коммунист по праву считается одним из лучших механизаторов сельского хозяйства Пермской области.

Знаменитый комбайнер Матвей Павлович Крохалев не явился на окружной слет передовиков. Герой Социалистического Труда. Его отсутствие заметили сразу. Кто-то заговорил о неуважении и даже зазнайстве. Особенно, когда стало известно, что он здоров и ничего особенного с ним не случилось.

Прошло несколько дней. Матвей Павлович вернулся с работы рано. Дочка накрывала на стол и украдкой поглядывала на хмурого отца.

Домашние понимали его настроение: за окном непрерывно лил дождь.

— Денька бы на четыре унялся — всю пшеницу успели бы убрать, — сокрушался Крохалев.

Назавтра позвонил из соседнего колхоза товарищ, поинтересовался, почему Матвея Павловича не было на слете.

— Подумал и не поехал, — немного смутившись, ответил Крохалев, — уж больно денек хороший был. На славу выдался. Двести тридцать центнеров намолотил. Шестнадцать часов не сходил с комбайна.

...В 1947 году он сел на трактор. А годом раньше пришел из армии. Соседи сперва не признали земляка в загорелом, обветренном солдате с множеством наград.

— Звезд-то нахватал!..

О трудном ратном подвиге рассказывали эти звезды: о боях под Витебском, о ранении, о сражении в Восточной Пруссии, куда Матвей Крохалев попал после госпиталя, о морском десанте на косе Фришгаф неподалеку от порта Пиллау. Десант высадили 27 апреля 1945 года, а 9 мая кончилась война.

Воину с тремя звездами на груди не было в ту пору и двадцати лет.

Еще одна звезда — золотая с серпом и молотом — была вручена ему ровно через двадцать лет. Тогда Крохалев уже работал на комбайне. И как работал! Год за годом убирал по 600 гектаров, а то и больше. Нелегко это на пересеченных лесами и горушками прикамских полях, только и переезжай с места на место.

Теперь Крохалев убирает по 300—400 гектаров. Выходит, снизил он выработку? В другом дело. Техники стало больше в хозяйствах. В колхозе «Совет», где работает Матвей Павлович, сейчас на каждый комбайн приходится по 260 гектаров. Так что сделать больше можно только за счет того, что товарищ похуже работал. А Крохалев старается помочь товарищам, передает им свой богатый опыт. Помочь, несмотря на то, что тем самым он, по сути дела, лишает себя возможности дать большую выработку. Но давно и он, и его товарищи забыли индивидуалистическую мерку. На первом плане у них общие интересы.

Собственно, и тогда, когда тракторист Крохалев просился, чтобы его направили учиться на комбайнера, он

исходил из того, что это принесет пользу родному хозяйству.

— У нас не было своих комбайнов, — рассказывает своим молодым товарищам Матвей Павлович. — Машины на уборку присылала МТС. Водители приедут, побудут и уедут обратно. Нет у них того отношения к земле, к урожаю, которое было бы у людей местных, знающих поля, лично заинтересованных в результатах. Поэтому я и решил учиться на комбайнера.

Три года рядом с Матвеем Павловичем Крохалевым работал на комбайне его сын Николай. Закончил десятилетку и пошел по следам отца. Сейчас он учится на отделении механизации Верещагинского сельскохозяйственного техникума. Дочь Зоя тоже решила стать сельским специалистом. Она учится в Кудымкарском техникуме, будет агрономом. В выборе профессии большую роль сыграл пример отца.

...Высокий, плотный, с обветренным лицом и сильными руками, он радуется, что перестал лить дождь. Скоро обдует землю ветерок, и он вновь выведет свой комбайн в поле.

ХОЗЯИН ЗОЛОТЫХ КИЛОМЕТРОВ

Кузнецов Василий Дмитриевич родился в 1913 году в деревне Черепанях Нытвенского района Пермской области. В юности стал путевым рабочим, служил в железнодорожных войсках. В годы Великой Отечественной войны В. Д. Кузнецов работал дорожным мастером на станции Оверята Свердловской магистрали. В послевоенное время он стал бригадиром путейцев.

Коммунист Василий Дмитриевич Кузнецов известен как один из лучших железнодорожников Урала. В 1959 году за выдающиеся успехи в деле развития железнодорожного транспорта ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сейчас он по-прежнему бригадир Пермской дистанции пути.

Палит ли солнце, бушует ли метель — железная дорога живет своей жизнью. При свете дня и в непроглядную темень бегут и бегут поезда, торопясь на станции назначения, непрерывно сверяя свой бег со временем. Могучие локомотивы, напрягая дыхание, преодолевают подъемы, чуть сдерживая порыв, бросаются в крутые повороты и легко, без видимого напряжения, мчатся по равнинным участкам, вытягивая составы в гигантские стрелы, унося их в дальние дали.

Сколько поездов пронеслось по участку путейца Кузнецова! Не счесть. И он всегда был начеку.

Насыпи, по которым тянется бесконечная лестница, несущая рельсы, всегда в опасности. Под действием огромной тяжести поездов деформируется земляное полотно, оседает и искривляет профиль пути. Зимой, когда грунт промерзает, происходит вспучивание полотна. В весеннее время шальная вода подбирается к самому полотну и размывает балласт, а потом вступает в свои права ветер, уносящий гравийную массу.

За всем этим надо уследить, надо уметь предотвратить возможную беду, причем сделать это быстро, не останавливая движения поездов.

В пятидесятые годы Василий Дмитриевич Кузнецов руководил бригадой путейцев. Она обслуживала три километра двухпутного участка на перегоне Курья — Оверята. Это весьма ответственный участок на Свердловской магистрали. Тем не менее бригадир практически доказал, что есть все возможности для отличного содержания пути независимо от времени года, от суровых климатических условий Урала.

Василий Дмитриевич всегда уделял большое внимание качеству осмотра пути и сооружений. Он придиричиво измерял колею шаблоном с уровнем. Измерял колею, в отличие от многих путейцев, через каждые три-четыре метра. Такой тщательный контроль не оставлял незамеченным ни один дефект.

В работе бригады Кузнецова основой стал двухнедельный график. Василий Дмитриевич впервые на Пермской дистанции начал составлять график так, чтобы все ремонтные работы выполнялись по кольцу. Стремясь избежать потерь времени, он еще накануне проверял состояние участка, где надо было выполнить ту или другую работу, определял границы деятельности бригады. Кольцевой график обусловил быстрый рост производительности труда.

Бригадир Кузнецов справедливо считает наиболее сложным для путейцев периодом зиму. К повседневным заботам обычно прибавляется исправление пути с помощью карточек-подкладок из твердой древесины. Но если заранее позаботиться о ликвидации пучин, объем зимней выправки пути намного уменьшится. Вот почему

золотым правилом бригады стало тщательное предзимнее содержание пути.

Одной из важнейших задач бригады всегда было сокращение протяженности выправляемого пути. Но из-за особого рельефа местности вовсе исключить эту трудоемкую работу не удалось. Бригадир задумался: как тут быть? Поразмыслив, он пришел к верному выводу: контроль над злополучными участками должен быть организован так, чтобы можно было без опоздания обнаружить образование пучины и вовремя исправить путь. Кропотливый труд помог выявить эти сложнейшие участки и установить за ними контроль.

Василий Дмитриевич стремился к тому, чтобы качество ремонта было выше, а стоимость работ ниже. «Нужно экономить во всем», — учил он своих товарищей. И надо сказать, что наука не пропала даром. Вот один пример: из каждых четырех подкладок, примененных на участке, три оказывались годными для вторичного использования.

Внимание специалистов привлек опыт Василия Дмитриевича по содержанию пути в плане. О нем было подробно рассказано в книге «Мастера отличного содержания пути», изданной Министерством путей сообщения. В книге говорится о Кузнецове: «Он сам регулярно проверяет кривые участка по стрелам. Для этого на шейке рельсов всегда отчетливо видны деления и их номера, нанесены границы отвода уширения и возвышения. Производя измерения стрел, Кузнецов обращает внимание на группы точек с отступлениями и точки, смежные с ними.

Планомерное исправление горизонтального смещения позволило не только постоянно содержать кривые в хорошем состоянии, но и значительно сократить перешивку пути. Такое отношение к делу позволило В. Д. Кузнецову содержать кривые по стрелам в пределах установленных допусков».

Делясь своим опытом, Василий Дмитриевич не забывал упомянуть еще один, на его взгляд, важный момент. По многим причинам железнодорожный путь не является равноупругим. Это вызывает появление в пути потайных толчков, перекосов и других неприятностей. Каким образом устранить эти недостатки? Оказывается, в ходе текущего содержания необходима сплошная подбивка

пути электрическими шпалоподбойками. И если такую работу выполнять время от времени на каждом километре, то можно гарантировать отличное состояние пути.

Вот эти технологически несложные, но в высшей степени трудоемкие процессы вместе и составляли работу железнодорожника — путеца. Она оценивалась по балльной системе самым объективным судьей — вагоном-путеизмерителем. Нулевой балл — это то, о чем мечтает каждый путеец. От 0 до 14 баллов — отличный путь, от 14 до 30 — хороший. Какую же поистине огромную работу провел Василий Дмитриевич Кузнецов, если в течение десяти лет состояние его участка не отмечалось оценкой ниже «хорошо»!

Железнодорожный путеец... Порой его принимают за обыкновенного обходчика. Но нет, обязанности путеца гораздо сложнее, ответственнее.

Сколько бессонных ночей, какие, казалось бы, безвыходные положения, какой поистине огромный труд ложится на плечи человека, которому доверена безопасность движения поездов!

За этот повседневный, будничный героизм Василий Дмитриевич Кузнецов и был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

НЕ ЗНАЯ ПОКОЯ

Кузнецов Константин Александрович родился в 1905 году в деревне Грехово Кировской области. По образованию техник-лесовод, окончил Суводский лесохозяйственный техникум. Свыше сорока лет проработал в лесной промышленности Западного Урала.

Коммунист К. А. Кузнецов награжден двумя орденами Ленина, орденом «Знак Почета», медалями. В 1957 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Константин Александрович Кузнецов — пенсионер. Живет в городе Добрянке Пермской области.

Двадцать лет было Кузнецову, когда на его плечи навалилось лесное хозяйство площадью более двухсот тысяч гектаров. И обязанности, соразмерные площади: отвод лесосек, выписка лесорубочных билетов, учет отпускаемого леса, прием и освидетельствование лесосек, организация охраны леса от пожаров и самовольных порубок.

Через два года хозяйство молодого лесовода расширилось до миллиона гектаров. И если бы еще заниматься только им! По поручению райкома коммунист Кузне-

цов участвовал в раскулачивании, не раз над его головой свистели пули из кулацких обрезов. Он организовывал первые колхозы и леспромхозы, строил первые лесные поселки. Скидок на молодость, неопытность никто не давал. Сама жизнь учила всему.

...Лениво-сонная в межень равнинная Коса. А веснами — коварна. Впрочем, может, не столько река виновата, сколько онолвинская мельница. Сотня тысяч кубометров леса шла через мельничный прорез к устью. Рабочие баграми направляли глухари, да, видно, что-то замешкались: зацепился за брус один глухарь, приткнулся к нему другой, третий, нанесло течением сразу еще с десятков — затор. На глазах скапливается выше мельницы вода, того и гляди, разнесет глухари по пойме, не выдерешь их потом из прибрежного кустарника, обсохнет лес, пропадет.

Что выход один — размолевать глухари в голове затора — понимали все. Понимали и другое: это может стоить жизни. У командиров выхода два: либо послать на опасное дело людей посмелее, посноровистее, либо идти в атаку самим. Заместитель директора леспромхоза Кузнецов и мастер Сальников не задумывались: подхватили багры, топоры — и на затор. Разрублены вицы, скрепляющие огородник, — вмиг рассыпался глухарь. Перескочить на соседний Кузнецов не успел — рухнул в воду, вместе с бревнами понесло его к мельничному водовороту. Холодная вода прервала дыхание, одежда тянула вниз, да и плыть некуда — кругом лес. Вывернул невдалеке глухарь — неимоверным усилием воли бросил к нему Кузнецов цепенеющее тело.

В критический момент, подобный онолвинскому крещению, человеческие силы могут быть беспредельны. Ну, а если момент растягивается на годы? Десяток лет спустя Кузнецов убедился, что бывают обстоятельства, когда и годами нет предела силам человека.

Все, кто может держать в руках оружие, ушли на фронт. Мобилизованы автомашины, тракторы, самые крепкие кони. Технический руководитель (по нынешним понятиям — главный инженер) Добрянского леспромхоза Кузнецов дважды относил в военкомат заявление с просьбой зачислить его в Уральский танковый корпус и оба раза слышал категорический ответ: «Ваш фронт здесь».

Мирная продукция леспромхоза получила военное назначение. Чьими руками заготавливать ее? Как вывозить из леса? Думай, технорук!

Вернулись в строй отработавшие свое старики. Пришли на лесозаготовки женщины, подростки. И силой наливались слабые руки, быстрее являлась сноровка от берущих за живое кузнецовских слов:

— Видите эту болванку? Из нее сделают ложе для винтовки или автомата, из которого ваши сын, муж, брат, отец будут бить фашистскую нечисть. Сорок тысяч таких болванок должны мы дать — сорок тысяч воинов вооружим. А вот этот березовый кряж военным самолетом обернется — восемь тысяч кубометров за год надо нам заготовить авиафанерного сырья. На наших санях снаряды к орудиям подвезут. На наших лыжах в разведку, может, уйдут. Только на фронт работают в войну лесники! Только на победу! Хорошо трудимся — нашим фронтовикам помощь. Плохо — нашим трудностей добавляем. Тяжело работать по десять часов, без выходных, без отпусков? Так на фронте же того тяжелее.

Он подводил людей к главному, и им казалось, что это вовсе не его, а их задумка приспособить для сплава мелкие речки, повырубать кустарники, русла спрямить да расчистить. Так и без машин, без коней, без дорог можно обойтись — самосплавом пойдет из лесу заготовленная древесина. Потом, когда выколотил Кузнецов тракторишко, проложили женщины и подростки дорогу.

Незадолго до окончания войны вручили Константину Александровичу орден «Знак Почета».

История поколения Кузнецова — это история становления отечественной лесной промышленности, превращения отсталого кустарного промысла в высокоразвитую отрасль индустрии. От дедовской поперечной пилы — к нынешним «Уралам», от балочных конных дорог — к современным железобетонкам или узкоколейкам с тепловозной тягой, от мохноногого коняги — к могучим тракторам и автолесовозам, ко всему тому, что стало привычным в наши дни: к автоматике и полуавтоматике нижних складов, башенным и консольно-козловым кранам.

Таков общий путь развития. Кузнецов шагал по нему стремительно, напористо. В Добрянский леспромхоз, где 34 года проработал Константин Александрович, приезжали учиться новинкам технологии, организации труда.

Н. И. Чебуров, проработавший под началом Кузнецова чуть ли не три десятка лет, говорит:

— Нет ни одной лесосеки, где бы директор не побывал еще до ее разработки. Рельеф, грунт в нашем деле много значат. Как подойти к делянке, с какой стороны легче взять лес — всегда решал с нами на месте. И то знали мы: в любую минуту директора жди в лесу — не любил рассиживаться в кабинете. В требовательности да внимании к людям его сила.

Доволен ли Константин Александрович судьбой? Да, доволен. По собственному его признанию, лучшими он считает дни, когда предприятие выполняло ответственное задание, трудный план.

Болезнь заставила Кузнецова до срока выйти на пенсию. Но вывести его из строя она не смогла. Константин Александрович всегда, на любом посту успевал заниматься множеством общественных дел — члена бюро райкома партии, члена областного комитета КПСС, депутата местных Советов. И сейчас он уже не один год общественный заместитель председателя районного комитета народного контроля. А это значит — непрерывные заботы, разъезды по району и области. Но все мало неумному человеку: взялся создать музей истории Добрянского района.

Застать его дома трудновато. Все дела, дела. Даже рассказывают о нем одинаково: «прибежал Кузнецов», «забежал Кузнецов». Всегда в живом деле человек. Сонный покой — не для него.

КЛАСС МАСТЕРСТВА

Курбатов Филипп Иванович родился в 1914 году в деревне Верхних Курбатах Уинского района Пермской области. С 1932 года работал каменщиком в Березниковском строительном тресте № 1, последние пятнадцать лет — инструктором передовых методов труда.

Ф. И. Курбатов член КПСС, дважды избирался делегатом на Всесоюзные съезды профсоюзов. С 1963 года он член ВЦСПС.

За выдающиеся успехи в строительстве в 1958 году Филиппу Ивановичу Курбатову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Его дома на многих улицах Березников. На самых старых — Березниковской и Челюскинцев, на центральной — Пятилетки, на Парковой и Нагорной, на улице Карла Маркса и Советском проспекте. А недавно вырос дом на Втором калийном. Строили его для газоспасателей и закладывали вместе с промышленным комплексом первой очереди.

Старший прораб Бояновский не раз осведомлялся у каменщиков:

— Как ваш поточно-кольцевой?

— Хорош метод! Осваиваем, — отвечал бригадир Шубин.

Прораб и сам видел: темпы, качество кладки — что надо. А ведь строит зеленая молодежь. В очередной раз понаблюдав за работой бригады, он заключил:

— Школа Курбатова! Умеете вы ладить с молодыми, Филипп Иванович.

— Меня ведь тоже когда-то учили, — отозвался инструктор.

...Давно было время, когда Филиппа Ивановича учили строить. В его документах можно найти такую запись: «Январь 1932 года. Ученик каменщика. Курсы дополнительного рабочего образования».

Два с половиной месяца учебы — и первая самостоятельная работа. Бригаду, в которую определили паренька, послали на кладку пристроя к школе. Он и поныне стоит, этот пристрой к старейшей в городе школе имени Пушкина. А как строили? От котлована до крыши — все вручную. Каменщики работали в одиночку: сами заготавливали кирпич и раствор, поднимали их на леса с помощью «козлы» да носилок, выкладывали стены и делали забутовку.

Учиться было у кого. Первые березниковские ударники Фролов, Якунин не таили секретов. Но ведь они, укладывая в смену по семьсот-восемьсот, а потом и по тысяче кирпичей, брали только силой и навыком. А у Курбатова прораб Панов увидел большее — расчет. И когда молодой помощник пришел просить подручного в помощь, прораб его поддержал.

Подсобник подавал раствор и кирпич на стену, а каменщик клал и клал. И сам удивился: как много сделал! Новость быстро облетела стройку. Кладку «двойкой» признали передовым методом.

Хороша «двойка» при малом фронте, на узкой захватке. Она и теперь еще в ходу. А если вести кладку по всему периметру большого заводского корпуса, тоже потеряешь время. Как тут быть?

Вычитал Курбатов в газете, что московские каменщики работают звеном-пятеркой. Представил себе, как это выглядит на деле, и рассказал товарищам. Но... поддерживал только бывший подсобник Леня Мочалов. Остальные разошлись по прежним «двойкам».

И все же родилась первая «пятерка»: Курбатов, Мочалов да их подручные. Но вот беда — кирпича и раствора привозят по-прежнему на две «двойки». И никак не

докажешь преимущество нового метода. Пошли Курбатов с Мочаловым к прорабу. Тот верно понял их замысел.

— Конечно, за «пятеркой» будущее. Без материалов не оставлю...

После этого и показала себя «пятерка». И потянулись за советом к Курбатову каменщики. А он хоть и скуп на слово, а рассказывал охотно.

Но настоящая пропаганда нового метода началась после вмешательства партийного бюро. Строили дом, что ныне на углу улиц Пятилетки и Карла Маркса, и организовали «день показательной работы». Собрали всех каменщиков треста. Филипп Иванович выкладывал наружную версту, Леонид Мочалов — внутреннюю. Помогали трое подсобниц. В конце смены подсчитали — 13600 штук кирпича, по 2720 на брата. Неслыханно!

Тогда и заговорили о Курбатове — в Березниках, в Перми, по всей области. И «пятерки» росли на стройках как грибы. А с ними и выработка. Дом «показательной работы» бригада Курбатова сдала на 13 дней раньше срока.

Вскоре Филипп Иванович возглавил первую в Березниках, да и в области, комплексную бригаду. Она строила дом на Калийном руднике. Умелая расстановка сил в бригаде, сплоченность, взаимопомощь помогли почти в полтора раза сократить срок стройки, сложить стены дома за 38 дней вместо 54 по норме. И опять опыт Курбатова пригодился сотням каменщиков.

В середине пятидесятых годов появилась в тресте новая должность — инструктор передовых методов труда. А Филипп Иванович давно уж был таким инструктором — не по должности. Кто только ни учился в его классе мастерства! Выпускники школ ФЗО и строительных училищ; молодые москвичи, приехавшие по комсомольским путевкам; демобилизованные солдаты; выпускники профессионально-технических училищ и просто новички.

И где только не работал с ними Филипп Иванович. Возводил корпуса химкомбината и титано-магниевого, обогащательные фабрики первого калийного комбината и производство соды на содовом заводе. А в последние годы — новый гигант химии — Второй калийный.

А стены дома газоспасателей выкладывал с камен-

щиками комсомольско-молодежной бригады Николая Шубина из второго стройуправления. Осваивали тут метод строителей Дальнего Востока — поточно-кольцевую кладку. Новизна ее в том, что здание не разбивается на делянки. Каждое звено — «пятерка» ведет кладку по периметру захватки. И «пятерка» несколько иная: из трех каменщиков и двух подручных. Цель метода та же — высокая производительность труда при высоком качестве.

Благодаря школе Курбатова малоопытные ребята во главе с бывшим солдатом Шубиным увидели свои возможности, поверили в свои силы. И тоже стали отменными мастерами.

НОВАТОРСКИЙ СКЛАД

Курмаз Анисим Антонович родился в 1897 году в селе Яровом Донецкой области. Окончил Лисичанскую штейгерскую школу, а в 1929 году — Высшие инженерные курсы. Работал крепильщиком, заведующим вентиляцией, затем возглавил шахту.

В 1941 году А. А. Курмаз эвакуировался на Урал, в город Копейск, где был назначен главным инженером мелких шахт треста «Челябинскшахтстрой». Через год его откомандировали в трест «Кизелшахтстрой», назначив начальником строительства шахт Южного Коспаша, а затем главным инженером и начальником строительства крупнейшей шахты бассейна — № 33-Капитальная.

В 1948 году Анисиму Антоновичу Курмазу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1949 году А. А. Курмаз переехал на работу в Львовско-Волынский угольный бассейн.

Семь лет Анисим Антонович проработал в системе треста «Кизелшахтстрой», но за это сравнительно короткое время он сумел многое сделать в области шахтостроения. Опытный специалист, безупречно знавший горностроительное дело, умелый организатор, инженер Кур-

маз сплотил коллектив на выполнение поставленных перед ним задач. От него, руководителя строительства, во многом зависела своевременная сдача в эксплуатацию первой очереди шахты № 33-Капитальная. И срок был выдержан: в 1945 году новая шахта стала давать уголь на-гора.

Анисим Антонович был инженером новаторского склада. Все новое, что рождалось во всесоюзной практике шахтостроения, он творчески осмысливал и внедрял в своем коллективе. Эта приверженность руководителя к новому, передовому, передалась и его подчиненным. Так, например, в одном из основных забоев шахты № 33-Капитальная была организована скоростная проходка, благодаря чему удалось достигнуть выдающихся результатов — выполнить норму на 401 процент!

Коллектив шахтостроителей под руководством А. А. Курмаза неоднократно завоевывал первенство во всесоюзном социалистическом соревновании.

Уже будучи Героем Социалистического Труда Анисим Антонович Курмаз подписал акт о завершении строительства второй очереди шахты № 33-Капитальная. После этого он уехал в западные районы страны, где началось большое шахтное строительство.

ЛЮБИМЫЙ ДОКТОР

Курочкина Антонина Павловна родилась в 1922 году в деревне Новый Ургаш Марийской АССР. В 1940 году окончила Марийскую фельдшерско-акушерскую школу, работала санитарным инспектором. Почти с первых дней войны фельдшер Курочкина на фронте.

В 1950 году А. П. Курочкина окончила Пермский медицинский институт и получила направление в Бардымский район. Работала заведующей райздравотделом, потом главврачом районной больницы.

В 1964 году за большие заслуги в области здравоохранения Антонина Павловна Курочкина награждена орденом Ленина, а в 1969 году ей присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Старый деревянный домишко — здание больницы. Воду зимой возили в обледенелой бочке с реки. Электричество из соседнего колхоза подавали в определенные часы. Однажды свет потух во время операции, и тогда шофер подвел машину к окну и направил фары на операционный стол.

Как-то врача вызвали на трудные роды. Пробыла Антонина Павловна в деревне несколько дней, а поехала

обратно — вода вокруг разлилась, как море. Мальчика с лошадью отпустила, взяла палочку и, нащупывая, где мельче, побрела по колено в воде. Вокруг — никого, сколько видит глаз — вода. Шла и пела песни...

Так два десятка лет назад начинала свою работу в Барде доктор Курочкина.

Что имела Антонина Павловна к тому времени? В основном книжное знание болезней, умение жить с максимальной отдачей и очень доброе сердце.

На работу она приходила минута в минуту к восьми утра. Обычно оказывалось, что ввиду непредвиденных осложнений рабочий день приходится перестраивать. Откладывала прием на вечер, уходила в десять, в двенадцать, а ночью опять вызывали. В любое время, в непогоду бежала она в больницу; если надо — запрягала лошадь и ехала в деревню. Если тяжелый случай происходил в отдаленном пункте, Антонина Павловна всю ночь просиживала у телефона, расспрашивала, руководила. И так почти двадцать лет.

Приезжало в Барду немало других врачей. Иные из них «отрабатывали» и уезжали, устраивались в городах. Из Нижнего Тагила и Кишинева, Житомира и Череповца писали: работают, ни о чем не жалеют. А Курочкина оставалась: ведь если уедут все, кто же останется здесь? Уезжал терапевт — заменяла терапевта. Уезжали гинеколог, акушер, хирург, фтизиатр — заменяла их.

Необходимость заставляла Антонину Павловну быть всесторонним специалистом, и она им стала. Богатая практика вскоре сделала ее незаменимым консультантом, организатором и пропагандистом медицинских знаний. Она знает в районе едва ли не всех по имени, сотни ребятишек выросли у нее на глазах, иных она спасла от верной смерти.

Есть у доктора Курочкиной удивительное свойство: вносить спокойную рабочую атмосферу в самые сложные обстоятельства. Люди при ней как-то и конфликтовать стесняются, и сама она считает: не приказом надо «брать» человека, а человечностью; надо создавать ему условия, при которых он сам проявит свои способности.

Когда в отделение попадает, как говорят медики, тяжелый больной, вся больница на ногах. Сестры нервничают, опасаясь неприятностей, другой раз и вспыхивают. Курочкина будто не замечает.

Но вот благополучный исход. Антонина Павловна улыбается: «Закурим?» Спадает напряжение, и радостное настроение воцаряется в отделении.

Кроме больницы — ежегодно тридцать-сорок лекций на медицинские темы среди населения, участие в различных совещаниях, где решающим может быть слово врача. К тому же доктор Курочкина член бюро райкома партии, депутат районного и областного Советов депутатов трудящихся.

В середине пятидесятих годов при активном участии Антонины Павловны в районе широко развернулась профилактическая работа среди населения. Специальный штаб возглавил председатель райисполкома; медикам помогали руководители колхозов, общественность. Десятки лечебно-профилактических пунктов, детские оздоровительные лагеря — энергией Курочкиной все это было приведено в действие.

По инициативе Антонины Павловны заново построен главный корпус районной больницы; появилось центральное отопление, налажено водоснабжение. Капитально отремонтирована Шеремейская участковая больница, построены новые здания фельдшерско-акушерских пунктов.

Любят и высоко ценят в Бардымском районе доктора Курочкину. Был такой случай. В предутренний час из больницы стали по телефону вызывать квартиру Антонины Павловны. Раз звонят, два, три — не отвечает квартира. В больнице тревога: в чем дело? Может, связь испортилась? Или с доктором что-то стряслось?

И вдруг слышат сердитый голос телефонистки:

— Не дам я вам квартиру Курочкиной. Она и так целую ночь не спала, пусть отдыхает...

БИТВА БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ

Лазуков Василий Григорьевич родился в 1909 году в деревне Шавкуново Кунгурского района Пермской области. В 1927 году закончил среднюю школу, а через два года — курсы землеустроителей. Работать в сельском хозяйстве начал в 1940 году по окончании садово-ягодной школы.

Сначала В. Г. Лазуков трудился агрономом-овощеводом, потом главным агрономом в Пермской машинно-тракторной станции. За высокие урожаи ржи в колхозах зоны МТС В. Г. Лазукову в 1948 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

После реорганизации МТС коммунист В. Г. Лазуков работал главным агрономом колхоза «Россия», затем на областной опытной сельскохозяйственной станции и, наконец, начальником участка 9-го конезавода. Сейчас он пенсионер.

Неожиданно послышался стонущий голос. Причитала женщина. Лазуков сразу узнал, кто она, потому что совсем недавно ее голос задорно звенел вдоль улицы: «Бабоньки, завалимся теперь огурцами: агроном-то наш из Шавкунова!» Откуда узнала, бедовая, что он из деревни, которую зовут родиной уральского огурца? Да уж постарался бы! Большие планы строил, когда ехал сюда, в Верхние Муллы...

Но лежит сейчас перед ним повестка, а за окном плачет овдовевшая звеньевая. Война!

Он вышел из конторы МТС, немного поколебался, заглянуть домой или нет, и размашисто зашагал на призывной пункт. Серые глаза его посуровели, словно застыли в них льдинки.

Ему хотелось сосредоточиться — как останется без него семья? Однако беспокойство за детей сменялось беспокойством за судьбу наливающих колосьев. Справится ли новый агроном? И кто будет этим новым?

Наконец он переступил порог призывной комиссии. И с первых слов был огорашен усталым райвоенкомом: «Никакого нового агронома! Поручаем тебе отдел по мобилизации гужа, а в свободное время занимайся колхозами».

Комиссар ободряюще улыбнулся и чуть торжественно заключил: «Районный комитет партии надеется на тебя, Василий Григорьевич».

С этого момента Лазуков твердо знал, что ему делать. Отныне его рабочий день разделится на две части, большую из которых он проводил на полях.

Казалось, невыполнимая задача — убрать урожай: ведь не шутка — тысячи гектаров хлебов, а все выбывают, выбывают мужики.

В райкоме подсказали выход: надо организовать дело так, чтобы каждый специалист МТС отвечал за определенные хозяйства. Лазукову и замполиту Ивану Ивановичу Вяткину достались артели из Большакинского, Заболотского и Башкултаевского сельских Советов. Ох, и запомнилась эта страда!

...Еще на околице он услышал характерный звук, тот, который издают отбиваемые косы. Бригадирша, одна из загодя подготовленных на курсах при МТС, неумело ударяла молотком по бабке. Рядом возился с серпом мальчуган лет десяти.

Лазуков подозревал мальчишку: «Беги позови сюда всех, кто есть в деревне».

Пришли даже дряхлые старики. Агроном спросил их, сколько смогут простоять созревшие в это жаркое лето хлеба.

— Через две недели осыплются, — промолвил один, остальные согласно закивали головами.

— Мы всем миром поможем, — сказал другой.

Далеко за полночь Лазуков отбил последнюю косу. Прямо во дворе, на охапке сена, заснул. Лунный серп дожидал остатки короткой темноты.

Давно существует обычай принарядиться перед большим делом и даже перед боем. А уборочная, разве не называют ее битвой за урожай! Пусть линиялыми ко-сынками запестрела жнива, но все-таки цветами. Пусть в застиранных рубашках, но все-таки белой шеренгой выстроились старики. Агроном подал сигнал.

Он мог бы просто руководить этими людьми или, что еще проще, контролировать. Но долг перед их сыновьями, мужьями, отцами обязывал взвалить на себя двойную ношу.

Василий Лазуков шел правофланговым, шел широким окосьем, и на его рубашке меж лопаток все ширилось влажное пятно. Он старался захватить косою больше, больше, чтобы меньше осталось работы для женских и стариковских рук.

А когда падала роса, в деревне начинали дымить трубы и разносился чуть горьковатый аромат вареной картошки, агроном становился сушильщиком, ремонтником, агитатором, сторожем или еще кем-то. Ведь все это должен был кто-то делать!

Через три недели агроном и военнослужащий Лазуков докладывал своим гражданским и военным начальникам. Доклад его был лаконичным, как рапорт фронтовика: «Пермская машинно-тракторная уборочную завершила!»

В тот радостный день почта опять принесла печальные вести. В домах односельчан кто-то потерял кормильцев. Агроном лишился товарищей-хлеборобов. Он не стерпел, попросился в действующую армию.

— Отправимся вместе! — пообещал комиссар. — Когда будут брать Берлин! Или ты думаешь, здесь менее важно? Слушай: «Командование Северо-Западного фронта благодарит коллектив Пермской МТС за отличное снабжение продуктами».

Василию Лазукову не выпало брать Берлин. Отгремели пушки, и в деревню привалила сила, истосковавшаяся по труду. Больше не требовалось от агронома вести косцов или держать до глянца заласканные чапиги. Его в какой-то степени тоже демобилизовали, чтобы набрался сил к новому наступлению. Ведь урожай сни-

зились за время войны. И словно поднимая людей в атаку, агроном бросил клич: «Даешь сортовые посевы!»

Никому не ведомо, сколько хлопот у агронома. Здесь не подработали семена до кондиции. Там из коммерческих соображений везут на рынок сортовую картошку, тут не ведают, что творится в хранилищах. Василий Григорьевич собирал агрономов и председателей. Из старательных колхозников отбирал на курсы агротехников. Давал рекомендации, читал лекции. Случались по его требованию внеочередные заседания парткомов. Только убедившись, что необходимое делают, он уезжал из хозяйства.

Постоянное бдение, непрерывная учеба, рабочий день от зари до зари — все во имя урожая. Разве мог урожай не прийти! В 1947 году с каждого колхозного гектара сняли более двадцати трех центнеров ржи.

Принимая Звезду Героя, агроном Василий Григорьевич Лазуков поклялся: «Буду и впредь отдавать все свои силы тому, чтобы урожай на наших полях были богаче, чтобы еще лучше жили люди».

ДУХ БЕСПОКОЙСТВА

Лебедев Виктор Николаевич родился в 1910 году в Ленинграде. После окончания школы работал на ряде предприятий, а в 1928 году поступил в Ленинградский политехнический институт на металлургический факультет.

В 1932 году молодого специалиста направляют в Пермь на Мотовилихинский завод. Виктор Николаевич работает начальником смены, начальником технического бюро в прокатном цехе, старшим инженером по монтажу и пуску нового прокатного цеха. В 1939 году после службы в армии он работает инженером-технологом, а затем начальником сортопрокатного цеха.

В годы Великой Отечественной войны коммунист Лебедев руководит металлургическим производством завода, а в 1946 году назначается заместителем директора завода по металлургии.

С 1952 года инженер Лебедев является директором завода имени В. И. Ленина. За заслуги перед Родиной он награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В. Н. Лебедев — депутат Верховного Совета РСФСР.

Двадцатидвухлетним начинающим инженером-металлургом Виктор Николаевич приехал на Мотовилихинский завод. С волнением он знакомился с революционной и

трудо­вой био­гра­фией пред­при­ятия, с ве­те­ра­на­ми за­во­да — жи­вой ис­то­ри­ей Мо­то­ви­ли­хи. Здесь он про­хо­дил вы­уч­ку у опы­тных спе­ци­а­ли­стов, по­зна­вал тон­ко­сти про­из­вод­ства у за­слу­жен­ных ма­сте­ров-про­кат­чи­ков. Ко­неч­но, не сразу ему от­кры­ва­ли про­из­вод­ствен­ные се­креты, лю­ди при­сма­три­ва­лись да при­ме­ря­лись к но­во­му ру­ко­во­ди­те­лю. А ко­гда убе­ди­лись, что мо­ло­дой спе­ци­а­лист при­е­хал не на вре­мен­ное жи­тье, глу­бо­ко вра­ста­ет в про­из­вод­ство, по­лю­бил про­фес­сию ме­тал­лур­га, ста­ли от­но­ситься к не­му с до­ве­ри­ем и ува­же­ни­ем.

Организа­торские спо­со­бности Вик­то­ра Ни­ко­ла­е­ви­ча Ле­бе­де­ва в пол­ную си­лу рас­кры­лись в го­ды Ве­ли­кой Оте­чествен­ной вой­ны. Успехи за­во­да в борь­бе за вы­иг­рыш вре­мени при ос­во­е­нии но­вой про­дук­ции, уве­ли­че­ние вы­пус­ка се­рий­ных ма­шин во мно­гом за­ви­се­ли от ме­тал­лур­гов, от то­го, на­сколь­ко бы­стро от­ли­ва­лась сталь но­вых марок, из­го­тов­ля­лись по­ков­ки. Старые ме­то­ды ор­га­ни­за­ции про­из­вод­ства, ус­во­ен­ные в до­во­ен­ное вре­мя, бы­ли явно не­при­год­ны в но­вых ус­ло­ви­ях, — вре­мя, ко­то­рое от­во­ди­лось на под­го­тов­ку к вы­пус­ку но­вых об­раз­цов во­ору­же­ния и по­лу­фа­бри­ка­тов по ко­опе­ри­ро­ван­ным по­став­кам, ис­чи­с­ля­лось не ме­ся­ца­ми, а не­де­ля­ми, и да­же д­ня­ми. В этих не­обы­чай­но тру­дных ус­ло­ви­ях ме­тал­лур­ги, воз­глав­ля­е­мые за­ме­сти­те­лем ди­рек­то­ра за­во­да Г. К. Пе­ту­хо­вым и на­чаль­ни­ком ме­тал­лур­гичес­кого про­из­вод­ства В. Н. Ле­бе­де­вым, ус­пеш­но справ­ля­лись с по­ру­чен­ным де­лом, с че­стью вы­пол­ни­ли свой дол­г.

Ко­гда Вик­то­ру Ни­ко­ла­е­ви­чу пред­ло­жи­ли пост ди­рек­то­ра за­во­да, он вос­при­нял это как знак вы­со­кого до­ве­рия. Вме­сте с тем но­вый ру­ко­во­ди­тель по­ни­мал, ка­кая от­вет­ствен­ность ло­жит­ся на его плечи. Преж­ний ди­рек­тор Ге­рой Со­ци­а­ли­сти­че­ского Тру­да Бы­хов­ский был круп­ным ор­га­ни­за­то­ром. К его сти­лю ра­боты при­вы­кли. Нуж­но было сберечь все доб­рые тра­ди­ции, но это не зна­чи­ло, что все дол­жно оста­ться по-старому, как было пре­жде. Жизнь, но­вые ус­ло­вия ра­боты тре­бо­ва­ли опре­де­лен­ной пе­ре­строй­ки в управ­ле­нии огром­ным хо­зяй­ст­вом за­во­да.

Каждый ру­ко­во­ди­тель дол­жен смо­треть впе­ред, ви­деть ос­нов­ное зве­но в об­щей це­пи со­бы­тий. Та­ким зве­ном дол­жна была стать ре­кон­ст­рук­ция це­хов, ши­ро­кое вне­д­ре­ние но­вой тех­ни­ки и ав­то­ма­ти­ки. Ди­рек­тор за­во­да, пар­тий­ная ор­га­ни­за­ция раз­вер­ну­ли бо­ль­шую ор­га­ни­за­

торскую работу, установили четкий график по каждому объекту и повседневно контролировали его выполнение. Одновременно в широких масштабах велась подготовка кадров для работы в новых условиях. Каждый год сотни специалистов выпускал организованный на базе завода механический техникум. В Доме техники учились инженеры, мастера, руководители цехов. Заочное, вечернее обучение в институтах, в школах рабочей молодежи стало нормой жизни коллектива.

Вскоре сказались и плоды этой огромной работы. Были созданы первая в стране драга глубокого черпания, лучшие в мире образцы долот и турбобуров, хорошо зарекомендовавшие себя в работе породопогрузочные машины, перфораторы и гарпунные пушки. Продукция завода пользуется все большим спросом в нашей стране и за рубежом.

Дух технического творчества, поток нового все шире охватывает лаборатории, технологические и конструкторские отделы завода. Получен заказ на изготовление рессор для автомашин, нужно наладить их изготовление в массовом масштабе. Идет отработка сложных агрегатов для Красноярской ГЭС, поступили заказы из Индии, Египта. Конструкторы работают над совершенствованием турбобуров, агрегатов нестандартного оборудования для химической, лесной и других отраслей промышленности. Постоянно растут и укрепляются деловые связи с десятками предприятий. Директор должен видеть, как развиваются события, направлять их, быть на страже интересов государства.

Вечером, когда в заводоуправлении наступает тишина, Виктор Николаевич принимается за техническую литературу, просматривает зарубежные журналы. Его волнует все новое, что рождается в мировой инженерной практике, что может быть применено на родном заводе.

Когда коллективу предприятия поручают освоить новый вид продукции, директор не торопится навязать свою волю подчиненным. Сначала он сам тщательно изучит вопрос, выслушает мнение специалистов, рабочих, а потом уже принимает решение.

Когда на предприятии сооружали установку непрерывной разливки стали, встречалось много сложных проблем. Виктор Николаевич вместе с металлургами часами бился над решением трудных инженерных задач,

привлекая на помощь обширную техническую литературу. Так он поступает всегда, и всякий раз самые сложные задачи решаются продуманно и технически обоснованно.

Широкая эрудиция — отличительная черта Виктора Николаевича. Руководитель обязан быть знатоком производства, постоянно быть в курсе всех производственных дел, считает директор завода, и всей своей деятельностью подтверждает это положение.

В кабинете Виктора Николаевича установлена диспетчерская кабина. Эта деталь вроде бы ничем не примечательна, но она характеризует стиль руководителя — быть постоянно в курсе деятельности цехов.

А как важно для руководителя быть близким коллективу, знать настроения людей, вовремя откликаться на их нужды. Виктор Николаевич часто встречается с трудящимися и как директор завода и как депутат Верховного Совета РСФСР. Рабочим нравится, что он прост, разговаривает откровенно, нравится его душевность. Много внимания директор уделяет жилищному и культурно-бытовому строительству. Немало выдумки, инициативы было проявлено при сооружении Дворца культуры, стадиона.

Растет, хорошеет заводской район. На глазах Виктора Николаевича и при его активном участии многое сделано и делается для блага рабочего человека. Коммунист Лебедев неуклонно руководствуется решениями партии, проявляющей повседневную заботу о тружениках социалистической индустрии.

В своей повседневной работе Виктор Николаевич опирается на партийную организацию завода. Она не только контролирует действия администрации, но и выступает как организующая сила, воспитывающая коллектив в духе коммунистического отношения к труду. И не случайно революционные традиции Мотовилихи выливаются в широкую инициативу, творческий порыв трудящихся. К столетию со дня рождения В. И. Ленина коллектив прославленного завода пришел с опережением графика на 56 рабочих дней, производительность труда возросла на 27 процентов, был освоен выпуск важных для народного хозяйства изделий. Соревнование помогло вскрыть огромные резервы. Все они взяты на

вооружение и будут реализованы в соответствии с разработанными планами.

Почти два десятилетия находится Виктор Николаевич на посту директора завода. Велика его ответственность перед людьми, перед страной. Но он никогда и не искал легких путей в жизни, ему по-прежнему присущ дух беспокойства. Техническая революция будоражит ум, сердце, ставит новые проблемы в каждой отрасли промышленности. Декабрьский (1969 года) Пленум ЦК КПСС наметил пути развития нашей экономики на многие годы, указал средства выполнения этой задачи и в первую очередь совершенствования руководства хозяйством. И коллектив завода под руководством Виктора Николаевича Лебедева воспринял указания партии как свое кровное дело.

ПОДЗЕМНЫЙ СКОРОХОД

Мавлеев Мисбах Мавлеевич, 1929 года рождения, уроженец Татарской АССР, подростком начал трудиться на колхозных полях и в шестнадцать лет получил первую в жизни правительственную награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

С 1952 года М. М. Мавлеев проходчик губахинской шахты № 2-Капитальная, длительное время он руководит бригадой.

Мисбах Мавлеевич — делегат XXIII съезда КПСС, полный кавалер почетного знака «Шахтерская слава». В 1966 году он удостоен звания Героя Социалистического Труда. В настоящее время работает горным мастером на той же шахте.

Начальник первого участка Устинов вернулся с общешахтной оперативки не в духе — получил выговор за срыв плана добычи и запаздывание с подготовкой очистного фронта.

— Разболтались! — шумел он, меряя крупными шагами нарядную. — Копаются, как в мичуринском саду.

Отойдя, он заметил в углу бригадира проходчиков Мисбаха Мавлеева. Тот невозмутимо склонился над блокнотом, подбивал итоги ночной смены, готовил заявку на материалы.

— Славно работают твои ребята, — сказал Устинов, обращаясь к Мавлееву. — Начальник шахты хвалил за 602-й штрек. А за 601-й голову снять собирается. И поделом. Пройти за месяц тринадцать метров — срам на весь бассейн. Ума не приложу, что там думает бригада. Выдохлась, что ли?

— Пожалуй, так, — согласился Мисбах. — Был я у них в забое. Условия точно такие же. И ребята опытные. А работают — лишь бы смену отбыть.

— Вот и я говорю, — подхватил Устинов. — Зажечь их надо, подзадорить. Начальник шахты на тебя намекал. А я думаю: хватит Мавлеева на прорывы бросать, побережь надо. Теперь он Герой...

Мавлеев покраснел от обиды.

— Что же мне, под стеклянным колпаком сидеть, чтобы не запылиться? Бригада окрепла, справится без меня. Прошу направить в забой 601-го штрека. Только сделайте так, чтобы не было обиды Владимиру Чумаку, моему учителю.

От ствола шли по темному штреку. Говорили о разном. Мисбах слушал вполуха и мысленно перебирал достоинства и недостатки каждого из десяти проходчиков. Николай Бритвин, Александр Орлов и двое других ребят начинали вместе с ним в комсомольско-молодежной бригаде. Горячее было время и радостное. Что ни месяц — два плана. Слава, почет, премиальные. Что же стало с ребятами за десять лет, куда девался азарт?

Вот и забой. Проходчики кто где устроились отдыхать. Добирались больше часа.

«Так не годится, — думал Мисбах. — Надо организовать подвозку. Выходит, смену кончать надо тоже на полтора часа раньше, иначе к подъему не поспеть. Чистого рабочего времени остается два-три часа...»

Он проверил выработку, вернулся к ребятам.

— Бачки стоят без воды. Труб не запасли, крепить нечем. Всегда у вас так? — спросил он сменного бригадира Минибаева.

— А что? — удивился тот. — Наша смена бурильная. Хорошо, если половину шпуров сумеем пробурить. О трубах другая смена позаботится...

Мисбах, не обращая ни к кому, вслух прикинул:

— Тринадцать метров за месяц. Так... Четыре кило-

метра штрека делим на тринадцать... Выходит, на двадцать пять лет хватит. Да, четверть века в одном штреке...

Молча поднялись бурильщики. Стали заливать бачки водой. Остальные остались сидеть, лениво переговариваясь.

Какой же это суточный комплекс, если никто пальцем не пошевелит ради сменщиков! Каждый за себя, а выработка общая. Потому и цикл даже за сутки не получается. Да, начинать надо с этого.

Мисбах поднял с мест Орлова и Бритвина, послал их за трубами и анкерной крепью. Остальным предложил подменять бурильщиков каждые полчаса. Сам взялся за молоток.

Когда возвращались к стволу, Мисбах понял, что наметился перелом. Ребята говорили о забое, о сменщиках. Для них все припасено. А увидят, что 49 шпуров полностью разбурены — рот раскроют от удивления. Надо же — норму сделали!

Поднялись на-гора. Мисбах не стал снимать спецовку. Быстренько перекусил в буфете, доложил в нарядной и отправился в шахту со второй сменой.

Наступил день, когда Мавлеев смог сказать себе: «Сделано все, что можно». В забое появились молотки более совершенной конструкции. Причем без заливных бачков — теперь для орошения каждую смену наращивается водопроводная магистраль. Удалось заменить и погрузочную машину. Машиностроители из Александровска прислали ту, которую Мисбах год назад испытывал в забое и давал ей «добро» в серию. А главное — люди загорелись, вернулась к ним былая уверенность.

Пассажирский поезд мчал «с ветерком». До забоя добрались за восемь минут. Ночная смена не подвела. Порода убрана до крошки. Припасено все необходимое для нового цикла.

Николай Бритвин взялся за молоток, прицелился двухметровой штангой к груди забоя.

— Даешь цикл! — крикнул он, вспомнив клич, который десять лет назад гремел в комсомольском забое.

— Даешь цикл! — эхом откликнулись ребята.

Ударили в восемь молотков. Мисбах занялся погрузочной машиной. Еще двое принялись готовить анкеры, продлили водосточную канаву. Затем сбегали на разминку и подкатали вагонетку под породу.

Подошел пожилой мастер-взрывник. Заявку на него бригадир сделал с таким расчетом, что шпурь для зарядки будут готовы через два часа после начала смены. Так оно и получилось. Пока он выкладывал из объемистой сумки патроны, присоединял к ним цветные проводки, готовил пыжи из мягкой глины, ребята отбурились.

— Крути, дед, свою машинку!

Взрывник буркнул для порядка:

— Всем покинуть забой.

Ребята прибрали подальше то, что могло случайно повредить взрывом, и собрались в нише, где висели самоспасатели. Мисбах тщательно закрепил машину на рельсах и тоже присел к ребятам.

— Устали, небось?

Минибаев ответил за всех:

— Когда работа не клеится, тогда устаешь. Сегодня песню петь хочется — вот как работаем.

Орлов нетерпеливо выглянул из ниши.

— Чего там дед копается? Каждая минута дорога!

В ответ гулко ухнуло. Тугая волна пронеслась по штреку. Пока проветривался забой, Мисбах по телефону договорился с диспетчером о порожняке. Состав подкатил быстро, как будто стоял за поворотом и ждал сигнала.

Породу убирали все. Подталкивали лопатами куски. Мисбах подхватывал их ковшом машины и кидал в вагонетку. Заполненную «вагонку» двое ребят откатывали на штрек, подавали порожнюю.

За полчаса до конца смены убрали отбитую породу, закрепили выработанное пространство, продлили рельсовый путь, нарастили «воздушку» в водяной став. Мисбаха искренне радовала расторопность проходчиков, готовность каждого подставить плечо товарищу. Ребята без напоминаний притащили и подготовили материалы для сменщиков. Значит, и те замкнут цикл за смену.

Кто-то воскликнул:

— Братцы! Куда нас Мавлеев ведет? Если так работать — за месяц пройдем двести метров.

Мисбах улыбался. Теперь этих ребят никакая сила не заставит работать враскачку.

...В маркшейдерском отделе переполох. Трижды замерили проходку. Итог все тот же, невероятный —

252 метра! За всю историю бассейна не бывало такой скорости проходки полевых штреков. Весть о рекорде понеслась по проводам. А в это время глубоко под землей Мисбах Мавлеев и его товарищи метр за метром двигали штрек к границе шахтного поля. Пробивали дорогу к нетронутым пластам.

СИЛА ПРАКТИКИ

Мандыч Иван Гаврилович родился в 1928 году. С 1930 года живет на Урале. После окончания целлюлозно-бумажного техникума получил направление на Соликамский комбинат, где и работает до настоящего времени старшим мастером бумагоделательной машины № 10.

Иван Гаврилович член КПСС, избран депутатом Соликамского городского совета. Награжден орденом Ленина и медалью. В 1967 году И. Г. Мандычу присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Слава о молодом технике пошла очень скоро после его прихода на Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат. И если не по годам рано засеребрились пряди волос у этого человека, то причина одна — нелегкий труд машиниста бумагоделательных агрегатов, которым он вот уже два десятка лет безраздельно отдает свои силы, способности, покой.

Доброе будущее Ивану Гавриловичу прочили еще его преподаватели в Красновишерском техникуме. Уже тогда выделялся он старательностью, настойчивостью, постигая технологию и механику бумажного производства. Отличную оценку заслужил его дипломный проект.

Но настоящий мастер своего дела, каким предстает сегодня Мандыч, выковался из него в горячей практике

первооружения нашей бумажной промышленности. В цехах комбината у него были отличные учителя-практики, и ученик оказался достойным.

Иван Гаврилович попал в Соликамск в самую ответственную пору: к началу освоения производства газетной бумаги. Скорость первой по счету машины была всего 225 метров в минуту — начальные шаги всегда трудны.

Коренная модернизация старых бумагоделательных машин, когда каждый узел разбирается, реконструируется и собирается вновь своими руками, была начальной практической школой Мандыча. Когда же вступал в действие четвертый по счету агрегат, бывший сменный мастер пускового отдела, а затем начальник смены Иван Гаврилович Мандыч подал начальнику фабрики заявление: «Прошу перевести меня сеточником на вновь пускаемую машину, т. к. я желаю практически освоить работу сеточника». Он тогда достаточно хорошо знал «мертвую» машину — он хотел так же хорошо знать ее «живой», в работе. Знать, чтобы достигнуть невиданных скоростей отлива бумаги.

Одной модернизации, пусть самой тщательной и совершенной, для этого недостаточно. Нужно глубокое знание тайн композиции массы, отлива, прессования, сушки. Тайны эти открываются не сразу. Упорство, с каким постигаются они, делает честь людям.

Сколько ни всматривайся, а миг, когда мельчайшие частички древесной массы и целлюлозы, сдобренные каолином и глиноземом, слегка подцвеченные голубой метиленовой краской, сольются в единое целое, бумажное полотно, так и остается для непосвященного неуловимым. Когда происходит чудо рождения бумаги, знают только они, мастера.

Пять лет простоял у сетки Иван Гаврилович, пока не стал чувствовать дыхание машины как свое собственное. Он учился не столько умению быстро устранять обрывы полотна, сколько искусству их предотвращать. Освоение проектной скорости модернизированной машины можно считать средней практической школой Мандыча.

Специалисты утверждают: профессией он овладел в совершенстве. Возглавляемая им бригада первой на комбинате удостоена звания коллектива коммунистиче-

ского труда. Благодарности, премии, почетные грамоты, портреты на досках почета не убавили его скромности и трудолюбия.

Потом новая должность — технолога фабрики. Вместе со всем коллективом Мандыч штурмует новые скорости, достигая рекордного в ту пору рубежа — 550 метров в минуту.

Отличную производственную закалку прошел Иван Гаврилович на старой фабрике газетной бумаги. Здесь он держал экзамен на мастерство экстра-класса. И не случайно ему доверили участвовать в подготовке к пуску сверхскоростной девятой машины.

Огромная ответственность легла на плечи Мандыча! Не только самому познать редкостный агрегат, но и научить работе на нем сеточников, прессовщиков, накатчиков, подручных. Обучить тому, что и для маститых инженеров оставалось пока тайной за семью печатями.

Конечно, они, девятая, а потом и десятая машина, были высшей практической школой Мандыча.

— Отличает Ивана Гавриловича его работоспособность, — так сказал тогда о нем заместитель главного инженера по новой технике В. Е. Алехин. И эта немногословная, сдержанная похвала стоит многого: Алехин на похвалы скуп.

Новые агрегаты покорились людям в удивительно короткие сроки. Девятая машина стартовала отлично. По словам соликамцев, десятая шла еще спокойнее.

Шестое сентября 1965 года. Еще одна машина для производства газетной бумаги вступает в жизнь при самом непосредственном участии Мандыча. Он назначен старшим мастером агрегата. Опытный лоцман высоких скоростей повел машину к заветному финишу — к 760 метрам в минуту, 108 тысячам тонн бумаги в год.

ТАЛАНТ ОРГАНИЗАТОРА

Митюшкин Александр Иванович родился в 1913 году в селе Ивановке Таганрогского района Ростовской области. В раннем возрасте переехал с родителями в Донбасс, где его отец стал работать на шахтах. По окончании школы-семилетки при шахте «Красная звезда» Чистяковского рудоуправления он и сам начал трудовой путь горняка.

В 1935 году Александр Иванович окончил Горловский горный техникум. После этого он руководил участком, был главным инженером шахты, а затем главным инженером треста. Во время Великой Отечественной войны А. И. Митюшкин работал в Кизеловском угольном бассейне. В 1948 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1963 году А. И. Митюшкин скончался.

Шахта имени Урицкого, куда направили начальником Александра Ивановича Митюшкина, числилась в отстающих. Не хватало рабочих рук, простаивала техника. Новый руководитель должен был принять все меры, чтобы выправить положение, обеспечить выполнение и перевыполнение плана угледобычи. Опыт подсказывал Митюшкину, что надо начинать с более рациональной расстановки людей, с откровенного разговора о больших задачах, стоящих перед коллективом.

Горняки всем сердцем откликнулись на призыв поднять темпы добычи угля. Боевое соревнование, развернувшееся на участках, способствовало росту производительности труда. Александр Иванович ежедневно бывал в лавах, на месте принимал меры по улучшению организации труда, подсказывал пути более полного использования горной техники.

Меньше года понадобилось А. И. Митюшкину для того, чтобы вывести шахту в число передовых предприятий. На-гора пошел сверхплановый уголь.

Как одного из лучших руководителей, Александра Ивановича в декабре 1942 года назначили управляющим одного из крупнейших трестов в системе комбината «Кизелуголь». Теперь он отвечал за работу не одной, а многих шахт.

На этом посту А. И. Митюшкин пробыл до 1953 года. И все время шахты треста систематически выполняли и перевыполняли государственные планы угледобычи и подготовительных работ. Отличный организатор производства, высококвалифицированный специалист, глубоко изучивший особенности Кизеловского бассейна, Александр Иванович вывел в передовые и трест.

Еще в молодости, за несколько лет до Великой Отечественной войны шахтер Митюшкин был награжден орденом Ленина. В пору зрелости его деятельность достойно увенчало звание Героя Социалистического Труда.

В 1953 году А. И. Митюшкин был назначен начальником комбината «Сахалинуголь», затем он работал в комбинатах «Тулауголь» и «Воркутауголь».

ГОРДОСТЬ РАБОЧЕГО

Мишланов Аркадий Ильич родился в 1925 году в деревне Торсуново Очерского района Пермской области. В 1934 году он с семьей приехал в Пермь. В 1942 году окончил ремесленное училище и был направлен на завод имени В. И. Ленина подручным сталевара в новомартеновский цех. С 1952 года Аркадий Ильич работает сталеваром. За выдающиеся успехи, достигнутые в развитии металлургии, в 1958 году А. И. Мишланову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Аркадий Ильич Мишланов член КПСС с 1952 года. Он был делегатом XXII съезда Коммунистической партии. Избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Долгие годы А. И. Мишланов являлся депутатом Пермского областного Совета депутатов трудящихся, членом Пермского городского комитета партии. Сейчас он член партийного комитета завода.

Однажды в беседе с учениками ремесленного училища Аркадий Ильич Мишланов с большой силой убеждения говорил об ответственности рабочего человека за свой труд, за свой коллектив, за каждого товарища по работе.

— Конечно, ответственность за свой труд привива-

ется человеку с малолетнего возраста, — развивал мысль Мишланов. — Но завод предъявляет каждому члену коллектива более высокое требование — выполнять свою работу не только тщательно и добросовестно, но, и это главное, творчески.

Радость творчества, радость свободного труда на себя, на свое общество, на коммунизм, — в этом видит высшее благо Аркадий Ильич, почти тридцать лет жизни посвятивший огненной профессии сталевара.

Его трудовая, творческая биография началась в первые годы Великой Отечественной войны, когда советский народ мобилизовывал все свои материальные и духовные силы на разгром врага. В начале войны Аркадий Мишланов закончил ремесленное училище. Вместе со своими товарищами, такими же подростками, он с волнением следил за сводками военных действий. Ребята мечтали попасть на фронт, быть участниками великой битвы с врагом.

Но не всегда получается так, как задумаешь. Однажды к ним пришел мастер и объявил, что занятия в училище заканчиваются и вся группа направляется на Мотовилихинский завод. Это был не тот фронт, о котором мечтали ребята. Но это тоже был фронт — трудовой. Ведь они становились полноправными членами прославленного заводского коллектива и наравне с опытными мастерами им предстояло ковать оружие для победы.

Аркадия определили в мартеновский цех подручным сталевара. На первых порах было боязно. В огромных пролетах цеха шум, грохот. Двигаются вагонетки, краны, завалочные машины. Работать лопатой, ломом, заправочной ложкой без привычки и сноровки оказалось нелегко. Но Аркадий не испугался трудностей. Он упорно овладевал профессией, учился сталеварению у таких опытных мастеров, как Николай Павлович Симонов, Павел Григорьевич Тюрин, Андрей Иванович Сараев, Александр Федорович Филиппов.

Вот что рассказывает старейший сталевар Щербинин, в бригаде которого начинал работать Мишланов: «Сначала Аркадий был вторым подручным. Постепенно начал осваивать премудрость нашей работы: какую температуру поддерживать в печи, как производить завалку, брать пробу в анализ, следить за подиной, сушить яму, делать наварку. Потом я стал поручать ему самостоя-

тельную работу. С непривычки было трудно, но подручный мой никогда не жаловался на усталость, охотно делал все, что ему поручалось. За старание и исполнительность его полюбила вся бригада».

С юношеских лет Аркадий Ильич не только старательно осваивал профессию, но и воспитывал в себе чувство ответственности, закалял волю. В войну было всякое. Приходилось недоедать, недосыпать. Однажды по неопытности он не рассчитал свои силы, к концу смены переутомился и получил тепловой удар. Подошел к вентилятору, чтобы немного освежиться, и вдруг помутилось в глазах, упал и потерял сознание. Но на другой день к началу смены Мишланов уже стоял у мартена и уверенно делал свое дело.

После войны Аркадий Ильич стал сталеваром. Он обладает большим опытом, у него хорошие знания, свой почерк в работе. Теперь он выступает в роли вожака, воспитателя своей бригады. Первым подручным у Мишланова Виктор Алексеевич Алексеев. За многие годы совместной работы он многое перенял у бригадира и стал отличным мастером своего дела. Аркадий Ильич считает, что Алексеев вполне может вести плавки самостоятельно. Хорошо справляются с обязанностями второй подручный Анатолий Васильевич Филатов и третий подручный Василий Гарифулин. Не случайно самые ответственные плавки поручают бригаде Мишланова.

Во всем новом, что рождалось и рождается в сталелитейном цехе, заложен творческий труд бригады Мишланова. Много сил и энергии затратили металлурги при освоении установки непрерывной разливки стали. Коллектив установки, возглавляемый кандидатом технических наук В. П. Перминовым, сумел в короткий срок наладить выпуск слябов, освоил проектную мощность агрегата. Значительный вклад в это дело внесла бригада Мишланова.

Венцом творческой работы и новаторских усилий Аркадия Ильича и его бригады явились скоростные плавки. В пятидесятых годах проблема увеличения съема металла с действующих мощностей стояла особенно остро. Коммунистическая партия и правительство призывали коллективы металлургических предприятий находить неиспользованные резервы и приводить их в действие.

Бригада Мишланова стала запевалой нового почина. Усовершенствовав процессы завалки, погрузки шихты, в совершенстве изучив автоматику по управлению мартеновской печью, бригада стала выпускать плавки за шесть часов — на полтора часа раньше графика.

Потом и другие сталевары начали варить сталь по-скоростному, совершенствовать технику скоростных плавок. Но именно бригада Мишланова сказала первое слово в этом важном деле.

В 1958 году Аркадий Ильич был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Он гордится тем, что рабочий человек отмечен такой высокой наградой. Но, как и прежде, превыше всего для него — свой цех, родной коллектив. Здесь, у мартена проходит основная часть его рабочего дня. Только в исключительных случаях, когда нужно было уезжать в Москву на сессию Верховного Совета, Аркадий Ильич оставляет свое рабочее место на попечение членов бригады. И они ни разу не подвели своего руководителя.

Все последние годы бригада Аркадия Ильича Мишланова по-прежнему живет творческой, полнокровной жизнью. Сам бригадир скромно, не кичится своим положением. Он все время в поисках дальнейшего улучшения производственного процесса, все новое, что появляется в металлургии, старается применить у себя. С 1960 года бригада Мишланова носит звание коммунистической. В 1967 году ей присвоено звание бригады имени 50-летия Октября, а в 1970 году — имени Ленинской пятилетки.

После работы Аркадий Ильич много читает, посещает Дом техники, просматривает специальные журналы, слушает лекции. Как член парткома завода он часто выступает на различных собраниях, конференциях.

Так, в творческом труде, в постоянных заботах о родном производстве проходит жизнь этого замечательно-го человека.

ПО ПЛЕЧУ ЛЮБОЕ ЗАДАНИЕ

Мусакин Валериан Алексеевич родился в 1910 году в Омске. В 1930 году окончил Уральский индустриальный техникум, получил специальность горного техника.

В Кизеловском бассейне Валериан Алексеевич проявил себя не только как умелый организатор угледобычи, но и как опытный шахтостроитель.

В 1948 году В. А. Мусакину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Еще будучи учащимся индустриального техникума, выезжая на практику, Валериан Алексеевич познал горняцкий труд. Он работал откатчиком, десятником и, несмотря на молодость, обнаружил способности организатора. Эта черта особенно проявилась по окончании техникума, на самостоятельной работе. В. А. Мусакин был назначен заведующим цехом вентиляции крупной шахты.

Валериан Алексеевич год от года становился все более опытным руководителем: он работал на предприятиях «Ураласбеста», «Челябинскугля», «Средазугля». Вот почему по приезде в Кизеловский бассейн ему доверили возглавить коллектив шахты имени В. И. Ленина. Сразу,

без каких бы то ни было испытательных сроков. И очень скоро за успехи в работе нарком наградил В. А. Мусакина значком «Отличник социалистического соревнования угольной промышленности».

В годы Великой Отечественной войны в Кизеловском бассейне велось большое промышленное строительство, что должно было обеспечить увеличение объема добычи угля. Большие надежды возлагались, в частности, на шахту № 6-Капитальная. Мусакин, ставший начальником строительства, организовал скоростное ведение работ, что в ту пору имело особое значение. Новые угольные участки дали на-гора десятки тысяч тонн топлива. В 1943 году Валериан Алексеевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За время работы в системе треста «Кизелшахтстрой» В. А. Мусакин проявил себя многоопытным специалистом, инициативным и настойчивым в проведении передовой технической мысли в жизнь. Ему были по плечу самые сложные и ответственные государственные задания.

Под руководством Валериана Алексеевича Мусакина коллективы горняков и шахтостроителей всегда выполняли и перевыполняли производственные планы. Бесчисленные эшелоны угля — такой итог этой работы.

В. А. Мусакин стал Героем Социалистического Труда.

В 1956—1961 годах В. А. Мусакин работал главным инженером треста Губахшахтстроя. Затем он уехал на строительство шахт в Карагандинский угольный бассейн, где живет по сей день.

ПЕРВЫЙ СКОРОСТНИК

Некрасов Алексей Михайлович родился в 1933 году в деревне Комарихе Чусовского района Пермской области. В нефтедобывающей промышленности начал работать с шестнадцати лет: был буровым рабочим, помощником бурильщика, затем бурильщиком. После службы в Советской Армии А. М. Некрасов снова работал бурильщиком, а с 1960 года — буровым мастером. В 1963 году он был награжден медалью «За трудовую доблесть».

В 1966 году за выдающиеся заслуги в выполнении заданий семилетнего плана по добыче нефти и достижение высоких технико-экономических показателей А. М. Некрасову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Умер в 1968 году.

У Алексея Некрасова жизнь сложилась так, что с малых лет он вынужден был пойти работать: нужно было помогать семье. Но уже через два года после прихода на буровую он стал помощником бурильщика. Молодому пареньку помогло упорство, настойчивое стремление к знаниям. Это привело его на специальные курсы, по окончании которых он стал бурильщиком.

Кипучая энергия, ясное представление о цели в жиз-

ни всегда сопутствовали Алексею Михайловичу. Он успешно овладевал новой техникой, передовыми методами труда и так организовывал работу своих помощников, чтобы желаемый результат достигался в кратчайшие сроки и с наименьшей затратой сил.

В 1960 году А. М. Некрасова назначили буровым мастером. На его плечи легла серьезная ответственность. В ту пору работа буровиков Пермского Прикамья не отличалась высокими показателями. Проходка на одну бригаду составляла 7—8 тысяч метров в год. В общем балансе времени значительную часть составляли простои, ремонт оборудования. Производительное время, затрачиваемое на бурение скважин, не превышало восьмидесяти процентов.

В этих условиях пылливому уму Некрасова не нужно было долго искать, над чем поработать. Задачи встречались на каждом шагу.

Взять, например, шарошку, основную деталь бурового долота, его рабочий орган, с помощью которого разрушается горная порода. Ясно, что пока шарошка новая, пока зубья ее не стерлись, она работает эффективнее. Следовательно, в этот период скорость проходки высокая. А когда шарошки стерлись, как ни нагружай долото, оно будет скользить по забою скважины, не углубляясь ни на сантиметр. Недаром такие шарошки называют лысыми. Как же выбрать наиболее эффективную нагрузку на долото? До какой степени имеет смысл его отрабатывать? Как часто следует менять долота? И, вообще, почему в соседних районах, в Татарии, Башкирии, передовые мастера пробуривают за год в пять-семь раз больше, чем пермские бригады?

Придя к руководству буровой бригадой, Алексей Михайлович неоднократно обсуждал с товарищами положение дел. Многочисленные усовершенствования, внедренные ими в процессе бурения, позволили уже через несколько лет увеличить долю производительного времени до 92 процентов. Соответственно выросла и годовая проходка. Однако это было далеко не то, чего хотелось.

В Прикамье все чаще поговаривали о скоростных, форсированных режимах бурения. Однако опыта работы на этих режимах не было и применять их никто не решался. С опаской относились к этому новшеству и в

бригаде Некрасова. Однако мысль о возможности в несколько раз увеличить скорость бурения не давала покоя Алексею Михайловичу.

Осенью 1963 года в Куйбышеве состоялось совещание буровиков Татарии, Башкирии, Куйбышевской и Пермской областей. На этом совещании присутствовал и А. М. Некрасов. С интересом слушал он выступление Героя Социалистического Труда Д. И. Михайлова — бурового мастера из треста «Туймазабурнефть». Его бригада за год пробурировала 43 тысячи метров — в шесть раз больше, чем любая бригада в Пермской области.

В перерывах между заседаниями Алексей Михайлович «эксплуатировал» знатного мастера, подробно расспрашивал его об организации труда, технологии бурения. И тот щедро делился своим богатым опытом.

Возвратившись домой, А. М. Некрасов рассказал товарищам все, что узнал сам. И прежде всего поделился с ними главной мыслью, вынесенной из разговоров с Михайловым: не надо бояться форсированных режимов, нужно только как следует подготовиться.

После долгих раздумий и расчетов решили: надо бурить на форсированном режиме.

В объединении «Пермнефть» поддержали передовой коллектив, помогли разработать новую технологию бурения, увеличить мощность насосов, подающих промывочную жидкость в скважину. И вот в мае 1964 года бригада Алексея Михайловича Некрасова приступила к бурению скважины на форсированном режиме. А примерно через полмесяца по области разнеслась весть о том, что бригада закончила проходку, в три раза сократив плановые сроки. Средняя скорость, которой добился Некрасов, составила 3420 метров на станок в месяц, или 41 000 метров в год! Это был рекорд для буровых бригад «Пермнефти».

Теперь уже к Алексею Михайловичу поехали за опытом буровые мастера Прикамья. Еще бы! Сосед, работающий в тех же условиях, добился таких поразительных результатов! Он смело пошел против сложившихся традиций, показал, что отечественное оборудование, будучи в умелых руках, может дать гораздо больше, чем от него брали до сих пор.

Разъезжались мастера от Некрасова, увозя в карманах записные книжки, в которых подробно было за-

писано, что и как нужно делать для улучшения показателей бурения. После этого скорости бурения в Прикамье повсеместно выросли. Только в 1964 году за счет этого предприятия объединения увеличили добычу нефти на 25 процентов, а газа — в четыре раза.

Так пришла к Алексею Михайловичу Некрасову слава новатора. Признание нашло конкретное выражение в том, что его избрали депутатом областного Совета депутатов трудящихся, выбрали в областной комитет профсоюза. А когда лучшие представители профсоюза работников нефтехимической и газовой промышленности собрались на свой XIV съезд, среди делегатов был и Герой Социалистического Труда Некрасов.

МАСТЕР ОГЕННОЙ ПРОФЕССИИ

Носков Дмитрий Григорьевич родился в 1910 году в селе Нижнее Калино Чусовского района Пермской области. В 1931 году приехал на строительство доменной печи на Чусовском металлургическом заводе, да так и остался здесь навсегда. Был горновым, старшим горновым, мастером. В 1936 году получил орден «Знак Почета». В 1943 году, когда была построена домна № 2-бис, коммуниста Носкова назначают на нее мастером. Его заслуги получают высокую оценку: трижды ему присваивается звание «Лучшего доменного мастера Советского Союза», он становится Почетным металлургом, награждается орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина. В 1958 году коэффициент использования полезного объема домны значительно превысил средний показатель в целом по отрасли. Чусовскому мастеру-доменщику было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сейчас Д. Г. Носков на пенсии.

Строчки двоились в глазах. Нет, ошибки быть не могло. Черным по белому написано: «Распоряжение по личному составу Чусовского металлургического завода № 313 от 28 ноября 1940 года... § 2. Для оказания социалистической помощи Саткинскому заводу временно

откомандировать мастера доменного цеха т. Носкова... Директор завода Гуляев».

Скорее почувствовал, чем услышал за спиной движение — подошли рабочие из бригады. Тоже прочитали распоряжение. Кто-то тронул за плечо:

— Что приуныл, Григорьич? Правильно рассудило начальство. Расскажешь товарищам, как лучше от домны чугуна брать. За нас не беспокойся — не подведем.

Смена пролетела незаметно, и когда гудок возвестил о конце рабочего дня, Носков забеспокоился: все ли сделала бригада, не упустила ли чего? Как всегда, все, конечно, было в норме. График выдержали до минуты. Своим чередом шла загрузка печи. Своевременно слили шлак, чтобы не попал в чугунную летку или не залил воздушные фурмы. Точно в срок выдали металл.

Сменщик, приняв сложное хозяйство домны, напоследок еще раз глянул в журнал, расписался, пожал Носкову руку.

Тысячи раз проходил Дмитрий Григорьевич через заводскую проходную. И еще тысячи раз пройдет. Но на этот раз она казалась ему по-особенному родной, вроде калитки у дома. Завод и был для него вторым домом.

Вспомнилось, как приехал на завод по комсомольской путевке. Сколько тогда их, молодых парней, пришло на строительную площадку доменного цеха! Кто в рваных сапогах, кто в лаптях, но каждый — с горячим сердцем. Это было незабываемое время первых пятилеток, прошумевших по стране Магниткой, Днепростроем, Сталинградским тракторным.

Стройка грохотала лебедками, щетинилась лесами, а рядом ровно дышали заводские цехи. Частокол труб, казалось, упирался в самое небо, и ветер, налетавший с Чусовой, косматил темные кудри дыма. В цехах шла непрерывная работа, и Носкову, успевшему быстро освоиться в новой обстановке, все больше хотелось стать заправским металлургом, по-свойски, на равных, разговаривать с огнем. Особенно привлекало доменное производство. Ведь здесь начинается металлургический процесс, здесь рождается металл.

В доменный его взяли грузчиком. Он был рад и этому: лишь бы ближе к печам. А те были прожорливы — в колошник то и дело надо было засыпать древесный

уголь (тогда чусовские металлурги понятия не имели о коксе), руду, известь. Носков лихо ворочал тяжести, а улучив минуту, шел на рабочую площадку домны, где священнодействовали горновые. Здесь он ловил каждое слово, готов был без конца наблюдать за подготовкой к выпуску чугуна.

Его заметили, и скоро Носков тоже с гордостью мог назвать себя горновым. Правда, пока — четвертым, но разве в степени суть! Главное, мечта осуществилась: он — металлург, рабочий огненной профессии.

Никогда не забыть, как впервые, через синее защитное стеклышко, заглянул в круглый глазок домны. Присмотревшись, увидел, как в яркой огненной коловерти рождаются капли чугуна, как они светло-оранжевыми серьгами стекают вниз, чтобы потом тяжелым потоком хлынуть из летки.

Новая работа целиком захватила молодого доменщика. Он прошел курсы техминимума, по крупицам перенимал опыт товарищей и в 1936 году стал старшим горновым. А после учебы в школе мастеров его выдвинули в мастера доменной печи № 3. В 1938 году Дмитрий Григорьевич получил из рук М. И. Калинина орден «Знак Почета».

И вот теперь он, знающий дело командир производства, должен ехать с передачей опыта на другое предприятие...

А старый Чусовской завод тем временем наращивал производственные мощности. Начавшаяся война требовала ускорения этого процесса. В 1943 году вступила в строй возведенная в рекордно короткий срок — за восемь с половиной месяцев — домна № 2-бис.

Новый коллектив достиг многого. Задача состояла в том, чтобы как можно лучше использовать полезный объем печи, дать больше чугуна. Бригады новой домны не раз выходили победителями в соревновании, и среди них особой слаженностью отличалась бригада Носкова. Правительство наградило знатного металлурга еще двумя орденами.

После войны трудовая слава Дмитрия Григорьевича еще больше возросла. В 1958 году доменщики, в том числе бригада Почетного металлурга Носкова, довели коэффициент использования объема печи до 0,63, что значительно превысило общесоюзные показатели. По-

вышение температуры горячего дутья с 600—650 градусов до 750—800 градусов позволило увеличить рудную нагрузку на тонну сжигаемого кокса с 2,25 до 2,5—2,55 тонны. Были сэкономлены сотни тонн сырых материалов и кокса.

Дмитрию Григорьевичу Носкову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...С Дмитрием Григорьевичем корреспондент встретился в его квартире в старом, построенном еще «при французах» доме неподалеку от завода. Прославленный мастер уже на пенсии. Он достал из ящика стола письмо, полученное из Москвы, на котором был гриф Профиздата.

Корреспондент прочел: «Уважаемый Дмитрий Григорьевич! Издательство ВЦСПС готовит к выпуску сборник рассказов о Ленине. В этот сборник издательство намерено включить Ваш рассказ «Через всю жизнь», опубликованный ранее Профиздатом в книге «Рассказы рабочих о Ленине». Издательство просит Вас дать согласие на переиздание Вашего рассказа...»

На молчаливый вопрос металлург ответил:

— Конечно, пусть печатают, если это принесет какую-то пользу. Образ Ленина я пронес через всю свою жизнь. Новая жизнь, за которую он боролся, строилась и строится при мне. Молодежи, думаю, будет полезно знать, с чего мы начинали.

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ

Нырбцев Григорий Фомич родился в 1900 году в деревне Нырбцево Пермско-Ильинского района Пермской области. В молодости начал работать на шахтах Кизеловского бассейна. Трудовая слава пришла к нему на шахте имени В. И. Ленина, где он стал одним из лучших забойщиков угольной промышленности страны.

За выдающиеся производственные достижения Г. Ф. Нырбцев был награжден тремя орденами Ленина и удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В настоящее время Григорий Фомич Нырбцев на пенсии и живет в Карагайском районе Пермской области.

Профессия проходчика овеяна особой романтикой. Это они, проходчики, первыми пробираются сквозь земные недра к черным пластам угля, готовят фронт добычных работ. Вот почему, придя из глухой деревушки в Кизел, Нырбцев запросился в забой.

Тяжело давалась поначалу сложная шахтерская наука. Но, внимательно присматриваясь к работе старых горняков, Григорий Фомич научился делать подбой, засекать кутки, ломать пороги и ставить крепления. На шахтах Кизела царил тогда обушок.

Скоро Нырбцов стал квалифицированным мастером ручной подрубки угля. А в 1938 году, когда в бассейне началась широкая механизация, он перешел на шахту имени Ленина, где работал машинистом легкой врубовой машины — радиолакса.

Григорий Фомич проходил выработки с помощью машины. И по-прежнему перевыполнял нормы, показывал замечательные образцы шахтерского труда.

В 1940 году Нырбцов снова вернулся к работе забойщика, сменив радиолакс на отбойный молоток. Это была уже третья его профессия — он стал мастером механизированной подрубки угля.

Самоотверженно трудился Григорий Фомич в годы Великой Отечественной войны. Тысячи тонн сверхпланового угля добыл он за это время. Переняв опыт знатного забойщика шахты № 2-Капитальная Павла Поджарова, Нырбцов усовершенствовал его и добился еще более эффективной проходки угольных скатов.

На шахте имени Ленина была создана стахановская школа, где Григорий Фомич обучал горняцкому мастерству молодых рабочих. Многие из них, осваивая опыт своего учителя, сами стали передовиками производства.

Подлинная трудовая слава пришла к Григорию Фомичу Нырбцову в период послевоенной пятилетки. Опережая время, в 1946 году он выполнил норму на 238 процентов. И в последующие годы пятилетки выработка знатного забойщика восхищала горняков.

Почетный шахтер Г. Ф. Нырбцов трижды был награжден орденом Ленина. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Самоотверженной работой Григорий Фомич снискал авторитет и всеобщее уважение в Кизеловском бассейне. Горняки избрали замечательного труженика депутатом Верховного Совета РСФСР, и он с честью оправдал высокое доверие.

Имя забойщика Нырбцова по праву записано в славную трудовую летопись Уральской кочегарки.

РАВНЯЯСЬ НА БУДУЩЕЕ

Обыденнов Дмитрий Степанович родился в 1925 году в поселке Дубровинском Трубачевского района Брянской области. В 1941 году поступил в Лысьвенское ремесленное училище, получил профессию прокатчика и был направлен на местный металлургический завод. Без отрыва от производства окончил школу мастеров.

В настоящее время Герой Социалистического Труда Д. С. Обыденнов работает мастером смены.

Было это в мае 1960 года на Всесоюзном слете ударников коммунистического труда. После доклада объявили, что большая группа участников форума разведчиков будущего удостоена звания Героя Социалистического Труда. Дмитрий Степанович вместе со всеми горячо аплодировал сообщению, но когда председательствующий зачитал список награжденных и Обыденнов услышал свою фамилию, то вдруг растерялся. «Может, — подумал, — ослышался? Так нет, четко было сказано: «Старший вальцовщик Лысьвенского металлургического завода».

В гостиницу после заседания шел с непонятным чув-

ством. Шутка ли: уезжал из дома рядовым, вернется — Героем!

А старая рабочая Лысьва уже знала о высокой награде своего земляка. На вокзале Обыденнова встречали с цветами. Тепло жали руку товарищи по второму жестепрокатному цеху, просто знакомые. Трогательно поздравил Героя его первый наставник Александр Николаевич Белых. Тот самый, что в лихую военную годину терпеливо учил прокатному делу подростков. Многие из них к тому времени уже стали сиротами, и суровый на вид мастер по-отцовски был добр к ребятам, никому не давал вешать носа. До самого отбоя засиживался. То, бывало, о своей рабочей жизни рассказывал, то о войне, на которую и сам бы пошел, если б годами был чуть помоложе. Окружат его ученики, будто стая воробышек, и слушают.

А утром он первым приходил на подъем. Зычно будил:

— Вставай, орлы, сегодня практика!

«Орлы» по-армейски бойко вскакивали и первыми выходили на зарядку. Во время практических занятий им не терпелось работать самостоятельно, но мастер охлаждал их пыл:

— Всею свое время. Начнем с повторения. А ну, Обыденнов, расскажи устройство стана...

И вот теперь старый мастер целовал своего воспитанника — Героя.

Дмитрию Степановичу, можно сказать, везло по части наставников. Вскоре он попал к Аркадию Васильевичу Астахову, который вместе с Николаем Петровичем Микрюковым организовал из практикантов-ремесленников бригаду. Кое-кто тогда посмеивался:

— Хлебнешь ты, Васильич, горя, они, кадры твои, зеленые еще, лист один раз поднимут, а на другой силенок не хватит, отдыхать попросят.

Но Астахов не пугался. Как опытный педагог, он учел азарт и молодость ребят и доверял им.

Вместе с друзьями Михаилом Харитоновым, Александром Ярыгиным, Николаем Панюковым возвращался в общежитие Обыденнов. Работа ладилась, бригада по показателям вышла на одно из первых мест в цехе.

Ребята успешно осваивали пакетный способ прокатки. Надо сказать, что он намного сложнее листового

способа, применяемого на других заводах. При пакетном чуть зазевался, чуть перегрел валки — и брак, листы свариваются.

После выпуска Обыденнов работал на третьей клети, где старшим вальцовщиком был Дмитрий Филиппович Беляев. Он принял паренька тепло. Сказал:

— Слышал, как вы у Астахова отличались. Теперь покажи свои способности у нас. С сего дня ты — нагреватель сутунки.

Сутунка — это заготовка. Нагревательщик подает сутунки партиями в печь. На первый взгляд, ничего мудреного здесь нет: знай себе отправляй стальные слитки в пылающую печь. Но и подать сутунку, и нагреть ее тоже нужно уметь. А главное — уследить, чтоб не «переспела» она.

Бывали у Дмитрия Степановича трудные минуты, случалось, что и оплошает. Тогда начинал нервничать. Беляев замечал это и подбадривал:

— Учись, брат, в прокатке чутье к металлу нужно иметь. У тебя уже почти все получается...

Обыденнов старался. Присматривался к опытным рабочим, перенимал их опыт. Старание было вознаграждено: он стал старшим нагревательщиком.

Впоследствии Дмитрий Степанович осилил и другие процессы прокатки: был старшим дублировщиком и, наконец, старшим вальцовщиком.

И вот пришлось самому возглавлять коллектив.

Когда в стране началось движение за коммунистический труд, бригада Обыденнова первой на заводе приняла новые обязательства. Сам Дмитрий Степанович пошел учиться в школу мастеров, ребята помоложе сели за парты в школе рабочей молодежи. Что касается производственных дел, то они шли отменно: план давали ежемесячно, качество было на высоте. Даже знаменитую бригаду Героя Социалистического Труда Николая Васильевича Аликина перегнали почти по всем показателям.

Прошло около года с тех пор, как начали движение за коммунистический труд. В завкоме подвели итоги. Лучше всех дела обстояли у обыденновцев. Им первым и было присвоено почетное звание. Первым на заводе! Первым в городе! Никто этому не удивился, а радовались многие.

После торжества кто-то из корреспондентов спросил у Дмитрия Степановича:

— Сколько жести вы прокатали за все годы?

Он отшутился:

— Не подсчитывал, но думаю, ее хватило бы на все крыши Лысьвы. — И, сделав паузу, уже серьезно добавил: — Но мы ведь не только жесть делали, а и прокат для касок в военное время, и электротехническую сталь — в мирное. Точные цифры тут не назовешь. В одном лишь уверен на сто процентов: работали мы на совесть.

ЗАВИДНАЯ ЖИЗНЬ

Овчинникова (Аристова) Зинаида Николаевна родилась в 1914 году в деревне Кривошеино Оханского района Пермской области. В колхозе «Новая деревня» возглавляла бригаду, затем работала звеньевой, выращивая зерно и картофель.

На всю область было известно звено Зинаиды Овчинниковой. Здесь регулярно получали по тридцать и больше центнеров зерна с гектара. В 1948 году Зинаиде Николаевне присвоили звание Героя Социалистического Труда.

В 1955 году З. Н. Овчинникова (Аристова) скончалась.

Завидную, богатую жизнь прожила Зинаида Овчинникова. Первой памятью ребенка она, наверно, запомнила себя среди зеленых полей, в которых островком в море потерялась маленькая Тулумбаиха. Еще она встретила удивительного человека в густой белой, до пояса, бороде, с маленькими смеющимися глазами. Это был ее приемный отец. Редко его звали Николаем Ивановичем, часто — дедом Малиной. Это имя выдумал он себе сам, потому что для любых случаев жизни имел одну поговорку: «Эх! Жизнь — малина!», произносимую то с сожалением, то с бесшабашной веселостью.

Души не чаял Малина в дочке с русой головкой, вьющимися по вискам кудрями и родинкой на левой щеке. Не баловал он ее сладостями, зато баловал лаской, научил не отбывать работу, а любить труд, в любом горе не вешать голову. Еще он научил ее множеству песен.

В юности все завидовали Зине Овчинниковой. Да и как не завидовать, если два года добивался ее руки лучший парень в округе, гармонист, красавец, работник. Запомнили в Тулумбаихе, как молодые деда Малины, поздно вернувшись с жатвы, где Иван рядом с Зиной, не стесняясь женской работы, вязал снопы, до ночи сидели под окошками и распевали не какие-нибудь, а свои, про самих себя, песни. Иван, растягивая двухрядку, шутиливо бахвалился:

Ваня, Ваня, Ваньчик —
Какой хороший мальчик!

Зина, смеясь, соглашалась:

Без лучины, без огня
Зажег сердце у меня...

А разве можно забыть, что была у Зины Овчинниковой из подруг подруга — Маруся Силина? В горе и в радости, на работе и в праздник — рядом всю жизнь. Они даже полюбили в один год и замуж вышли почти одновременно, как шутила Маруся, обе помешавшись на Иванах, и в один день проводили мужей на фронт. Ивановы обещали вернуться к осени, но не вернулись, не успели даже написать с фронта. Кто знает, как бы жили подруги, если бы не согревавшая обеих дружба...

Вот сколько имела русоволосая статная женщина, которую за доброту подруги по звену звали любовно Зиньшей! Всю свою жизнь она шла к самой высокой награде, никогда не думая о славе и почестях.

Когда ей вручали награду, вспомнили в первую очередь, сколько она вырастила хлеба и какие получала урожаи. Вспомнили, что лучше всех она пропалывала свои делянки, аккуратно опыляла злаки, больше всех разбрасывала извести.

Все в этом перечне ее заслуг — правда. Но те, кто вручал награду, сказали далеко не обо всем. Впрочем, можно ли было учесть, например, то, что самую привычную работу она превращала в праздник? Не командовала, а с улыбкой предлагала подругам:

— Девки, пробежимте рожь!

И первая эту рожь «пробежала», то есть полола, да так, что ко всему привычная редька два года не решалась подняться над посевами разбойничью желтую голову.

Как учесть то, что по ее и Маруси Силиной примеру все звено жило коммуной, что общими силами в войну заготавливали дрова, пахали огороды, ухаживали за детьми?

Как она умела утешить загоревавших солдаток, отогнать усталость, отвести печаль песней деда Малины:

На заре было на зореньке,
На заре было на утренней —
Там девушка
Коровушку доила...

И под песню, подхваченную женщинами, веселее шел сенокос. А там, глядишь, вовсе отлегло от сердца, и растущий, как гриб после дождя, зарод слушает озорную частушку о Ване-Ваньчике, зажегшем без огня девичье сердце...

Нелегкую жизнь прожила Зинаида Овчинникова. Завидную жизнь.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Односумов Дорофей Тимофеевич родился в 1918 году в селе Гончарихе Киевской области. Учился в сельскохозяйственном техникуме, затем служил в Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны. После ранения лечился в одном из пермских госпиталей и по выздоровлении был направлен на работу в сельское хозяйство. В 1946 году Дорофея Тимофеевича избрали председателем правления Култаевского колхоза «Россия». В последующие годы объединенный колхоз достиг высоких производственных показателей и был удостоен ордена Ленина. В июне 1966 года Д. Т. Односумову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Делегат III Всесоюзного съезда колхозников коммунист Д. Т. Односумов избран во Всесоюзный Совет колхозов.

В этот день Односумову не удалось сделать и половины того, что он намечал. Утром затрезвонил телефон — срочно вызывали в райисполком.

Сегодня это было вовсе нехстати. На днях предстоял отчетный доклад о работе правления за 1965 год, а накануне, поздним вечером, он успел написать всего несколько страниц.

В Верхних Муллах Односумов зашел в исполком и

райком партии, и когда решил все неотложные дела, время уже приближалось к обеду.

Председательская «Волга» свернула на тракт, легко понеслась по чистому, незаснеженному асфальту. Промелькнули окраинные домики районного центра, слева показались корпуса Пермского ремонтного завода. Односумов снова подумал о ненаписанном докладе.

Завод... Когда-то председателя пугали этим словом. Уйду, мол, на завод, и точка. Сейчас некоторые култаевцы на вопрос о месте работы отвечают не без гордости: «Работаю на колхозном заводе!» Это он, председатель, загорелся идеей построить завод для консервирования овощей. В правлении поначалу насторожились: ведь нужны строительные материалы, оборудование, проектная документация, наконец, специалисты.

Односумов показал свои расчеты. Выходило, что уже через несколько лет затраты окупятся, и завод будет давать прибыль. Действительно, уже в 1965 году колхозники отправили в город 30 тысяч банок овощных консервов. Теперь, когда председатель повел речь о строительстве нового квасильно-засолочного цеха, никто не стал ему возражать.

Опыт хозяйственника подсказывал — надо построить зимнее овощехранилище тонн на пятьсот. Зимой горожане станут охотно покупать свежую капусту, колхозу от этого большая выгода.

Долго прикидывал председатель, выгодно ли строить свой завод по переработке молока. Советовался с экономистами. Сообща решили: надо строить. Сейчас завод уже почти готов. Около десяти тонн молока будут на нем перерабатывать за сутки. А когда молоко возят в Верхние Муллы — это и далеко, и накладно для хозяйства.

Председатель сам считал каждую колхозную копейку и требовал того же от специалистов. Много было споров, когда стали внедрять хозяйственный расчет. Не все получалось гладко. Колхозники отстающих производственных участков слишком надеялись на возможность получения гарантированной оплаты и снизили производительность труда.

«Надо обязательно сказать в докладе о совершенствовании хозрасчета», — подумал Дорофей Тимофеевич.

Машина подъезжала к деревне Кичаново. Односумов попросил шофера заехать на молочную ферму.

Февраль этого года выдался на редкость холодным. Уже несколько дней стояли тридцатиградусные морозы. Утром председателю доложили: на Кичановской ферме лопнули трубы. Односумов разыскал бригадира, зашел вместе с ним на ферму.

Поглядывая снизу вверх на председателя, бригадир пробовал оправдываться, ссылаясь на лютый мороз. Но Односумов так его отчитал, что тот не знал куда деться.

Строг председатель Односумов, это верно. Но строг с теми, кто с прохладцей относится к своим обязанностям, не в ладах с дисциплиной. Вот и на Кичановской ферме не утеплили как следует трубы. Выходит, строгость председателя справедлива.

В машине Дорофей Тимофеевич успокоился. Снова вернулся мыслями к предстоящему докладу.

Трудным был минувший год. В начале лета прошел сильный град. Погибло 80 гектаров овощной рассады, сильно пострадали посевы озимой ржи. Случись такое десяток лет назад, колхоз, наверное, не сумел бы свести концы с концами. Но теперь даже стихийное бедствие не подорвало у людей веру в свои силы. В Савино получили 205 центнеров овощей на каждом гектаре, в Култаево собрали больше 20 центнеров зерна с гектара, 106 центнеров картофеля.

Картофель... Односумов невольно улыбнулся, вспомнив вдруг первую весну, когда его выбрали председателем Култаевского колхоза. Надо было садить картофель, а его в колхозе не хватало. Тогда он уговорил жену отдать все свои запасы — несколько сохранившихся за зиму мешков. Прослышав про это, и колхозники начали подвозить к овощехранилищу картофель, предназначенный для продажи на городском рынке.

В тот год колхоз имел 60 тысяч рублей долга, а теперь, после двадцати лет председательства Односумова, доход составил 2 миллиона 850 тысяч рублей! Тогда колхозники получали гроши на трудодень, а теперь трудодень стоит 2 рубля 55 копеек, да плюс к тому натуральная оплата — 330 граммов молока, 350 граммов овощей, около килограмма зерна... Говорят, самый высокий трудодень в области! Одна только доярка Зинаида Васильевна Гладких заработала за год 750 трудодней, за что

получила больше двух тысяч рублей да на 225 рублей продуктов.

«Надо об этом сказать в докладе, — думал Односумов, — пусть все знают о передовиках».

О том, как переменялась жизнь, долго говорили колхозники на недавнем вечере чествования ветеранов. Четверо — доярка Елена Николаевна Леготкина, кузнец Георгий Иванович Горбунов, хлебороб Николай Трофимович Бурылов и механизатор Иван Петрович Гладких — проработали в колхозе по 35 лет. На вечере кавалер ордена Ленина Бурылов сказал: «Об одном я жалею — рано довелось родиться».

Замечательные люди работают в колхозе. Это благодаря их труду колхоз окреп, пошел в гору.

...Подъехали к Култаево. Издали были видны антенны телевизоров над белыми папахами крыш. Недавно Односумову показали справку: каждая семья колхозников имеет телевизор и стиральную машину. Покупают колхозники мотоциклы, автомобили.

Машина председателя проехала мимо колхозной столовой, свернула на новую улицу с кирпичными домами, затормозила возле строящегося для колхозников трехэтажного дома. Дорофей Тимофеевич хотел поинтересоваться, как устанавливают центральное отопление, но возле дома никого не было. Глянул на часы — время обеда. Повернулся к шоферу:

— Домой!

Сесть за доклад после обеда ему снова не удалось. Приехали специалисты из «Водстроя» заключить договор на изыскательские работы по организации искусственного орошения овощных участков. Потом пришлось рассматривать заявления колхозников с просьбой предоставить им бесплатные путевки в Усть-Качку, в колхозный Дом отдыха.

Вернулся из правления, когда уже стемнело. Сел за стол, устало поглядел на множество бумаг, испещренных цифрами. Для доклада предстояло отобрать самые важные факты. Набросал несколько фраз. Сверил цифры. Да, все верно. В 1965 году из общих доходов колхоз перечислил 450 тысяч рублей на строительство, 119 тысяч ушло на закупку новой техники. На 265 тысяч рублей закуплено кормов для животноводства...

Односумов задумался. Без отчисления средств на

приобретение кормов не обойтись. Но почему такая большая сумма? Себестоимость продуктов животноводства получалась очень высокой. Надо разобраться, чтобы не огорошить колхозников на отчетном собрании мало о чем говорящей цифрой, необходимо проанализировать ее, выяснить, из чего она сложилась, и внести свои предложения о сокращении расходов на корма.

До самого утра горел в ту ночь свет в доме председателя. Односумов рассеянно прислушивался к завыванию вьюги за окном, время от времени прихлебывал чай и снова склонялся над листами бумаги.

...Через несколько дней в добротном двухэтажном здании култаевского клуба состоялось отчетное собрание. Дорофей Тимофеевич снова, уже в двадцать первый раз, был избран председателем правления колхоза.

«ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК — РАБОЧИЙ»

Олендарь Зинаида Ивановна родилась в 1922 году в Перми. Семнадцати лет она пришла на завод имени В. И. Ленина и с тех пор работает на одном из участков, одновременно на двух-трех станках. Она является автором ряда рационализаторских предложений, которые дали возможность повысить производительность труда. Полторы нормы за смену — обычная выработка фрезеровщицы Олендарь. В 1963 году Зинаиде Ивановне было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Зинаида Ивановна из потомственной рабочей семьи. Ее отец тридцать лет проработал на Мотовилихе. Здесь работал ее дед. Совсем недавно сюда поступил слесарем Саша, ее сын. Хочется ей, чтобы младшая дочь Рита поступила в институт, но девочка возражает: «Сама-то к станку пошла».

Быть рабочей Зинаида Ивановна мечтала с детства. Ей запомнился случай: в цехе произошла авария. К ее отцу, начальнику мастерской, пришли с завода и послали Зину разыскать станочника Дергоусова. Неужели обыкновенный станочник — самый главный на заводе? Наверное, тогда ей захотелось быть «главной».

И вот уже три десятка лет Зинаида Ивановна Олендарь — фрезеровщица.

На двух-трех станках она начала работать в войну. Пришли большие заказы, девчонкам сказали: попробуйте, может, выйдет... Потом, когда стало полегче, почти все многостаночники перешли на другие работы, разъехались. Зина осталась.

Во время смены она ходит от станка к станку. Однажды заболела, и одну из работниц попросили поработать на ее месте. Женщина немного «походила» — закружилась голова. Зинаида Ивановна и сама после отпуска не сразу осваивается, зато когда входит в ритм, — будто возвращается молодость.

Сколько у этой женщины энергии! Она все время в действии. Часто прямо со смены идет в завком (она член завкома) или в школу, к подшефным. Потом — домашние заботы. Не уснет до часу, до двух: приходят со смены сын, его жена, делятся впечатлениями. А в седьмом часу — на работу. Идет Зинаида Ивановна неторопливо, с большим запасом времени, по знакомой до каждой выбоинки дороге...

Труд Зинаиды Ивановны творческий. Она работает в цехе, где постоянно осваиваются новые виды деталей, инструментов, приборов. Некоторыми из этих деталей Зинаида Ивановна одна снабжает весь завод. Ее работа неотделима от труда технологов, конструкторов. Техбюро разрабатывает чертежи. Зинаида Ивановна материализует задуманное, вносит свои соображения, поправки.

Например, фрезерование зубьев у сегментов пил Геллера когда-то производилось очень примитивно — за один проход обрабатывался один зуб. Сейчас спроектирован комплект фрез, позволяющий обрабатывать все четыре зуба одновременно. Прибор с фрезами зажимает сразу до двадцати двух сегментов. Доработку геометрии режущей части фрез Зинаида Ивановна вела практически путем. Ранее на обработку партии сегментов из двухсот штук у нее уходило две-три смены. А сейчас одна рабочая смена — и готово несколько сот сегментов. В 1962 году Зинаида Ивановна попросила снизить ей оплату при обработке зуба сегмента на десять процентов.

Присматриваясь к своим станкам, Зинаида Ивановна

предлагает, как их усовершенствовать. Вместе с мастерами она находит решение. Сколько приспособлений придумано ею, она не считала — может, сто, может, больше. Сколько полезных советов, обращенных к ученикам, дали добрые всходы! Это сосчитать еще труднее.

Зинаида Ивановна очень удивилась, когда ей присвоили звание Героя. «За что? Работаю как все». Внешне в ее жизни мало что изменилось: та же у нее работа, та же зарплата. Может, только чаще стали упоминать ее имя в газетах, и школьники на встречах стали расспрашивать: «Как вы добились звания Героя?»

Она не добивалась.

Она выросла в рабочей семье, и поразившее ее в детстве открытие, что «главный человек — рабочий», внушило ей ответственность за это звание.

СТАНОВЛЕНИЕ

Ольхов Василий Иванович родился в 1928 году в деревне Зюзино Коми-Пермяцкого национального округа. Во время войны, закончив шесть классов, работал в колхозе. В 1945 году был направлен на учебу в одно из ремесленных училищ, после чего работал на ремонтно-механическом заводе. С 1950 года работает электросварщиком.

В 1966 году В. И. Ольхову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В. И. Ольхов — член КПСС. Он продолжает работать электросварщиком на Пермском заводе железобетонных конструкций № 3.

Новые конструкции заметили, когда их собрали полностью. Ольхов мимоходом проверил одну шагами, «ндакнул» с некоторым удивлением и вскоре забыл про нее.

Напомнил заглянувший однажды в цех инженер Богомолов.

— Товарищи, нам поручили ответственное задание — отработать технологию изготовления восемнадцатиметровых напряженных балок. Стержней нужной длины нет, придется затягивать те, что имеем. В общем, мало вре-

мени — много проблем. А как разрешить их, давайте вместе думать.

Василий Иванович Ольхов из удачливых. В жизни ему все удавалось: выучился на котельщика, захотел — стал электросварщиком. Даже своего учителя Ярополова превзошел. Когда сваривали фермы для завода горношахтных машин, только его, ольховские, образцы и одобрили.

Нужно сказать, что стыкового аппарата тогда и в помине не было, обходились ручной дуговой электросваркой. Поэтому наутро Василий Иванович вырубил накладки, которыми прикрыл стык двух арматурных стержней, и только потом ударил электродом, в самую серединку. Шов влево, шов право. Россыпь искр. Гарь. Все, как вчера, неделю и год назад. Сейчас Ольхов опустит щиток, стержню дадут остыть, заложат в ферму и станут растягивать.

Слесари протащили через ферму стержень, зацепили его мощным домкратом. По-военному командовал Богомоллов, коротко, четко:

— Готово? Всем отойти! Пуск!

Нарастающим гулом отозвался двигатель. Поползла стрелка манометра, полетели в сторону недокуренные папиросы. Схватились две железные силы, и капельки пота выступили на лицах людей.

— Давай еще! Еще! Еще немножечко! — чуть ли не шептал-упрашивал технолог, глядя попеременно на стрелки манометра и часов.

— Порядок! — радостно крикнул Богомоллов. — Василий Иванович, к аппарату скоренько! Всем остальным — перекурить!

Ольхов наваривал невзрачные бобышки, а в душе разливалась музыка: экзамен выдержан! Как здорово получается! — хотелось воскликнуть, когда и второй стержень устоял против ста атмосфер... Третий полетел на восьмидесяти пяти.

Двухметровый осколок издал звук лопнувшей струны и стрелой вонзился в кирпичную стену.

— Что это он? — дрогнул голос Ольхова. Инженер, подержав обломок стали и объявив перерыв в испытаниях, ушел в техотдел. Появилась табличка: «Не подходить. Опасно!».

Теперь уже немногие помнят, как мастерили стака-

ны в пору войны. Бутылку перевязывали ниткой, смоченной в керосине, поджигали и опускали в воду. Бутылку ровно перерезало. Такое случилось и со стержнем. Но почему?

Заждавшаяся Антонина Алексеевна, собирая мужу на стол, спросила, где задержался. Выслушав, отреагировала: «Смотри, не убило бы тебя там, на ваших опытах!»

«На ваших опытах». Сама того не ведая, Антонина Алексеевна угадала, что муж в заботе не о себе (сварил-то он крепко), а ищет причину, до которой всего больше дела начальству...

Вот так в разных концах города по-разному думали в тот вечер: в квартирах электросварщика Ольхова, инженера Богомолова, слесарей, бетонщиков. Открыли: стержень ломается в зоне резкого перепада температур. Посоветовались, решили предварительно нагревать арматуру в месте стыка паяльной лампой, а охлаждать постепенно в ванне с горячим песком. Дело подвинулось, но сколько хлопот! Сколько всяких предположений: не та сталь, не определен лучший тепловой вариант, недостатка умения. Пробовали так и эдак, рационализировали, отменяя одно за другим предположения, но все еще не было достигнуто, чтобы не «летели» стержни.

На исходе второй недели Василий Иванович решил стыковать стержни по-новому. Он повел сварку наоборот — со стороны к центру. Порывов больше не наблюдалось. Балка выдержала двойную нагрузку...

Эта история произошла в самом начале семилетки. Пройдут годы, и от имени Президиума Верховного Совета СССР Василию Ивановичу Ольхову в Пермском облисполкоме вручат знаки отличия Героя Социалистического Труда. Он станет к тому времени первоклассным мастером голубого огня. Двадцать образцов изделий представит строгим экзаменаторам, и все двадцать получат высокую оценку. «Запас прочности» для этого он приобрел на той первой балке.

ОБГОНЯЯ ВЕТЕР

Орехов Валентин Егорович родился в 1922 году в деревне Слободе Дзержинского района Калужской области. Во время Великой Отечественной войны приехал на Урал, где в 1944 году окончил Чусовское железнодорожное училище № 2. До 1948 года ездил помощником машиниста электровоза, затем стал машинистом.

В. Е. Орехов в совершенстве овладел своей профессией. В 1959 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он избирался делегатом XXII съезда партии. Машинист Орехов — член Пермского обкома КПСС, депутат Чусовского горсовета.

Осторожно, как врач к груди больного, помощник машиниста прикоснулся ладонью к корпусам подшипников. И по тому, как недовольно хмурил брови, можно было догадаться: состояние их ему не нравилось.

— Жжет? — весело окликнул из кабины машинист.

— Жжет, Валентин Егорович, — ответил помощник. — А тут, того и гляди, зеленый загорится.

— Зеленый — это хорошо: значит, с графиком все в порядке, — подхватил машинист и, улыбнувшись, снова спросил: — Может, и спину жжет, а?

С лица помощника мигом согнало заботу.

— Это точно, — поднял он вверх голову — высоко в выгоревшем июльском небе лучилось солнце. — Поджаривает крепко.

— Ну, вот, а ты горюешь. В такую жару не то что подшипники — вся машина, как сковородка, накалится. Лето! Торопись-ка, скоро поедем.

Действительно, впереди, на мачте выходного светофора призывно вспыхнул зеленый огонь. Тотчас же донесся свисток главного кондуктора, и машинист надавил рукой на рычажок тифона, отвечая гудком...

Если оглянуться назад, из окна виден весь состав. По сравнению с грузовым, он довольно короток. Дюжина цельнометаллических пассажирских вагонов с многоточием окон послушно бежит за локомотивом. Машинист, уверенно пощелкивая фиксатором, передвигает на себя никелированную рукоятку контроллера. Где-то под ногами, повышая тон, гудят мощные моторы. Заботливо прикрепленный помощником к кабине букет цветов все плотнее принакает к ветровому стеклу.

— А что, Валентин Егорович, пассажирские поезда легче водить, чем грузовые? — спрашивает помощник Орехова, не сводя глаз с путевых знаков.

— Как тебе сказать... Людей ведь везем, вот оно что. Одни едут в командировку, другие — на курорт, третьи — на работу. Отвечаешь не только за их жизнь, но и за то, чтобы каждый из них прибыл, куда ему надо, вовремя, без опоздания.

Машинист прибавил скорость. Запел, засвистел распекаемый электровозом воздух. В зеленой карусели закрутился за окном лес.

Помощник ездил с ним недавно. До него был Геннадий Новоселов, которого, как и многих других, Орехов подготовил к самостоятельной работе. И новичок был рад, что ему пришлось ездить с самим Ореховым, на счету которого сотни тысяч перевезенных сверх плана тонн груза, десятки поощрений...

Валентина Егоровича часто спрашивают, как он добивается успеха в работе.

И тогда встают перед глазами разбуженные воспоминаниями давние будни.

— А вы знаете, что однажды случилось? — говорит Орехов. — Выехали мы, значит...

И вот уже вместе с рассказчиком мысленно переносишься на железнодорожную станцию Баская.

Зима выдалась лютая. Особенно много хлопот доставляла она железнодорожникам. Снег заваливал пути, стальные рельсы лопались от стужи. Обламывались головки болтов, едва по ним неосторожно ударяли молотком. Машинисты недовольно ворчали, многие поговаривали о том, что надо снизить весовые нормы.

Орехов об этом не думал. Пускай ударили сильные морозы, задурила пурга, все равно стране, как всегда, нужны лес, уголь, кокс, машины. И эти грузы надо доставлять строго по намеченному графику.

Поседевшие от инея вагоны, доверху груженные ноздреватым губахинским коксом, протянулись во всю длину отправочного станционного пути. Они, кажется, примерзли к земле, и нет той силы, чтобы оторвала их. Орехов еще раз перечитывает справку о тормозах: вес поезда 3600 тонн — на 1200 тонн больше нормы. По 600 тонн дополнительной нагрузки на каждый электровоз!

А ведь когда-то он начинал с малого, брал составы с превышением веса на 100—200 тонн. Правда, тогда он не был машинистом первого класса. Теперь другой спрос.

Через несколько минут поезд трогается с места. В сухом морозном воздухе звонко отдается каждый звук — и скрип колес по ледяной корке на рельсах, и тяжелый стук на крестовинах, и надрывный, все нарастающий вой двенадцати пятисотсильных тяговых двигателей.

Машинист внимательно смотрит на щит управления, где светятся цветные глазки индикаторных ламп, неспокойно движутся по шкалам приборов тонкие черные стрелки.

— Зеленый! — слышит он голос помощника.

— Есть зеленый, — повторяет машинист.

И вдруг... Орехов тщательно нажимает на кнопку. На одном из электровозов не включается аппарат БВ — быстроедействующий выключатель, через который локомотив получает электроэнергию из контактного привода. А впереди — перевал! До него совсем недалеко. Вот он, за ближайшим поворотом. Потом состав сам покатится под уклон. Но сейчас надо поддержать инерцию, не дать ей ослабнуть... Неужели назад, на станцию? Это значит, будет потерян целый час, поломаются график.

И Орехов принимает решение вести поезд одним электровозом. Это трудно, чертовски трудно, но — надо! На следующей остановке он выяснит, почему не замкнулись контакты БВ. Чутко прислушиваясь к работе двигателей, время от времени мелкими порциями дает под колеса песок, чтобы предупредить буксовку.

Перевал взят!

А однажды поезд «прикололи» на небольшой промежуточной станции: шел встречный. Орехов в сердцах выругал про себя диспетчера, который не смог пропустить его через эту станцию «ходом». Ведь сразу за стрелками начинался затяжной подъем, взять который легче с разгону. Но перед головным электровозом светился красный сигнал, проехать его — самое тяжкое на транспорте преступление. Каких усилий потом стоило вывести тяжеловес на перегон! Пришлось использовать все умение, весь опыт. Самое трудное заключалось в том, чтобы сдвинуть вагоны с места. Орехов сжимал заторможенный состав, потом угадывал, когда тормоза полностью отпустят, и осторожно подавал электровозы вперед. Опоздай он на секунду — вагоны дрогнут, начнут катиться назад, состав порвется.

После этого даже самые бывалые машинисты пожимали плечами:

— И как он сумел выбраться?

И все сходились на том, что секрет — в высоком мастерстве. Не всякий в двадцать семь лет получает первый класс.

...Много лет чувовской машинист Валентин Егорович Орехов носит звание Героя Социалистического Труда. Как и прежде, он водит по стальным магистралям поезда, только с грузовых давно уже «пересел» на пассажирские — такое доверие оказывают лучшим. И когда вы сидите в купе, любуясь быстро сменяющимся за окном вагона пейзажем, вполне возможно, что поезд ведет Орехов.

ФОРМУЛА СИЛЫ

Орлов Игорь Александрович родился в 1929 году в Перми. После окончания ремесленного училища приобрел специальность слесаря-инструментальщика. Но работать пришлось слесарем-ремонтником экскаваторов на строительстве Камской ГЭС. Здесь И. А. Орлов изучил устройство «Уральца» и сдал экзамены на машиниста экскаватора. Когда строительные работы закончились, он остался на Камской ГЭС эксплуатационником. Но вскоре вновь сел за рычаги экскаватора, уже на строительстве Воткинской ГЭС. Здесь он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Сейчас Игорь Александрович Орлов работает машинистом крана на Чайковском комбинате искусственных шелковых тканей.

Шлюз был, пожалуй, самым неблагоприятным объектом строительства на Воткинской ГЭС. Глиняный грунт, размытый земснарядами, превратился в жидкую кашу. Солнце подсушило его ровную поверхность, образовав тонкую твердую корочку. Это была коварная ловушка. Стоило какому-нибудь неосторожному шоферу на лишний градус повернуть руль машины, и ее колеса, проломив корку, уходили в вязкий плавун. Попадали в эту ловушку и тракторы, и экскаваторы, и люди. Говорили,

что если бы удалось извлечь из глины все резиновые сапоги, оставленные там строителями, то в них можно было бы обуть целый батальон.

Когда Игорь Орлов и Семен Пономарев начали настраивать свой экскаватор для работы в шлюзе, многие откровенно говорили:

— Утопите — как пить дать!

Экскаваторщики не спорили — количество голосов было не в их пользу. Приходилось либо помалкивать, либо отделяться шуткой. По опыту строительства Камской ГЭС они знали, что если под гусеницы подложить маты — металлические бруски, то худо-бедно можно будет работать и на плывуне. Но вот как быть с автомашинами, отвозящими грунт? Как они сумеют форсировать чашу, наполненную глиняной пульпой?

Пробные рейсы машин окончились тем, что их пришлось выволакивать «на сушу» тракторами с помощью длинных канатов. Горячие головы предлагали вычерпать ковшами экскаваторов жидкую глину до самой скальной подошвы. Но это было лишь наивным мечтанием.

На экстренную планерку, собранную начальником строительства, пригласили Орлова и Пономарева. Спросили их мнение.

— Давай, выкладывай, что задумал, — подтолкнул Орлова напарник.

Игорь Александрович нерешительно встал со стула, скрутил в трубку кепку.

— Новинки, конечно, в нашей идее нет никакой, но мне думается, что единственно реальный выход из положения — это бетонные плиты. Вымостим ими дорогу вдоль забоя...

— А вы подумали, в какую копеечку это дело станет? — раздалось сразу несколько голосов.

— Зато рубли сбережем! — обрезал Орлов. — Производительность на выемке грунта раз в десять повысится, без простоев будем работать. Разве не стоит овчинка выделки?

— Постой, постой, не горячись, — прервал Орлова начальник строительства, — давай-ка поконкретнее сформулируй свою идею. Во-первых, сколько тебе надо плит?

— Да штук полсотни для начала. Мы их будем выкладывать по мере продвижения по забою. Ну, а потом, как пройдем выработку, передвинем и плиты. И получится

у нас что-то вроде передвижной шоссейной дороги. Простая формула!

Предложение Орлова тут же было детально обсуждено и принято. Уже через день ранним утром панельовоз доставил к забою первый десяток железобетонных квадратов. К ним приладили стропы с крючьями, и экскаватор за полчаса уложил плиты ровненькой дорожкой по плавуну.

— Ну, кто смелый, подъезжай! — весело крикнул Орлов ожидавшим команды шоферам.

В тот день за смену Орлов вынул и загрузил в машины две с половиной тысячи кубометров грунта. Такой выработки на экскаваторе «Уралец» с четырехкубовым ковшом еще не бывало в истории сооружения гидростанций на Каме. Начальник строительства, узнав о рекорде, немедленно распорядился:

— Не ограничивать Орлова в плитах: сколько потребует, столько дать.

А плит в самом деле потребовалось больше, чем первоначально рассчитывал Орлов. Дело в том, что одна колея дороги, заканчивавшаяся тупиком, не позволяла подъезжать к экскаватору сразу нескольким машинам. Очередь выстраивалась на берегу котлована. Один самосвал подъедет к экскаватору, нагрузится и выбирается от забоя задним ходом. Потом его место занимает на плитах очередная машина. Неудобно — раз, попусту теряется драгоценное время — два. А выход придумать в общем-то нетрудно: надо сделать «кольцо», чтобы машины шли гуськом в одном направлении.

Орлов попросил еще 50 плит и незамедлительно получил их. Вот уж тогда пошла работа полным ходом. Случались дни, когда Игорь Александрович и его напарники за смену вынимали из котлована по три тысячи кубометров грунта. Бывалые экскаваторщики с трудом верили таким показателям. Но верили, потому что сами видели, как быстро подвигаются земляные работы на шлюзе.

— Обходит молодежь старичков!

Орлов только пожимал плечами, выслушивая похвалу старших. Особой своей заслугой он в этом деле не чувствовал. Ну, пришла в голову удачная мысль с этими плитами. Так ведь обстановка заставила ворочать мозгами. Правда, не его обязанность заботиться об удобных до-

рогах для транспорта — на это есть соответствующий отдел при управлении строительством. Но плохо бы жилось людям на земле, если бы каждый ограничивал круг деятельности только своими обязанностями. Труд одного человека (кому это не известно!) имеет значимость только во взаимосвязи с трудом других людей. Ну что экскаваторщик без шофера самосвала? А вместе они — сила. Простая формула!

ЗАВОДСКОЙ УЧЕНЫЙ

Петухов Глеб Константинович родился в 1903 году в Вережагино Пермской области. С 1920 года начал работать телеграфистом на железной дороге. Затем переехал в Пермь и в течение нескольких лет был секретарем Мотовилихинского райкома комсомола. В 1929 году Глеб Константинович перешел на завод, на партийную работу. С тех пор вся его производственная, научная и общественная деятельность протекает в коллективе Пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина.

После окончания Уральского политехнического института Г. К. Петухов работал мастером, начальником смены, начальником технического бюро, заместителем начальника мартеновского цеха. В 1938 году он был назначен заместителем директора завода по металлургическому производству; на этом посту находился в период Великой Отечественной войны.

С 1947 года Г. К. Петухов работал начальником заводской металлургической лаборатории. В 1970 году он вышел на пенсию.

Глеб Константинович Петухов член КПСС с 1926 года. За большие заслуги в развитии металлургического производства он награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями. В 1963 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Г. К. Петухов — кандидат технических наук, доцент.

Шел 1947 год. Страна только-только приступила к гигантской работе по восстановлению городов, предприятий, разрушенных немецко-фашистскими оккупантами. Народное хозяйство переходило на выпуск продукции мирного времени. Новые задачи предстояло решать и металлургам завода имени В. И. Ленина. Для увеличения выпуска металла и улучшения его качества были намечены радикальные меры, в том числе организация металлургической лаборатории.

Возглавил ее Глеб Константинович Петухов.

Многие были удивлены таким назначением. Как же так? Великолепный организатор, заместитель директора завода по металлургическому производству пошел работать в небольшую лабораторию. Ведь там и размах не тот, и потеря в заработной плате.

Но коммуниста Петухова ничто не могло остановить. Сбывалась его давнишняя мечта — перевести заводскую металлургию на научные рельсы, прокладывать новые пути в производстве стали, прививать мартеновцам вкус к теории, стать заводским ученым. Ничего, что уже за сорок и в волосах пробивается седина. Есть силы, накоплен большой опыт. Все, что удалось познать за долгие годы практической работы, надо отдать людям, родному заводу.

Многие производственники утверждали, что условия для плодотворной научной деятельности имеются только в научно-исследовательских институтах. На промышленных предприятиях, говорили они, таких условий нет, в лучшем случае эти условия весьма ограничены. Глеб Константинович своей научной работой опроверг подобные утверждения. Практика убеждала, что научно-технические проблемы, возникающие в гуще производства, являются, как правило, наиболее актуальными. Рожденные самой жизнью, они требуют квалифицированного решения; от этого зависит дальнейший технический прогресс.

Еще с институтских лет Глеба Константиновича волновала проблема повышения качества стали. Придя в мартеновский цех Мотовилихи, он убедился в том, что это одна из важнейших задач, стоявших перед металлургами.

В довоенный период и особенно во время Великой Отечественной войны непрерывно совершенствовались процессы отливки стали, осваивались новые стальные фа-

сонные отливки вместо поковок. Улучшались процессы прокатки,ковки,штамповки и термической обработки. Развитие металлургии шло по пути удовлетворения потребности машиностроения в полуфабрикате из легированной и качественной углеродистой стали.

Это имело огромное, можно сказать, решающее значение для бесперебойного обеспечения фронта вооружением. Применение стального фасонного литья взамен поковок для крупных и средних деталей сложной конфигурации без преувеличения было названо революцией в конструировании изделий и технологии их производства. Появилась возможность значительно уменьшить вес выпускаемой продукции, резко сократить расход металла, снизить затраты времени на механическую обработку. Глеб Константинович, будучи заместителем директора завода по металлургическому производству, возглавил всю эту работу. Именно тогда он заявил о себе как зрелый ученый.

Перейдя в лабораторию, Петухов целиком и полностью отдался научной работе в области качественной металлургии. Путем долгих совместных опытов заводских ученых и цеховых практиков удалось разработать такой процесс, благодаря которому сталь, выплавляемая в обычных мартеновских печах, по механическим свойствам и содержанию неметаллических включений не уступает лучшей электростали.

Под руководством Глеба Константиновича Петухова лаборатория разработала и внедрила в производство совмещенный процесс выплавки стали. Сотрудники лаборатории затратили много сил и энергии, чтобы получить положительные результаты на этом важнейшем металлургическом переделе.

Сущность нового прогрессивного процесса заключается в том, что раскисление, легирование жидким сплавом и рафинирование синтетическим шлаком производятся одновременно. А это дает возможность глубоко раскислять сталь, значительно снизить содержание серы и неметаллических включений, уменьшить время плавки. Каждый металлург знает, что значит сократить продолжительность плавки стали. Подсчитано, что совмещенный процесс ежегодно дает около двухсот тысяч рублей экономии.

Эти работы лаборатории Петухова оценены как ори-

гинальные изобретения, имеющие большое практическое значение, и оформлены авторским свидетельством.

Много гостей приезжает на завод. Им хочется увидеть все новое, прогрессивное, что создано в цехах и лабораториях. Одних интересует установка непрерывной разливки стали, другие внимательно изучают оригинальную парожекторную установку для вакуумирования сталей, тоже созданную в лаборатории Петухова.

Глеб Константинович ведет оживленную переписку с родственными лабораториями, с крупными учеными, советуется с ними, просит консультации. Ведь не всегда все получается гладко, бывают и неудачи. Но они не обескураживают заводского ученого и его товарищей, ибо труд и настойчивость — спутники любого поиска.

Более двадцати лет Глеб Константинович возглавлял один из ведущих исследовательских коллективов завода. Много крупных изобретений и усовершенствований на его счету. И что самое важное — все новое, что разработано в лаборатории Петухова, незамедлительно становится достоянием практики, способствует развитию металлургических цехов.

Приходится удивляться, что сравнительно небольшая лаборатория решает такой широкий круг научных проблем. Подобное под силу, пожалуй, крупной лаборатории, располагающей многочисленными кадрами ученых. А может быть, и нечему удивляться. Ведь Глеб Константинович и его сотрудники — подлинные энтузиасты своего дела. Они наравне с рабочими несут ответственность за выполнение производственного плана завода, за внедрение организационно-технических мероприятий. Их повседневно можно видеть в сталеплавильных цехах, здесь они участвуют в разного рода испытаниях, наблюдают за ходом внедрения своих работ, спорят, доказывают, убеждают.

Как правило, кадры лаборатории пополняются за счет цеховых работников, хорошо знающих сталеплавильное производство. Из нового мартена пришли в науку Аркадий Михайлович Рогов и Лев Григорьевич Грибов. Оба они оказались способными экспериментаторами. Рогов успешно защитил кандидатскую диссертацию. Над диссертацией работает и Грибов.

Глеб Константинович Петухов считает, что в заводских лабораториях должны работать способные исследовате-

ли, а возглавлять их следует кандидатам и докторам наук. Он за то, чтобы на заводах были мощные лаборатории, конструкторские и технологические службы, способные на основе внедрения достижений самой передовой науки и техники решать сложнейшие задачи по техническому перевооружению предприятий. Оценивая работу лаборатории с позиций новых требований, предъявляемых партией и правительством к науке и производству, Глеб Константинович считает, что творческая деятельность коллектива должна быть еще более эффективной, необходимо всемерно совершенствовать производство, поднимая его на новые ступени технического прогресса.

Когда-то инженер-металлург Петухов мечтал посвятить свою жизнь науке. И вот мечта осуществилась: он стал ученым. Не кабинетным, далеким от практики научным деятелем, а заводским ученым, для которого завод — вся жизнь. Его неоднократно приглашали на работу в научно-исследовательские институты, сулили исключительные условия, но он остался верен своему призванию, родному заводу. Здесь Глеб Константинович начал свою трудовую деятельность металлурга, здесь защитил кандидатскую диссертацию, здесь за выдающиеся заслуги был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Многотысячный коллектив завода имени В. И. Ленина глубоко уважает этого человека — ветерана металлургии, видного ученого.

В трудах, в творческих исканиях незаметно летят годы. Глебу Константиновичу 67 лет. Конечно, уже не те силы, не та энергия. И он решает отойти от руководства лабораторией. Но свой богатый опыт, огромные знания Глеб Константинович передает новому, молодому поколению заводских ученых.

ГОРЯЧИЙ АТТЕСТАТ

Петухов Григорий Федорович родился в 1921 году в селе Комарице Тобольского района Тюменской области. Участвовал в Великой Отечественной войне, награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды. После демобилизации Г. Ф. Петухов приезжает на Западный Урал, в Чусовой. Профессия машиниста завалочной машины в мартеновском цехе металлургического завода стала его профессией.

Г. Ф. Петухов неоднократно избирался в руководящие профсоюзные органы, депутатом Пермского областного Совета депутатов трудящихся. Он был делегатом XXIII съезда партии.

В 1966 году Г. Ф. Петухову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1970 году Григорий Федорович Петухов избран депутатом Верховного Совета СССР.

Из всего, что увидел на заводе Григорий, наибольшее впечатление оставил мартеновский цех. Шумный пролет то и дело озарялся всплесками пламени, а когда начался выпуск металла, оранжевые отсветы весело заплясали на лицах рабочих. Но за всем этим угадывались сложность и слаженность, и Григорию захотелось разделить

с мартеновцами их заботы, принять на свои плечи долю их груза.

Машинист завалочной машины Рычков, к которому он был определен учеником, встретил молодого рабочего приветливо.

— Кем воевал-то? — осведомился он. — Видел у тебя на пиджаке орденские колодочки — парень, значит, бывалый.

— Минерами командовал, — ответил Петухов.

— Выходит, знаешь почем фунт лиха. Это хорошо. У нас тоже жарковато придется. Мартен прохлады не терпит. Здесь сталь варят, а сталь любит огонь. Ты куришь?

Григорий не успел ответить. Совсем рядом послышался резкий звук колокола, и машинист неувлимым движением повернул штурвал. Кабина вздрогнула, где-то, набирая обороты, заурчал мотор. Машина с лязгом подъехала к крайней печи, и, обнажив огненный зев, поднялась тяжелая литая заслонка.

— Держись, Гриша, сейчас работнем! — прокричал Рычков. — Завалка началась!

И Петухов, словно замороженный, добрых два часа смотрел, как ловко управляет его учитель сложной машиной. Длинный, похожий на орудийный ствол, хобот осторожно брал наполненную доверху металлической обрешью коробку-мульду, быстро нес ее к печи, вводил через завалочное окно в пышущую огнем ванну, опрокидывал и снова возвращал на место. Потом на конце хобота оказывалась следующая мульда, и так без конца. Казалось, нет ни машины, ни человека, управляющего ею, а есть одно целое, слитное, неукротимое в своей решимости сделать важное дело.

— Прежде чем взяться за штурвалы, Гриша, ты должен уяснить, ради чего это делаешь, — говорил после машинист. — Тогда все на место встанет, и работать будет легко. Сталь варить — не кашу. От сталевара большое искусство требуется, и тут наш брат ему первый помощник, правая его рука...

Так началась для Петухова работа на Чусовском металлургическом заводе. Он жадно узнавал все, что было связано с историей предприятия и профессией сталеплавильщика. Даже не верилось, что на месте нынешнего завода когда-то был небольшой пудлинговый цех, куда

готовый чугун доставляли за десятки километров из Паши — зимой на лошадях, летом — по реке.

Интересно было познакомиться и с технологией сталеварения. Сталь, оказывается, это тот же чугун, только из него выжжены избыточный углерод и многие вредные примеси. Сталевар ведет процесс, постоянно беря пробы металла на химический анализ, но при этом стремится работать так, чтобы добиться максимальной эффективности своего труда. Плавку желательно сварить полновесной, в сжатые сроки, с экономией топлива. Роль машиниста завалочной машины в данном случае возрастает. От него требуется быстрота реакции, мастерство.

Приходилось в течение многих часов быть лицом к огню. Когда хобот с мульдой входил в печь, кабина вплотную придвигалась к завалочному окну, и машиниста от языков пламени отделяла лишь тонкая шлакозащитная сетка. Жар обжигал дыхание, ноги пекло сквозь подошвы рабочих ботинок. Сталевары старались держать печи на высоком температурном режиме. Григорий Евстигнеевич Ковригин, например, известный на заводе скоростник, даже во время заправки печи после выпуска плавки не снижал подачу мазута и газа. И вот в этих условиях, чтобы не подвести бригаду, машинист должен был работать как часы: ни одного лишнего, неосторожного движения. А просто ли это сделать, если в печь уходит 45—50 тонн металлического лома? Если это полсотни мульд?

Нет, не просто. Но сбереги ты даже полминуты на одной тонне, завалка сократится почти на полчаса!

Григорий внимательно приглядывался к работе старших товарищей. Выход единственный — совмещать операции.

Вот он «едет» вдоль цеха за очередной мульдой, которую по команде сталевара подготовили на шихтарнике. Из шести контроллеров, с помощью которых управляется машина, обязательно, конечно, включен один, тот, что приводит в движение мотор моста. Но Петухов включает и поворот кабины и двигатель главной тележки, что перемещает кабину поперек цеха. Он складывает все эти различные по направлению движения в одно общее, сложное, наикратчайшее, которое ведет к цели. Невольно косится на часы: выиграны несколько секунд... еще несколько...

Когда впервые он сократил завалку на целый час, мастер горячо поздравил молодого машиниста.

— Отлично, Федорыч, — уважительно назвал он Петухова по отчеству. — Вот и ты получил горячий аттестат.

А Григорий по-настоящему почувствовал вкус к работе, тщательно оттачивал свое мастерство, по крупницам накапливал опыт. Он знал, что сталевары, ускоряя процесс плавления, стремятся как можно больше спускать из ванны шлаку, открывая к металлу доступ огня. Но эту задачу можно решить еще лучше, если при завалке высыпать на подину печи металлический лом не грудой, как попало, а равномерным слоем, чтобы пламя факела не отражалось на свод, а обтекало металл, отдавая ему максимум тепла. Конечно, и здесь он не открывал Америку — остальные машинисты старались делать то же самое, но ведь одно и то же дело можно выполнять по-разному. У Петухова это получалось великолепно.

Авторитет Григория Федоровича рос. Тут, помимо трудолюбия, свое сказали такие качества характера, как прямота и партийная принципиальность, чувство товарищества, умение отстаивать общественные интересы. Избрали Петухова в цеховой комитет — доверие оправдал. Рекомендовал его горком партии председателем рабочего Чусовского стройуправления Уралдомнаремонт — и там наладил дело. Был заместителем председателя завкома профсоюза, боролся за выполнение наказов избирателей как депутат областного Совета, представлял коммунистов Западного Урала на XXIII съезде КПСС.

За семилетку коллектив Чусовского металлургического завода произвел сверхплановой продукции на десятки миллионов рублей. Выпуск стали, например, увеличился на 21 процент. Более ста человек были награждены орденами и медалями. А машинист завалочной машины мартеновского цеха Григорий Федорович Петухов удостоился высшего отличия — ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕСНИ

Поджаров Павел Кузьмич родился в 1913 году в селе Песчаном Купянского района Харьковской области. Ему едва исполнилось семнадцать лет, когда он впервые спустился в донецкую шахту. Работал плитовым, стволовым, коногоном, камеронщиком, слесарем, затем освоил отбойный молоток и стал забойщиком.

В 1942 году с группой шахтеров Ворошиловградской области Павел Кузьмич приехал в Кизеловский угольный бассейн. Восемь лет он проработал на шахте № 2-Капитальная и стал одним из известнейших новаторов советской угольной промышленности.

За время работы в Кизеловском бассейне П. К. Поджаров был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, в 1948 году он стал Героем Социалистического Труда. Ему присвоено звание лауреата Государственной премии СССР и звание Почетного шахтера. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР.

В 1950 году коммунист Поджаров был переведен на работу в Донбасс. Здесь его избрали депутатом Верховного Совета УССР. Несколько лет он руководил шахтами, а затем длительное время был на ответственной работе в ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности.

С 1962 года Павел Кузьмич снова в Донбассе. Заслуженный, многоопытный горняк, кавалер знака «Шахтерская слава» всех трех степеней, он является заместителем начальника старейшей в бассейне шахты Привольнянская-Сезерная.

В годы войны в Кизеловском бассейне гремела «Песня поджаровцев». Вот несколько строк из той песни:

Что ни день, сильнее
По врагам удары,
И заря победы
Над страной встает.
Эх, шахтер Поджаров!
На тебя, Поджаров,
Армия горняцкая
Равнение берет.

Чем же прославился Павел Кузьмич Поджаров, что при жизни, да еще в сравнительно молодые годы, «вошел» в песню?

Все начиналось просто.

Донецких шахтеров, приехавших на Вторую-Капитальную, пригласили в красный уголок и повели с ними разговор о положении дел в бассейне. С первых же слов стало ясно, что здесь в избытке только одно — трудности. Ставший с началом войны важнейшим центром угледобычи, Кизеловский бассейн испытывал острую нехватку рабочих. Не устраивала и производительность труда, она все еще была довоенной.

— Вы должны помочь, — напрямик сказал начальник шахты.

Поджарова как слесаря первой руки направили в механическую мастерскую. Он протестовал, просился в забой, и только партком сумел сломить сопротивление главного механика, который ни за что не соглашался отпустить нового человека. Павел Кузьмич пришел-таки в забой.

Пришел и совершил подвиг? Нет.

Долгие месяцы ушли на то, чтобы освоить нарезные работы отбойным молотком на крутопадающих пластах, научиться вести забой не только правой, но и левой рукой, приучить себя на проходке орудовать отбойным молотком в разных положениях, придумать новый метод заправки пики, этой важнейшей части молотка. Пришлось потрудиться и во главе бригады забойщиков. Она носила имя Героев Сталинграда — по-фронтовому и работала: три нормы в смену.

Незнакомые раньше крутопадающие пласты покорились донецкому шахтеру. Для Поджарова не осталось никаких тайн.

Тут-то и вызвали его руководители шахты. Состоялся

разговор, который помнится Павлу Кузьмичу по сей день.

— Перед нами сложная задача, — начал главный инженер и наклонился над листом ватмана. — Видите скат? Его надо пройти. Непременно.

— И очень срочно, — добавил начальник шахты.

— Длина сто пятьдесят шесть метров? — спросил Поджаров, взглянув на масштабную линейку.

Главный инженер кивнул головой и продолжал:

— Пройти этот скат — значит открыть новый углепоток. Мы сможем давать дополнительно до трехсот тонн угля в смену. Вот зачем вас позвали. Беретесь?

И Поджаров взялся.

Вторая-Капитальная была слабо обеспечена фронтом работ, он не давал возможность полностью «взять» мощность шахты. Предстояло как можно скорее подготовить и ввести в эксплуатацию новые добычные участки. Но для этого было необходимо подготовить хорошие подходы к богатым угольным пластам.

Скат — он и есть путь для угля. Уголь идет по нему с верхних горизонтов самотеком. Но как тяжело «нарезать» скат в крепчайшем угольном пласте крутого падения!

Многие годы скаты проходили снизу вверх. Обрушая уголек, забойщик держал молоток почти над головой и постепенно поднимался вверх. Немногим была под силу эта работа. Не случайно норма на проходку не превышала полутора метров, а на особо крепких углях она была еще меньше.

Работать по старинке значило бы безнадежно затянуть нарезку. Такое было доступно каждому. Но ведь выбрали его, значит, на него возлагали надежды, рассчитывали на успех. Эта мысль не давала покоя. Он словно не покидал забой — все думал, как быть. Вот если бы обрушить угольный пласт сверху вниз, обходным маневром... Но как проникнуть наверх? Как подобраться к такому месту, откуда можно было бы погнать уголь самотеком? Конечно, будь весь уголек как нижний мягкий прослой, тогда бы другой разговор, но очень уж тонок этот прослой.

А что, если на протяжении нескольких метров вынуть мягкий прослой? Ведь тогда внизу образуется щель, и, потеряв опору, крепкие верхние пласты ослабнут, нач-

нут трескаться от собственного веса. Их легко можно будет взять...

Назавтра Павел Кузьмич спустился в забой с твердым решением проверить свои предположения. Первым делом он начал искать мягкий прослой. Высветив его лампочкой, стал выдавливать зарубную щель. Она быстро росла, уходя под мощный, твердый, как гранит, пласт. Забравшись в зарубную щель, Поджаров со своим молотком проникал все глубже. Лишь на мгновение мелькнула мысль: «Чего доброго, пласт еще обвалится...» Но пласт, хотя он и остался без опоры, висел крепко.

Поджаров прошел еще полтора метра мягкого прослойка, и теперь уже ничто не могло его удержать. Он понял, что половина дела сделана.

Со своим отбойным молотком Павел Кузьмич углубился в пласт метров на восемь. Но еще предстояло справиться с другой тоже очень сложной работой. Он стал перерезать толщу угля на полное сечение, образуя своего рода камеру, в которой мог бы стать во весь рост.

Незаметно летело время. Наконец-то Поджаров поднялся во весь рост — камера была готова. Путь новому потоку угля открыт!

Это был подвиг, равного которому не знали в бассейне. Но Павел Кузьмич еще не мог оценить значение того, что совершил. Только через несколько часов он понял это — все свободное пространство было завалено отбитым угольком.

В этот день Поджаров выполнил десять норм. Тысяча процентов!

Весть о выдающемся рекорде вырвалась на поверхность, мигом облетела шахту, потом бассейн, потом весь Урал.

А потом — всю страну.

Метод Поджарова — глубокий вруб — пришел во все угольные бассейны. Тысячи советских горняков стали работать по-поджаровски, открывая широкую дорогу угольным потокам, выводя свои шахты на проектные отметки.

Уже после войны метод Поджарова перешагнул границы нашей страны и пришел в зарубежные страны.

В Польше, спустившись в шахту с отбойным молотком, Павел Кузьмич за два часа выполнил пять норм. Потом

были Румыния, Венгрия, ГДР, Чехословакия... Трудовая слава Поджарова докатилась до этих стран раньше, чем он их посетил.

Потом была Англия. На Поджарова, выходца из бедной шахтерской семьи, состоявшей из девятнадцати человек, получившего всенародную известность, английские горняки смотрели как на живое чудо.

Он и впрямь был чудом, этот человек из песни. Простой шахтер. Выдающийся новатор. Коммунист. Герой Социалистического Труда.

ВETERAN OCTAEICA B CTPOY

Подосенов Федор Сергеевич родился в 1894 году в селе Филипповке Кунгурского района Пермской области. Участвовал в гражданской войне. В первые дни коллективизации вступил в колхоз. В 1934—1953 годах был председателем колхоза «Большевик».

С 1945 года Ф. С. Подосенов состоит в КПСС. Под его руководством артель выросла в крупное хозяйство. Урожай 25—30, а на отдельных участках 40—50 центнеров с гектара стал в «Большевике» обычным. В 1946 году хозяйство утвердили элитно-семенным.

В 1948 году Ф. С. Подосенову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. С 1956 года он на пенсии.

На седьмом десятке Федор Сергеевич вышел на пенсию. Годы и председательские заботы взяли свое.

Не часто провожают на пенсию Героев Социалистического Труда. Событие это отмечалось в Филипповке торжественно.

Много добрых слов выслушал Федор Сергеевич, не признававший в своей прежней жизни юбилеев. Но если раньше стоило нахмуриться — и на невозддержанном языке застывали хвалебные речи, то, получив пенсионную

книжку, он должен был выслушивать, как называли его «ветераном», «старейшим» и «основателем».

Началась для Подосенова новая жизнь. На пионерских сборах он вспоминал гражданскую войну и свою боевую молодость; комсомольцам рассказывал о коллективизации и годах Великой Отечественной, о том, как вслед за Ферапонтом Головатым он внес на оборону страны сто тысяч рублей, продав заработанные семьей за год хлеб и картофель; приглашали его на торжественные заседания, где Федор Сергеевич оглашал приветствия от имени ветеранов; директор музея уговаривал передать для всеобщего обозрения Грамоту правительства, где было сказано об «исключительных заслугах перед государством» Федора Сергеевича Подосенова, — и просьбам пришлось уступить...

Но, видно, еще много сил сохранилось в нем. Конечно, время не возвращает взятого. Вставать спозаранку, быть весь день на ногах, не упускать из виду множество вопросов, которыми живет большое хозяйство, всюду успевать — это ему уже не под силу. Но не укладывать же в шкаф вместе с рабочим кителем опыт председательской работы.

Его избрали председателем ревизионной комиссии. Он серьезно воспринял новые обязанности. Ходил по полям и фермам, беседовал с бригадирами: «Напрасно отказываетесь от овощей, всегда они колхоз выручали». Останавливал агрономов: «Ребята, где ваши опыты, где делянки, где семьи культур?» И сердился, вставляя при этом вместо слова «сразу» — «с краю»: «Ухарские вы парни, не работавши, с краю хотите славу поиметь!» Он завел в правлении специальную памятную тетрадь, куда заносил свои и других старых колхозников соображения.

Соображения просматривались, советы выслушивались. Но кое-кто давал понять в разговоре, что хочет Федор Сергеевич невесть чего, что попросту прошло его и таких, как он, время. Мол, его, Подосенова, эпоха — тридцатые, сороковые, пятидесятые годы. Новое же время ставит новые задачи, новым людям их и выполнять.

А насчет неполадок — что ж? Мало гость гостит, да много видит. Только всему есть свои причины. Например, урожайность, поднятая при Подосенове, высока, чтобы держать ее многие годы подряд. Ведь и 18—20 центнеров с гектара — неплохо...

Федор Сергеевич хмурился.

— Не знаю, не знаю, может, виднее вам, — ворчал он, пряча памятную тетрадь в карман.

Но слова о госте его задели.

По-прежнему живо интересовался Подосенов делами своего и соседних колхозов. И так изучал газеты, словно ему предстоял доклад с анализом колхозного строительства за десятилетия.

Готовясь к чему-то, он достал уложенный на хранение китель. Стал молчаливее и суровее и даже отказался занять место в президиуме очередного торжественного заседания.

Наконец, его день пришел.

На совещании передовиков сельского хозяйства Подосенова попросили выступить с приветствием.

Он вышел к трибуне: в кителе с Золотой звездой и двумя орденами Ленина, в галифе, в хромовых с прямыми голенищами сапогах. Те, кто знал его лет пятнадцать назад, наверняка не заметили в нем перемен. Разве что больше сутулился.

Он повернулся к залу:

— Я, товарищи, прямо, без всяких подходов. Некоторые из сидящих здесь привыкли почитать, как они говорят, ветеранов, но не желают воспользоваться нашим опытом. Потому что, мол, время другое. Правильно ли это?

Подосенов сравнивал эпохи колхозного строительства, обнажая подлинные связи и традиции, против которых бессильно само время. Он говорил о том, что обеспеченная жизнь отнюдь не мешает крепкой дисциплине, если только труд не сведен к выполнению норм, если есть азарт, горит соревнование. Не комбайн внес обезличку и ликвидировал звенья, а сделали это люди, приняв необдуманные, поспешные решения. К звеньям придется вернуться, в передовых хозяйствах к ним уже вернулись, потому что живущий по принципу «брось да кинь» — не хозяин, он в лучшем случае будет топтаться на месте. А звено воспитывает хозяина. Но, конечно, в новых звеньях будет больше техники, будут большие площади и меньше ручного труда.

Он утверждал, что формальное знание не заменит творчества. Успокоенность, надежда, что кто-то где-то обдумает все, — это удел слабых.

Он говорил, что пребудет крестьянская гордость и святое недовольство достигнутым, заставляющие год от года поднимать урожай.

Федор Сергеевич говорил горячо, убежденно. Его слова были резки, но, должно быть, многие могли отнести их на свой счет, потому что молчали и жадно слушали, а когда он закончил — дружно зааплодировали.

В перерыв его окружили люди. В чем-то с ним соглашались, в чем-то ему возражали. Но самое важное заключалось в том, что вопросы и возражения не были «данью уважения ветерану», а были продиктованы временем, заботами, что не терпели отсрочки...

ДРУГ НОВОСЕЛОВ

Политова Наталья Яковлевна родилась в 1907 году в деревне Нижних Шабурах Верещагинского района Пермской области. В 1931 году поступила на Красноуральский медеплавильный завод, где освоила профессию маляра.

В 1951 году Н. Я. Политова переехала в Пермь. До выхода на пенсию в 1962 году работала маляром в строительно-монтажном управлении № 2 треста «Пермжилстрой».

С 1958 года Наталья Яковлевна Политова Герой Социалистического Труда.

Есть в Перми удивительно красивый уголок — поселок Балатово. Под самым боком у Парковой дачи встали приветливые новые дома. И каждый из них для Натальи Яковлевны Политовой — как страничка ее рабочей биографии. О каждом доме она может долго и увлекательно рассказывать: когда и как строили, чья бригада фундамент закладывала, чья — коробку возводила, чья — штукатурила. Что же касается малярных работ, то уж тут она сама немало трудов вложила. В скольких квартирах любовно, по-женски старательно наводила блеск, чтобы угодить будущим новоселам, — не сосчитать.

Больше всего она любила наблюдать, как идет заселение домов. Станет в стороне и смотрит, смотрит, как мельтешат у подъездов возбужденные новоселы. Вот уже открылись балконы. Уставшие люди спешат надышаться сосновым воздухом, что волной накатывает со стороны Парковой дачи. В окнах запутались солнечные зайчики. Прыгают, привязанные невидимой нитью: им тоже радостно, их тоже впустили в новый дом.

Кто-то включил магнитофон. Выпорхнула песня:

Так уж бывает, так уж выходит:

Кто-то теряет, кто-то находит.

Кончилась песня, а в душе у Натальи Яковлевны непонятные чувства. Вроде бы одновременно что-то потеряла и что-то нашла. Такова уж, видно, участь строителей: не знать оседлости, каждый раз начинать работать на новом месте.

Вот и Наталье Яковлевне завтра — на другой объект.

Назад шла по знакомой до камешка улице Нефтяников. Возле двухэтажного дома, утонувшего в зелени кленов и тополей, придержала шаг. Здесь весной 1951 года работала бригада Клавдии Николаевны Бурыловой. К ней тогда и зачислили маляром Политову.

До этого Наталья Яковлевна малярничала ни много, ни мало, двадцать лет. Правда, ей больше приходилось иметь дело с покраской оборудования.

Бурылова в первый день внимательно приглядывалась к новенькой. Под конец смены, довольная, сказала:

— А у тебя, я смотрю, недурно получается. Вроде бы всю жизнь на стройке.

Наталья Яковлевна улыбнулась:

— Набила руку.

А вот еще дом, на углу улиц Нефтяников и Леонова. С ним у Натальи Яковлевны связано неприятное воспоминание. Заканчивали его в декабре. Спешили. Руководство управления обещало тресту сдачу до нового года — чтоб общий план выполнить. Началась горячка.

Маляры пытались упорствовать:

— Шпаклевать рано, еще штукатурка не высохла.

Прораб дипломатично настаивал:

— Все в мире относительно. Относительно не высохла и штукатурка. Принимайтесь.

Кое-кто равнодушно махнул рукой: красить, дескать,

так красить. Начальству виднее. Но Наталья Яковлевна не унималась:

— Как людям потом в глаза будем смотреть? Краска-то отпадет через неделю-другую.

Через месяц брак пришлось исправлять.

— Не работа была, а наказание, — вспоминает о той истории Наталья Яковлевна. — Красишь и кажется, что жильцы про тебя думают: «Эх, горе-мастера!» Не станешь же каждому объяснять, как вышло. Не у меня одной тогда лицо от стыда горело.

Не терпела Наталья Яковлевна нерадивых. Никогда не пройдет мимо, если заметит, что кто-то выполнил побелку или покраску «тяп-ляп». Приучила к аккуратности и своих учеников.

Был такой случай. При отделке дома № 67 по улице Мира к Политовой прикрепили двух выпускниц профессионально-технического училища. Девчата поначалу старались, а потом «размагнитились»; больше шушукались, чем работали. Чтобы наверстать время, стены и потолки белили лишь один раз, хотя кое-где требовалась повторная побелка. Наталья Яковлевна длинную нотацию им читать не стала. Она просто зазвала их в одну из комнат, где девушки работали, и, указывая на потолок, покрытый темными пятнами, спросила:

— А у себя дома вы бы так побелили? Я думаю, что нет. Теперь представьте, что вы купили в магазине костюм, принесли домой, а у него один рукав короче другого. Вам приятно будет? Так и новоселам после ваших «художеств».

Девчата стояли как ошпаренные. Пока думали, что сказать в оправдание, их наставница удалилась, спокойная и добрая, вроде бы ничего не случилось. Они переглянулись и без слов принялись заделывать огрехи.

Назавтра о случившемся Наталья Яковлевна не вспомнила. Наоборот, во время покраски полов поясняла, ровно вода кистью:

— Тушевать поверхность нужно несколько раз, тогда будет глянец, как зеркало. И учтите, что маляру трудней, чем художнику. Тот холст испортил, закрасит его и дело с концом. А у нас, если лишний слой краски положишь, цвет меняется.

Слушали девушки и работали, стараясь угодить своей наставнице.

Вскоре по комсомольской путевке подружки в Сибирь уехали. Теплые письма писали из холодного края Наталья Яковлевне. В одном из них сообщали, что стали ударницами коммунистического труда. Зовут этих девушек Галя Чернышева и Люба Калинина.

...Красив поселок Балатово. Новый, светлый. Заботливые и умелые люди строили его. Такие, как Наталья Яковлевна Политова. Она сегодня на пенсии, но остались ее многочисленные ученики. И они уж наверняка продолжают традиции своей наставницы — трудятся на совесть, несут людям радость.

ПРИРОЖДЕННЫЙ НЕФТЯНИК

Пяткин Сергей Федорович родился в 1905 году в селе Тагай Тагаевского района Ульяновской области. Трудовую деятельность начал в 1923 году в Баку, на нефтяных промыслах Биби-Эйбатского района. Сначала работал буровым рабочим, затем помощником бурильщика и буровым мастером. В 1932 году окончил Бакинский вечерний рабочий университет и стал старшим буровым мастером, потом сменным помощником заведующего группой бурения.

В 1937 году С. Ф. Пяткин был послан в Пермскую область для оказания помощи зарождавшейся здесь нефтедобывающей промышленности. Был директором Полазненской нефтеразведки. Во время Великой Отечественной войны служил в армии, а после демобилизации работал директором нефтеразведок и начальником участка Краснокамской конторы турбинного бурения.

В 1949—1954 годы коммунист С. Ф. Пяткин — директор Полазненской конторы турбинного бурения, а с 1954 по 1967 год — бессменный начальник крупнейшего в области Полазненского нефтепромыслового управления.

Награжден тремя орденами Ленина. В 1966 году удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В 1967 году С. Ф. Пяткин вышел на пенсию.

В 1937 году по решению партии из Бакинского и Грозненского районов в Пермскую область направилась

большая группа кадровых рабочих-нефтяников. Среди них был Сергей Федорович Пяткин.

Более 30 лет прошло с тех пор, но первые шаги на пермской земле навсегда сохранились в памяти. Сергей Федорович с полным правом мог бы сказать, что Пермская область на его глазах и не без его помощи вошла в число ведущих нефтедобывающих районов страны.

...Крутой обрывистый берег Камы. Где-то внизу, в стороне, видны дома деревни Полазны. Там, в этой деревне, расположена контора Полазненской нефтеразведки, директором которой назначен Пяткин.

В памяти еще свежи воспоминания о шумном солнечном Баку. А здесь — и на этом, и на противоположном берегах — леса без конца и края, над головой — хмурое небо...

Стране нужна нефть. Она здесь, под ногами! Но чтобы ее взять, нужно бурить скважины, нужны буровики, механики, плотники. Где их взять?

И Пяткин пошел в окрестные деревни. Он доказывал людям, что нефть — это богатство, которое даст им возможность жить лучше. И люди потянулись в нефтеразведку.

А тем временем почти все нефтяники, приехавшие с юга вместе с Пяткиным, как-то незаметно уехали в родные теплые края. Он остался один. Задумался: «Хватит ли сил? На кого опереться?» Но колебания продолжались недолго: Сергей Федорович навсегда остался на Западном Урале. И начались трудовые будни.

Кадры — самый трудный вопрос. Вот два паренька. Уговорил их прийти на буровую.

— У станка будешь работать? — спрашивает Пяткин одного из них.

— Пожалуй, — соглашается тот.

— А тебе, — говорит другому, — придется на вышке работать. Вон на той площадке!

У парня округляются глаза.

— Да что вы, дяденька, как я туда полезу? Я ведь в жизни выше сеновала никуда не лазил!

— Ничего, парень, не дрейфы! Держись-ка за пояс, полезли! — И Сергей Федорович первый поднимается на сорокаметровую высоту, а за ним, держась за его пояс, с замирающим сердцем, взбирается будущий буровой мастер.

Но вот смонтировано оборудование буровой, можно забуривать скважину.

— Давайте, ребята, приготовьте двадцать пять кубометров бурового раствора, да и начнем бурить! — бодро командует Пяткин.

— Сергей Федорович, а что такое кубометр? — слышится в ответ.

Вот с чего приходилось начинать. А механизация труда в то время была известная: паросиловая установка, лошадка, «раз, два, взяли!» и «эй, ухнем!».

Хотя и медленно, но с каждым годом все увереннее набирала темпы нефтяная промышленность, все чаще лесная тишина нарушалась грохотом буровых станков. И прибавлялось забот у Сергея Федоровича Пяткина. До 1947 года работал он начальником нефтеразведок то в Полазне, то в Верхнечузовских Городках, потом был начальником участка Краснокамской конторы турбинного бурения, с 1949 года — директором конторы турбинного бурения в Полазне. К этому времени другими стали условия на буровых. Паровые котлы сменились электромоторами, вместо ручных ворот, использовавшихся при монтаже и демонтаже оборудования, в разведку пришли тракторы. Изменилась и сама технология бурения скважин: широко начал внедряться самый современный, турбинный способ.

Прибавилось сил, больше стало и успехов. Буровые работы в 1938—1939 годах завершились открытием Северокамского и Полазненского месторождений. Продолжалась разведка — в эксплуатацию вводились новые нефтяные залежи. В 1951 году за открытие группы месторождений правительство наградило многих нефтяников Пермской области. Сергей Федорович Пяткин получил орден Ленина.

А потом его назначили начальником Полазненского нефтепромыслового управления, поручили добывать ту самую нефть, которую он до сих пор искал.

К этому времени в Полазне уже сложился коллектив, выросли собственные кадры. Но в новом деле — новые заботы. Нужно жилье, нужны столовая, ясли, клуб, поликлиника, нужно не только обеспечить людей работой, но и позаботиться об их семьях. А техника? Она же с каждым годом меняется. Значит, нужно людей учить!

Иногда вспоминает Сергей Федорович, как стоял он

на берегу Камы, а вокруг без конца и края шумела тайга. И сейчас любит он постоять на том же берегу. Но перед ним уже не та Кама: Камская ГЭС перегородила реку, разлилась она и под Полазной, бороздят ее крылатые теплоходы, а посреди русла, как в Баку, среди моря, прямо из воды поднимаются вышки. Они были пробурены под руководством Пяткина на сухом берегу в давние годы, а потом пришлось их поднимать на морские основания, спасать от затопления. Немало остроумных решений, инженерной выдумки было вложено в это дело. И специалисты нашлись высокого класса, не то, что в прежние времена. Эти скважины до сих пор подают нефть из недр.

А вдали, до самого горизонта, леса, но уже не те, что прежде. Прорезаны они гравийными дорогами, ведущими к скважинам, расположенным длинными рядами (этого, пожалуй, среди лесов не увидишь, но зато хорошо видно на карте). И эксплуатирует скважины открытое при участии Пяткина знаменитое на весь Союз Ярино-Каменноложское месторождение. За него Сергею Федоровичу был вручен второй орден Ленина.

Приятно Сергею Федоровичу с берега пешком вернуться в поселок. Совсем недавно построен клуб нефтяников — вот он: современные архитектурные формы, просторный зал, светлые фойе. А вот новый микрорайон — пятиэтажные дома городского типа. Кафе «Юность». Школа, магазины, столовая. Гордость полазненцев — больничный городок с поликлиникой, стационаром, родильным отделением. Дети возвращаются из школы. Рабочие после смены идут в вечерний нефтяной техникум...

В кабинете Пяткина всегда люди. Вот пришли инженеры с серьезным производственным вопросом: директивами XXI съезда партии предусматривается значительный рост добычи нефти в стране. Большие задачи встанут и перед Полазненским нефтепромышленным управлением. Нужно вводить в эксплуатацию на полную мощность Ярино-Каменноложское месторождение, а строители не успевают со сдачей водозабора. Срываю-ся планы закачки воды в нефтяной пласт для поддержания пластового давления. Что делать?

Сергей Федорович предлагает обсудить вопрос на партийном собрании. И выход найден: временно стали

брать воду из ключей. Это позволило в ближайшие же месяцы закачать в пласт около 9 миллионов кубометров воды и предотвратить падение пластового давления. Добыча нефти вышла на уровень, предусмотренный планом.

К Сергею Федоровичу Пяткину люди идут не только с производственными вопросами. Руководитель — он и воспитатель, он и первый помощник в трудную минуту. И директор с каждым поговорит, посоветует, поможет.

Вот почему, когда идет по поселку этот уже пожилой человек с тремя орденами Ленина и звездой Героя на груди, люди приветствуют его, желают доброго здоровья.

ДОРОГА НОВАТОРА

Рогачев Василий Ефремович родился в 1911 году в деревне Сафонтьево Каменского района Калининской области. Семнадцати лет он пришел на только что пущенный Балахнинский целлюлозно-бумажный комбинат, где стал машинистом бумагоделательной машины. В конце 1935 года приехал в Краснокамск и вскоре принял участие в пуске целлюлозно-бумажного комбината, в освоении первой советской бумагоделательной машины.

В 1936 году В. Е. Рогачев был избран делегатом на чрезвычайный XVII Всероссийский съезд Советов, который принял Конституцию РСФСР. В 1939 году вступил в КПСС.

Василий Ефремович Рогачев — участник Великой Отечественной войны, с боями дошел до Восточной Пруссии. Он принимал участие и в разгроме японских милитаристов. Имеет боевые награды.

После победы В. Е. Рогачев вернулся на Камский комбинат, где заслужил славу одного из виднейших новаторов бумажной промышленности. В 1959 году он был делегатом XXI съезда КПСС. В 1961 году удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В настоящее время Василий Ефремович Рогачев пенсионер, живет в Краснокамске и является почетным гражданином этого города.

О Василии Ефремовиче Рогачеве могут рассказать не только тысячи камских бумажников, но и документы, газеты, книги. Датированные разными годами, эти бес-

пристрастные свидетели шаг за шагом раскрывают суть трудового подвига человека.

Из многотиражной газеты «Камский бумажник»:

«Закончились все приготовления к пуску. Монтажники, представители завода имени Второй пятилетки, еще раз внимательно проверили все части машины... В девятом часу вечера была отрегулирована вся сушильная часть машины. По сукнам барабанов понеслась бумажная лента со скоростью 60 метров в минуту. Только три часа длилась регулировка первой советской машины. Три часа напряженно работали товарищи Аннушкин, Потопов, Рогачев...»

Это было 3 февраля 1936 года — в день пуска Камского комбината. Через полтора месяца В. Е. Рогачев пускал вторую машину, еще через три месяца — третью. Таких темпов ввода мощностей еще не знали.

Из открытого письма отцу-машинисту Е. Г. Рогачеву, опубликованного в той же газете:

«Я очень дорожу тем доверием, которое мне оказали, выдвинув мастером буммашины... Эту первую советскую машину я освою. Приложу все свои силы, энергию и опыт, чтобы выполнить это почетное задание.

Твой вызов на социалистическое соревнование я принимаю. Будем соревноваться!»

Шел 1937 год, на комбинате разворачивалось движение за лучшее использование основного оборудования. Соревнование отца и сына Рогачевых всколыхнуло всех рабочих. Василий Ефремович сдержал свое слово: первая советская бумагоделательная машина была освоена.

Из газеты «Правда»:

«На целлюлозно-бумажном комбинате в Краснокамске Пермской области разворачивается соревнование за увеличение выпуска бумаги. Тон задает бригада бывшего фронтовика, орденоносца Василия Рогачева».

После войны пришлось многое начинать сызнова. Достигнутые в предвоенные годы скорости резко упали: сказалась длительная работа машин без капитального ремонта. А меньше скорость — меньше бумаги. Вот и надо было вторично осваивать проектные мощности. На это ушла вся первая послевоенная пятилетка. Раньше других достиг «проекта» Василий Ефремович Рогачев.

Из протокола открытого партийного собрания Камского комбината:

«...По примеру коммуниста Мазунина я обязуюсь довести скорость своей бумагоделательной машины до 275 метров в минуту. Превысив проектную скорость на 25 метров, мы будем выпускать каждую смену три — три с половиной тонны бумаги сверх плана. Движение скоростников в целом будет равнозначно вводу в действие еще одного бумагоделательного агрегата средней мощности».

Это обязательство В. Е. Рогачев принял в начале марта 1951 года. А к концу второй послевоенной пятилетки скорость его машины уже превысила 300 метров в минуту. Все бумажники страны последовали примеру краснокамцев, и это позволило выпустить десятки тысяч тонн сверхплановой продукции.

Из газеты «Известия»:

«Весьма перспективным представляется движение за сокращение затрат волокна на единицу продукции, начатое известным новатором В. Е. Рогачевым».

Шел 1953 год, комбинат испытывал нехватку сырья. Обычно со сточными водами в Каму сбрасывалось большое количество волокна. Эти потери считались естественными, с ними свыклись, хотя комбинат нес огромные убытки. Тут-то Рогачев и принес в техотдел чертеж ловушки волокна.

Вскоре утечка сырья прекратилась. Была разработана методика учета промоев по каждой машине, смене и бригаде. Люди стали намного бережливее относиться к государственной копейке. Только за один год комбинат получил дополнительно свыше миллиона рублей экономии. Подсчитали, что бумаги, отлитой из волокна, сбереженного по методу Рогачева, достаточно для того, чтобы выпустить около 60 миллионов томов книг среднего формата.

Из газеты «Лесная промышленность»:

«Начавшаяся модернизация бумагоделательных машин грозила длительным бездействием техники, и Рогачев предложил вести обновление агрегатов в дни календарных ремонтов. Это было принципиально новое решение: машина выпускала бумагу и одновременно подготавливалась к увеличению производительности. Она должна была быть остановлена лишь на последнем этапе модернизации».

После модернизации, завершившейся в 1960 году,

В. Е. Рогачев развил на своей машине невиданную на комбинате скорость — 375 метров в минуту. Теперь за одну смену он давал в два с половиной раза больше бумаги, чем десятилетие назад.

Из приказа по бумфабрике Камского комбината:

«Удовлетворить просьбу В. Е. Рогачева о переводе его на фабрику мелованной бумаги».

1961 год Василий Ефремович встретил на трудовой вахте у пульта новой машины. Впервые в стране осваивалось производство машинно-мелованной бумаги, и эту сложнейшую задачу доверили Рогачеву. Ошибки не было и на сей раз!

Из брошюры «Машинист Василий Рогачев»:

«В этот день он, как обычно, отправился из дому в семь часов утра. Июньское солнце уже вышло из-за высоких сосен и бросало косые лучи на проспект Мира, уходящий к самому комбинату. О чем думал в это утро Василий Ефремович? Вероятно, о том, что сегодня 30 июня, значит, первая половина 1961 года теперь уже позади, и о том, что принесет второе полугодие, и как придется работать после партийного съезда. Он шел неторопливым шагом и, занятый этими размышлениями, незаметно для себя подошел к проходной комбината. Подошел — и замер: прямо перед ним висело полотнище бумаги, с которого смотрели аршинные буквы — «Привет Герою Социалистического Труда сеточнику В. Е. Рогачеву!». Он не поверил своим глазам, но тут обступили его друзья. Они обнимали, крепко жали руки, говорили сердечные слова. Оказывается, московское радио передало Указ Президиума Верховного Совета СССР всего лишь полчаса назад...»

В Указе было сказано: «За выдающиеся успехи, достигнутые в развитии целлюлозно-бумажной промышленности...»

ДОЧЬ КОММУНАРА

Рыболовлева-Рубцова Екатерина Михайловна родилась в 1907 году в деревне Мазанах Кировской области. С детских лет и до выхода на пенсию трудилась она в сельском хозяйстве.

Е. М. Рыболовлева-Рубцова была первой в Кировской области дояркой, добившейся пятидесяти тысяч надоев на каждую из закрепленных за ней коров. В 1958 году ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С 1960 года Екатерина Михайловна живет в Пермской области на станции Оверята.

Екатерина Михайловна не заметила, как вышла за околицу села и по знакомой дорожке направилась к ферме. Три десятка лет изо дня в день вытаптывала она со своими товарками эту тропинку. Летом чуть свет, а зимой так еще затемно, наскоро перекусив, а чаще всего, прихватив узелок с остатками вчерашнего ужина, бежала она по косогору... И сейчас побежала бы, да годы не те, одышка мешает. Побежала бы, потому что не привыкла по этой дорожке ходить шагом.

Кате еще не было и двадцати лет, когда впервые наведалься она в эти места вместе с отцом и старшими

братьями. Они приехали выбирать площадку для строительства усадьбы коммуны «Начало», в которую решили объединиться сто бедняцких хозяйств окрестных деревень. Когда-то, очень давно, стоял здесь винокуренный завод графини Шуваловой. Потом он сгорел. Пепелище почему-то называли Чураковым. Этот пятачок близ липовой рощи и облюбовали коммунары.

Отец Екатерины Михаил Назарович Рубцов ходил широким шагом по заросшей лопухами и лебедой поляне и тыкал палкой в землю:

— Здесь поставим столовую, там детские ясли... Дома будем строить только двухэтажные, как в городе.

— А коровник куда поместим? — несмело спросила Катя.

Отец глянул на нее озабоченно:

— Погодь ты со своим коровником. Или место для него возле людского жилья? Вон рощу видишь? Иди напрямик к ней и выбирай на опушке участок под хлев. Потом нас крикнешь.

И Катя пошла, оставляя за собой след примятой травы. По этому следу и пролегла потом тропинка.

На сто семей едва набралось три десятка обществленных коров. Екатерину избрали старшей дояркой, потому что рубцовская корова была самой лучшей в стаде. Шутка ли — ведро молока от каждой дойки!

— Дадим тебе пару помощниц, — говорил Екатерине отец, — из кожи вылезь, а сделай так, чтобы все коровы доились, как наша. Тьфу, черт, никак не избавлюсь от этой проклятой привычки — «наша». Все теперь общее, коммунарное.

Здание под молочную ферму коммунары отгрохали, что тебе барские хоромы. Двухрядный коровник покрыли тесом, двор обнесли жердяным забором. Доярки сами проконопатили стены, чтобы зимой не дуло; сложили печурку, чтобы подмывать вымя коров теплой водой.

Катя старалась делать так, как было заведено в их хозяйстве, когда большая семья Рубцовых жила на хуторе. Отец и семеро взрослых детей за два года так поправили дела захудалого хозяйства, что кое-кто, позабывав их успехам, причислил Рубцовых к кулакам. Когда отец услышал, что его, коммуниста, за глаза называют мироедом, бросил все дела, погнал лошадь в район. Пришел к секретарю партийной ячейки и спросил:

— И ты считаешь меня кулацкой мордой?

Секретарь отвел глаза.

— Все ясно, можешь не отвечать, — опустил голову Михаил Назарович. — Давай-ка вместе подумаем, что мне надо сделать, чтобы заткнуть рот болтунам?

Домой старший Рубцов вернулся под утро. Поднял с полатей сыновей.

— Ну, ребята, кончилась наша хуторская жизнь. Будем строить коммуны. Я уже объехал соседние деревни, отобрал охотников из бедняков. Землю отвели нам возле Чуракова. Если хорошо начнем дело, к нам в коммуну народ валом повалит.

Энергичный был человек Михаил Назарович. И дети пошли в него, потому что с малолетства приучались они видеть в крестьянском труде не горькую повинность, а святую обязанность. Отец был невероятно строг. Не терпел безделья, праздности, пустословия. Он и в коммуну собрал таких же работающих. Но особого усердия требовал от детей.

— Наша семья положила основу коммуне, значит, и трудиться нам надо в две жилы.

Эта отцовская заповедь стала законом всей жизни Екатерины Михайловны. Тридцать три года проработала она дояркой и хоть бы раз пожаловалась, что ей трудно. А ведь приходилось куда труднее, чем другим: она обслуживала восемнадцать коров — так уж повелось со времен коммуны. Все остальные доярки имели только по дюжине.

Подойти вручную восемнадцать коров трижды в день — нелегкая работа! А прибрать в стойлах, задать корм, вывезти навоз, накосить зеленой подкормки и еще переделать много-много разных мелких дел, да не кое-как, а на совесть, по-рубцовски...

Пока работала в коммуне, где труд был обезличен, никому не приходило в голову, а Екатерине и подавно, подсчитать ее личный вклад в общее дело. А когда коммуна превратилась в артель и каждый стал получать по труду, оказалось, что Екатерина Рубцова надаивает молока от своей группы коров чуть ли не вдвое больше, чем любая доярка района.

— Она же лаской молоко берет! — объясняли подружки успехи Екатерины. — Послушали бы, как она с коровами разговаривает, будто с людьми. Не то чтобы стук-

нать — грубым словом не обзовет. Она своим коровам и прозвания дала ласковые: Милашка, Ласточка, Ноченька.

Вот тогда и пришла к Екатерине Михайловне слава. Животноводы всей страны узнали эту простую русскую женщину-труженицу. Много раз бывала она участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, память об этом — четыре медали — золотая, серебряная и две бронзовые. Приходилось ей выступать и с трибун представительных совещаний, рассказывать о своей ферме, о своих делах. Приходилось отвечать въедливым корреспондентам, позировать фотографам и художникам.

Но слава и почет не вскружили голову Екатерины Михайловны. Она всегда оставалась сама собой — прилежной труженицей, доброй подругой, приветливой хозяйкой. Боясь уязвить самолюбие других доярок, она умела не выказывать своей радости, когда по итогам соревнования неизменно выходила на первое место в районе, области. Смущалась, когда ее приглашали в президиум, когда, беседуя с доярками фермы, секретарь райкома партии говорил о ней, как об эталоне добросовестности.

Ей почему-то казалось, что все эти знаки внимания в общем-то лишены оснований. Конечно, не шутка в наших северных краях надоить на каждую из восемнадцати закрепленных коров по пяти тысяч килограммов молока. Но ее отец какой-то особой заслуги не увидел бы, это точно. А она привыкла на свою работу смотреть глазами отца.

Давно уже нет в живых Михаила Назаровича Рубцова. Да и сама она за работой не заметила, как состарилась. Но не зря прошли для нее годы. Вон в низине у рощи большая ферма... На том самом месте, которое при-смотрела Катя еще в дни своей коммунарской юности.

ТАКАЯ, КАК ВСЕ

Рытова Валентина Иосифовна родилась в 1930 году в деревне Первый Еламбул Куединского района Пермской области. Во время войны начала работать в колхозе.

В животноводстве Валентина Иосифовна с 1957 года. Большие знания и трудолюбие помогли ей организовать на выполнение больших задач коллектив Николаевской фермы Азинского конезавода № 105. Сама Валентина Иосифовна, работая дояркой на отстающем участке, в 1965 году добилась наивысших показателей в районе. Она получила по 4260 килограммов молока от каждой коровы.

За выдающиеся успехи в работе В. И. Рытова в 1966 году удостоена звания Героя Социалистического Труда.

Валентина Иосифовна пришла на Николаевскую ферму в самое трудное время. Кукурузные поля стояли пустыми. Осенью коров стали кормить снятой с крыш ржаной соломой. Рацион шестидесяти животных распределяли на двести.

Рытовой стало попросту жаль их, понурых, с проступившими ребрами. Она спросила работавшую неподалеку доярку:

— Не слишком ли рано коровы попали в запуск?

Та вспыхнула, бросила ведра, поставила руки в боки:
— А поработай-ка сама!

Подошли другие доярки, стали спорить с новенькой.

И тогда Валентина Иосифовна сказала, что возьмет на себя самую плохую группу. Ей дали с радостью. Прежняя хозяйка не объяснялась долго: тут же сбросила грязный халат, махнула рукой на коров и скрылась за дверь.

Похвастать этой группой действительно было трудно. Средний надой на одну корову по Николаевской ферме составлял 1610 килограммов молока в год.

Рытова приходила на работу к пяти утра — как все. Раздаивала свою группу: три тысячи движений на одну корову, сорок две тысячи движений в день — как все.

Как все, но немного старательнее. Немного, казалось бы, лучше других.

Люди расходились по домам, а она чистила кормушки, охаживала своих «красавиц». Не выходила на работу доярка — безропотно брала пять-шесть коров из ее группы и раздаивала их. Если она поит коров — за каждой проследит, чтобы напилась вдоволь. Когда нехваткой кормов другие оправдывали низкие удои, Рытова с подругой Тамарой Дубаревой запрягала лошадь и по осеннему распутию ехала за подкормкой: надергать в поле свеклы, турнепса...

Наверное, трудовой подвиг, за который спустя несколько лет Валентину Иосифовну отличила страна, не был только ее личной заслугой. Вскоре на ферме изменилось положение: сменилось руководство конезавода, построили правильное севооборот, улучшилось положение с кормами. Может быть, и другие доярки, попав в такие условия, могли бы получать высокие удои, сравняться с Рытовой. Так или иначе, но это никому не удалось. Сказался богатый опыт Валентины Иосифовны.

Наступил новый год. Большие перемены назревали на ферме. Совместно с партийным бюро был разработан план действий. Нехитрый, казалось бы, план: правильно кормить и содержать коров, соблюдать зоотехнические правила, обмениваться опытом с другими фермами, добиться слаженной работы со скотниками. Ежедневно чистить коров, соблюдать очередность дойки, после утренней и перед вечерней дойками заквашивать и выпаивать концентраты, иметь всегда на месте соль. Выполняя

этот план, и удои вырастут. Одна только сложность: надо, чтобы выполняла все это каждая доярка.

На Валентину Иосифовну как на народного контролера легли новые заботы.

Оставляя маленького сына на попечение соседок или круглосуточно в детском саду, она проводила на ферме целые дни. Вместе с другими коммунистами беседовала с доярками, скотниками, советовалась со специалистами-животноводами.

Прошло два года.

В 1965 году николаевские животноводы получили один из самых высоких надоев в области — около 3800 килограммов молока от каждой коровы. Рытова значительно увеличила надои: обязавшись надоить по 4000 килограммов молока, она надоила по 4260! За большие успехи коллектив фермы весной 1966 года получил много поощрительных премий, грамот, медалей; доярку Таисью Федоровну Южанину и управляющего отделением Александра Ивановича Малкова наградили орденами Ленина, а Валентине Иосифовне Рытовой присвоили звание Героя Социалистического Труда.

За работу упорную, честную
Уважают ее земляки.
Славят Валю чернушинцы песнею,
Как хозяйку молочной реки.

Эту нехитрую песню сочинил местный композитор Л. Мель на слова районного журналиста Н. Филиппова. Как все, работала Валентина Иосифовна Рытова. И еще — лучше других. Как положено коммунисту.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

Ряпосов Иван Иосифович родился в 1922 году в деревне Рогаях Соликамского района Пермской области. По окончании семи классов работал счетоводом, в 1940—1947 годах служил в рядах Советской Армии. После демобилизации поступил работать на Соликамский магниевый завод. Был помощником электролизника, электролизником, сейчас — старший электролизник. Окончил Соликамский вечерний горнохимический техникум. За выдающиеся производственные достижения удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В цехе знали: Алексей Иванович Агапов — человек с характером, с хитрецей. Свое дело изучил, что называется, до мелочей, но сам знания передавал неохотно. Не то чтобы не хотел или категорически отказывался, нет. Объяснял, бывало, так, что ничему не научишься и в другой раз охота отпадает к нему обращаться.

Осмелился подступить к нему новичок Иван Ряпосов. Не может быть, рассуждал он, чтобы в наше время человек какие-то секреты утаивал. Улучив удобную минуту, остановил старого электролизника. Спросил сбивчиво:

— У вас... циркуляция электролита всегда хорошая, температурный режим точный... Почему?

Агапов вздернул плечи: мол, что же тут мудреного? Ответил:

— Циркуляция, она сама отладилась. А режим — держу, какой нужен...

Вот и объяснил! Поделился, так сказать, опытом.

Водилась за Агаповым и еще одна странность. Любил он работать спокойно, чтоб ничто не нарушало привычного ритма. Новинку там какую внедряли, реконструировали что, он это воспринимал болезненно и ворчал:

— Ничего не получится... Ведь и так все хорошо придумано.

Но вот, к примеру, электролизер новой конструкции давал первый металл, действовал точно и безотказно, и Агапову ничего не оставалось делать, как признаваться:

— Смотри-ка, пошла!.. А я не верил...

Вот каким сложным человеком был Алексей Иванович Агапов, который уже давно на пенсии и о ком новичкам поныне рассказывают всякие истории.

Ряпосов почему вспомнил в тот день про Агапова? А потому, что привели к нему его сыновей — Владимира и Виктора. В бригаду Ивана Иосифовича их обоих работать направили. Учиться, как из ценного минерала, именного карналлитом, очень нужный стране металл получать.

«Вот ведь как в жизни бывает, — улыбался он, размышляя. — Ну что ж, все расскажу-покажу. А если и меня обгонят — честь и хвала. Для начала же нужно убедиться, что пришли они с твердым намерением стать металлургами. А то ведь всякое бывает...».

Цветная металлургия — трудное производство. Повышенные температуры, газ. Хотя нынешние условия, по словам Ряпосова, ни в какое сравнение не идут с теми, что были, когда он начинал. Теперь электролизеры герметизировали, налажен отсос катодных газов. И все же вездесущий хлор в минимальных количествах попадает в атмосферу. Вот почему люди с робкими душами в цехе не задерживаются.

Владимир с Виктором прижились. Позже Иван Иосифович скажет им:

— Я в вас верил.

Помолчал, подумал.

— Вот что, ребята: в техникум нужно вам. В вечерний. Пожилым в молодые годы не до учебы было — воевали. Теперь же поздновато. А вам в самый раз. Нелегко придется, по себе знаю. Ну, да чем смогу — помогу.

Послушались братья. Сдали вступительные, зачислили их.

В одно из ближайших воскресений Иван Иосифович появился на пороге дома Агаповых. Дверь открыл Агапов-старший. Увидел необычного гостя со связками книг в руках, растерялся, слова вымолвить не может. Ряпосов понял его состояние.

— Что, Алексей Иванович, не признал? Сынам твоим литературу принес. Мне эти книги теперь ни к чему — я уже отучился. А им как раз — студенты теперь они у тебя.

Алексей Иванович пригласил Ряпосова проходить. Такое чувство овладело им, как будто за давним долгом к нему пришли. Нет, не за долгом — скорее ему одалживают. Ох уж этот Ряпосов! Одно время, когда еще работал Алексей Иванович, вечно к нему с разными вопросами подступал: что да как? А теперь сам в наставниках.

Его, помнит Алексей Иванович, выдвинули в бригады. Через год с небольшим. Старик удивился: слишком быстро. Правда, он слышал, что новичок до завода служил в авиации, был механиком и цветная металлургия в общем ему была знакома. Как бы там ни было, а освоил новое дело. Говорят, отменным специалистом стал. Хвала ему за это!

...Не у каждого в один год бывает столько событий. Иван Иосифович в 1961-м был делегатом XXII съезда КПСС. По приезде из столицы успешно защитил диплом в Соликамском вечернем горнохимическом техникуме. А через месяц был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

ТАЛАНТ РУКОВОДИТЕЛЯ

Сарычев Константин Михайлович родился в 1907 году в Саратове. На строительство первенца химической индустрии — Березниковского химкомбината приехал техникум-комсомольцем в 1931 году. В 1937 году окончил Уральский политехнический институт и получил диплом инженера-электрика. Работал старшим инженером электроотдела, начальником электроцеха химкомбината. После разделения комбината на отдельные предприятия восемнадцать лет трудился на азотнотуковом заводе, восемь из них — директором.

В 1960 году коммуниста К. М. Сарычева назначили директором березниковского ордена Трудового Красного Знамени содового завода имени В. И. Ленина.

В 1956 году Константин Михайлович Сарычев был делегатом XX съезда КПСС. В июле 1959 года он участвовал в работе Пленума ЦК партии.

Родина высоко оценила вклад К. М. Сарычева в развитие химической промышленности. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

В 1970 году К. М. Сарычев вышел на пенсию.

Город только услышал слова Указа: «За выдающиеся заслуги в выполнении заданий семилетнего плана... присвоить звание Героя Социалистического Труда... Сарычеву Константину Михайловичу». А инженер-содовик А. И. Чудаков уже написал о нем в городскую газету:

«На нашего директора можно положиться во всех случаях. Он не будет отстаивать «честь мундира», если это идет в разрез с интересами производства, государства или противоречит истине. Мастерски разрубит «гордиев узел» в деловом споре, одернет зарвавшегося. Поможет советом и делом попавшему в нужду. Чуткость и человечность в нем легко уживаются с требовательностью.

Кабинет нашего директора — не крепость с высокими стенами. И дверь его не отпугивает рядового труженика. Мы не помним случая, чтобы в часы приема директор куда-то ушел или уехал. С разными просьбами приходят к нему рабочие, инженеры, молодые специалисты, жены рабочих. Каждого он терпеливо выслушает. Если нельзя помочь сразу, советует, как поступить. Содовики знают твердое слово и уравновешенный характер директора.

Как коммунист Константин Михайлович всем своим безукоризненным поведением, трудолюбием, скромностью, отношением к подчиненным — яркий пример для всех. Как человек он прост и обаятелен. В обращении с окружающими у него нет и тени высокомерия».

Порасспросить о нем любого содовика, азотчика, энергетика — скажут примерно то же. Его знают не только по заводу. Любители искусства частенько видят супругов Сарычевых в театре. Спортивные болельщики — на футболе. Константина Михайловича можно встретить с новой книжкой в магазине или в очереди на троллейбус, или в лесу с корзинкой для грибов. Иногда, отдыхая, он неторопливо прохаживается по улицам вечернего города. Города своей комсомольской молодости...

В Березники техник Сарычев приехал в самый разгар стройки. Назначили его прорабом на строительство ТЭЦ.

О первенце советской химии у Камы-реки он знал еще дома, на Волге. Но то, что представилось здесь его взору, было неопишимо: одновременно сооружались шесть цехов большого аммиачного производства, кислотные цехи, теплоэлектроцентраль высоких параметров, крупнейшая в Европе, и много других производств. Тысячи людей в лютую стужу копали котлованы, бетонировали фундаменты, возводили стены цехов, ставили аппараты, колонны и башни — почти без механизмов — и в полтора-два раза перекрывали нормы.

Однажды, уже под осень, перед пуском ТЭЦ, разнеслась по стройке тревожная весть: мост рухнул! А без моста не сможет действовать канатная дорога, топки котлов не получат уголь. «Не допустим срыва!» — заявили строители. Вместе со всеми Сарычев пошел работать сверхурочно. Вдвойне светлым и радостным был праздник Великого Октября. В канун четырнадцатой годовщины Советской власти ТЭЦ химкомбината (ныне ТЭЦ № 4) дала ток. Пуск, свет, радость! И вдруг... Как обухом по голове: котел вышел из строя! Станция обречена на бездействие... Константин Сарычев работал теперь дежурным электротехником. Дневал и ночевал на ТЭЦ, лишь бы поскорее пустить ее вновь. И станция в строю, почти четыре десятилетия действует безотказно!

Став инженером, Сарычев пришел в электроотдел химкомбината, а вскоре возглавил электроцех. Старожилы-энергетики до сих пор вспоминают, как монтировали тогда в цехе электрощиты, признанные лучшими по сравнению с иностранными. Помнят и промывку изоляторов под напряжением. Да мало ли было новшеств, в которых проявились знания, решительность, смекалка инженера Сарычева... А еще больше — принципиальность, настойчивость, требовательность к себе и другим. Эти качества и выдвинули его в руководители.

Много лет Константин Михайлович был главным энергетиком азотнотукового завода. Затем стал его директором. А когда начал бурно развиваться содовый завод, инженер Сарычев был назначен на пост директора этого предприятия.

Почти два десятилетия в одном коллективе. Знаешь здесь всех и каждого. И вдруг ломка... Но напрасно тревожился Константин Михайлович. Насколько неохотно расставались с ним азотчики, настолько радушно встретили содовики. Помогли разобраться во всем многообразии производств и сложной технологии.

И все-таки знакомство было нелегким: множество проблем выдвигали старые цехи, создавались производства известкового каустика и чешуирурованного едкого калия, комплекс соды на новой площадке.

Директор ежедневно бывал в цехах и на стройке. И, что самое характерное, за техникой и проектами он всегда видел людей. Его интересовало все: труд и быт рабочих, деловые качества специалистов, партийная ра-

бота. Он беседовал, советовался, разрешал многочисленные неувязки, поручал и проверял. Содовики быстро почувствовали крепкое руководство.

Директор — единоначальник. Но сила руководителя — в умении опереться на коллектив, его традиции. А на старом заводе богатейшие традиции. Крупная парторганизация, а коммунисты во всем запевалы — в совершенствовании техники и технологии, в строительстве и освоении новых цехов, в борьбе за рентабельность и высокое качество продукции, в реконструкции старых производств. Право партийного контроля хозяйственной деятельности здесь понимают как необходимость глубоко вникать в производство, анализировать экономику, выявлять резервы, учить, воспитывать кадры.

В основе деятельности заводской парторганизации — человек и его отношение к порученному делу. Это главное направление как нельзя лучше совпало со стилем работы директора и способствовало решению технических и экономических задач. Введены в строй производства известкового каустика, хлорбензола, чешуированного едкого калия, силиката свинца. Реконструированы цехи хлорной извести, электролиза.

Успехи химиков орденосного содового завода, их большой вклад в коммунистическое строительство получили широкое признание. В канун пятидесятилетия Великого Октября ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР и ВЦСПС наградили коллектив памятным Красным знаменем. Константин Михайлович принимал эту награду с таким же волнением, как до этого личную — орден Ленина и Золотую медаль «Серп и Молот».

ПРОВОДНИК ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Семенов Анатолий Максимович родился в 1931 году в селе Бершеть близ Перми. Трудовой путь начал трактористом, а по окончании ремесленного училища пришел слесарем на Пермский моторостроительный завод имени Я. М. Свердлова. После службы в армии Семенов вернулся на завод, стал разметчиком, а потом плавильщиком. В 1954 году его приняли в КПСС.

За активное участие во внедрении новых технологических процессов Анатолию Максимовичу Семенову в 1966 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Делегация из Запорожья обходила третий участок литейного цеха. Экскурсанты с любопытством осматривали вакуумную печь, на которой работал Семенов. Перед гостями предстал человек среднего роста, с серьезным взглядом и сильными рабочими руками. Он был общителен и прост.

Объясняя преимущества своей печи, Анатолий Максимович с увлечением показывал ее в работе, демонстрировал процесс литья в вакууме.

Было видно, что он влюблен в плавильное дело и ему, настоящему рабочему человеку, по плечу любое техно-

логическое новшество. Нет, не зря у него на груди свертка звезда Героя Социалистического Труда. С нею тесным образом было связано и внедрение нового процесса, получившего пермскую прописку.

...В литейном цехе на открытых индукционных печах пошел брак. Большая часть отливок получалась негодной. Особенно донимала литейщиков «плена». Она наносила немалый ущерб, так как в основном обнаруживалась на окончательных операциях после механической обработки деталей. Чего только не делали литейщики, чтобы избавиться от нее: подводили к печам аргон, меняли сырой наполнитель. Но качество литья по-прежнему оставалось плохим.

Сейчас трудно установить, кто предложил перейти на литье в вакууме. Но известно, что эта идея родилась у заводских умельцев. Их руками и была сделана вакуумная печь. Ее освоение поручили Анатолию Максимовичу Семенову.

Выбор не был случайным. Семенов добросовестно относился к делу, творчески подходил к выполнению любой операции, имел трехгодичный стаж службы в армейских инженерных частях. К тому же он владел несколькими профессиями и продолжал общеобразовательную учебу.

Но поначалу дело не клеилось. По-прежнему донимала «плена». Часто после работы к плавильщику подходил технолог Субботин. Выслушает он соображения Семенова и начинает развивать его мысль. Потом что-то предложит Субботин, а его предложение развивает плавильщик. Так они провели долгие часы, и в совместном творчестве исчезла грань между технологом и рабочим.

В процессе эксперимента отбиралось самое ценное.

Сначала увеличили летниковую чашу, потом внедрились керамические кольца, изменили конструкцию шлангов для охлаждения, подобрали новый наполнитель. Детали стали получаться лучше, но дефекты еще не исчезли.

Бывало, придет Анатолий Максимович домой уставший, сядет за стол. И вдруг отодвинет в сторону тарелку и, склонившись над листком бумаги, начинает делать какие-то расчеты.

Так была установлена им новая выдержка температуры перед заливкой металла в формы. Найден заменитель кварцевого стекла, внедрена заслонка.

Когда же поиск загонял Семенова в тупик, на выручку спешили старший мастер Путенков, контрольный мастер Вдовин. Общими силами устранялась загвоздка, и дело снова продвигалось вперед. Ради него Анатолий Максимович не жалел ни сил, ни времени: часто работал сверх смены, а порой и в выходные дни.

И вот наступил день, когда пошли изделия отличного качества. Но освоение новых технологических процессов продолжалось. Вслед за литьем в вакууме Семенов стал осваивать оболочковое литье. Первое время оболочки часто разрушались, но потом общими силами довели до норм и этот процесс. Оболочковое литье получило путевку в жизнь и стало распространяться по всему цеху.

Коллектив литейного цеха уверенно взял курс на технический прогресс и решил к столетию со дня рождения В. И. Ленина освоить изготовление деталей без припусков на механическую обработку. В содружестве с исследователями Семенов начал осваивать и этот технологический процесс. Несколько раз переделывали муфельные печи, установили прокалочные режимы, определили переходы. При этом Семенов строго выдерживал технологические параметры на каждой операции. За короткое время он освоил изготовление до двадцати наименований изделий.

Как-то Анатолий Максимович заметил, что на качестве деталей сказывается скорость заливки металла, всецело зависящая от струи. И вот для регулирования ее скорости он предлагает установить кондуктор подъема закрывания печи. Предложил Семенов и еще одно ценное новшество — при обработке ряда деталей применять новую охлаждающую жидкость. Это предложение уже выходит за рамки литейного цеха и во многом облегчает труд рабочих в механических цехах.

С полным основанием называют Анатолия Максимовича Семенова проводником технического прогресса.

ЕМУ ПОКОРЯЮТСЯ НЕДРА

Семенов Иван Петрович родился в 1926 году в деревне Рябцево Вяземского района Смоленской области. После окончания семи классов поступил в ремесленное училище. Затем работал слесарем-монтажником. Участвовал в Великой Отечественной войне.

С 1950 года И. П. Семенов работает на Соликамском калийном комбинате. Был помощником бурильщика, бурильщиком. Окончив вечерний горнохимический техникум, стал мастером смены.

За выдающиеся производственные достижения Иван Петрович Семенов удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Армейский друг Андрей Мазунин писал ему:

«Соликамск наш — город древний. Народ тут по-северному суров и трудолюбив. Те, кто легкой жизни ищет, у нас не приживаются. А рабочему человеку есть где себя показать. У нас калийные залежи крупнейшие в мире. Так что и детям нашим, и внукам работы хватит.

Приезжай, Иван, посмотришь на наш край, может, здесь и останешься...»

Подумал Иван — и взял билет до далекого города на

Каме. В родной-то деревне никого не осталось: отец погиб, мать умерла в оккупации. «Не пропаду, — размышлял он в поезде, — а трудно станет — друг поможет. Андрей — он из надежных людей».

Несколько дней отдыхал с дороги, присматривался, искал дело по душе. И вот выбор сделан. Иван Семенов пришел на калийный комбинат.

Начальник отдела кадров, приняв документы, как бы между прочим сообщил новичку:

— В комсомольско-молодежное звено идешь, только что организовалось... Считай, что посчастливилось.

Калийная шахта не похожа ни на угольную, ни на железорудную. Те глубже, теснее. А самое главное ее отличие — немногочисленность. Семенов, спустившись в первый раз, даже растерялся: где же они, добытчики сильвинитовой руды, о которых так много говорят в городе и которые в почете ходят? Идешь, идешь — и никого.

Как бы прочитав его мысли, сопровождавший Ивана звеньевой Фишов заговорил:

— У нас в смене — два звена по пять человек: помощник бурильщика, бурильщик, мастер-взрывник и два машиниста скрепера. Ничего, с планом справляемся. Даже иногда сверх него даем.

А спустя полчаса Фишов уже объяснял Семенову его обязанности помощника бурильщика:

— Обслуживаем мы две камеры, каждая по шестнадцать метров в длину. Разделяет их одиннадцатиметровый целик. Вот этим электросверлом ты буришь за смену по тридцать шесть шпуров в каждой камере — и вся забота. А теперь посмотри, как это делается...

И он ловко наставил электросверло; оно тонко запело, вгрызаясь в неподатливую толщу.

Ивана Семенова сначала не очень вдохновила такая работа. «Уж больно просто, — подумал он. — И, наверно, однообразно. Ни смекалки не проявить, ни находчивости».

Фишов тем временем кончил бурить первый шпур, вытер рукавом лоб. Сказал как можно спокойней:

— Глубина шпура — три метра. — Потом вдруг, как бы внутренне собравшись, произнес: — Трудно в первые дни придется: мускулы болеть будут, ноги уставать. Но, если не сробеешь, привыкнешь. Думаю, что привыкнешь.

Иван слушал нового своего наставника, вспоминая

слова начальника отдела кадров: «Считай, что посчастливилось...»

И без особого энтузиазма попросил поддержать электросверло — что это, мол, за инструмент такой...

Есть люди, которые берутся за любое дело сразу. И часто без сожаления расстаются с этим делом, поскольку очень скоро приходит час, когда они сознают, что выбранная профессия — не их призвание.

Иван Семенов из тех, кто вживается в свою работу медленно, трудно, но навсегда. Что называется со скрипом осваивал он и ремесло бурильщика. Со смены возвращался неразговорчивым и приунывшим. Заметив это, Андрей Мазунин как-то поинтересовался:

— Иль что на работе не ладится? Хмурым ты какой-то, сам на себя не похож.

Иван медленно отвечал:

— В общем-то я доволен всем. А насчет того, что не все ладится, ты прав. Ребята в звене спорее работают. Сам чувствую: не раз уже взрывников задерживал. Они-то хоть и помалкивают, делают вид, что бурю я как надо, но меня не проведешь...

Андрей постарался успокоить друга:

— Это тебе кажется.... Мнишь чересчур много...

Но Семенов только махнул рукой:

— Я-то лучше знаю, что дело тут не в мнении, а в умении. У нас хотя работа и физическая, а силы одной мало. Нужно и умишком пораскинуть. Вот, например, по паспорту бурения все шпуры должны быть под одним углом. Слепо следовать этому можно только когда кровля ровная. А если неровная, то угол нужно делать разный — сильней выброс будет, а значит, и больше руды. Это одна из хитростей, а до скольких я еще не дошел...

Давно состоялся этот разговор. Медленно и верно постигал все премудрости мастерства бурильщика Иван Петрович Семенов. Прижился навсегда он на Соликамском калийном комбинате, уважаемым человеком стал.

ДИРЕКТОР «КОМСОМОЛЬСКОЙ»

Сергачев Герман Пантелеевич родился в 1923 году в Аткарском районе Саратовской области. Сразу же после окончания десятилетки в 1940 году поступил в Пермский сельскохозяйственный институт имени Д. Н. Прянишникова. Получив диплом, работал директором подсобного хозяйства в Калининском районе Пермской области. С 1955 года коммунист Г. П. Сергачев — директор птицефабрики «Комсомольская» Кунгурского района. За большие заслуги в развитии сельскохозяйственного производства ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Деревня Бараново, подобно островку, лежит среди зеленого моря елей и берез. Ровные ряды домов, общественных зданий, корпуса птицеферм. Между ними улица — коридор из молодых лип и тополей.

...Он вышел из автобуса последним. Отойдя в сторонку, поставил чемоданчик на мягкий подорожник, долго осматривался. Подумал: «Вот тебе и деревня: двухэтажные дома, водонапорная башня, тротуары асфальтированы... Не зря, значит, советовали в Бараново ехать...»

Спросил у проходящего мимо пожилого мужчины:

— В контору, отец, как попасть?

— Маленько назад нужно пройти. Справа увидишь. А ты к кому, если не секрет?

— Как сказать? На работу. После армии. Вместе с ребятами здешними служил, они и посоветовали.

— Понятно. Ну, в час добрый. Директор наш, Герман Пантелеевич, мужик толковый, такого молодца, может, и возьмет.

И прохожий пошел своей дорогой.

А Владимир Кретов покачал головой: «Хотел бы я знать ту деревню, где от рабочих рук отказываются...»

В приемной Владимиру пришлось подождать: у директора шло совещание...

Нередко о Сергачеве с трибун или в газетах говорят так: настоящий руководитель, отличающийся коммунистической убежденностью, хозяйственник, умеющий пробудить в людях инициативу, не боящийся трудностей.

В общем, правильно говорят. Именно ему во многом обязан своей славой работающий коллектив птицефабрики «Комсомольская». Именно он многое сделал для того, чтобы о Бараново приезжие говорили: «А здесь, как в городе: даже газ есть. По вечерам весело, самодеятельность хорошая, кружков много...»

Когда в 1955 году Герман Пантелеевич прибыл сюда директорствовать, ничего этого не было. Поначалу очень уж угнетало однообразие деревенских будней. На работе, правда, скучать не приходилось: дела, дела. А вечером... Выйдет на улицу — тишина. Клуб на замке, на спортплощадке козы пасутся. Разве что где-нибудь за околицей девчата затянут песню.

Постепенно привыкал к людям, изучал их интересы, запросы. Перед ним, молодым директором, встала важная проблема: как удержать кадры. Молодежь норовит после школы пристроиться в городе, со стороны не примешь — нет жилья. Посоветовался с коммунистами хозяйства. Те поддержали Сергачева: да, любыми способами надо строить жилье.

Подрядчика нашли быстро, а вот с некоторыми материалами получилась загвоздка. Сергачев — в Кунгурский горком, в горисполком: так, мол, и так, собрались строить, да вот... Помогли. Ездил по другим районам, искал

излишки кирпича или шифера. Строить помогали будущие новоселы — свои же рабочие. Дела шли споро.

Вскоре заселили первый двухэтажный дом. Директор радовался этому событию, пожалуй, больше самих новоселов. Вечером в клубе по такому поводу концерт состоялся. Выступали птичники, шоферы, полеводы. Директор смотрел и дивился: «Смотри-ка, сколько у нас талантов!»

Лиха беда — начало. Рядом с новым домом заложили фундамент второго. Одновременно началось строительство птицефермы, мастерских, магазина. Для рабочих строительно-ремонтного цеха, созданного тогда же в хозяйстве, начались горячие дни. Успевай только переходить с объекта на объект.

Набиралось хозяйство сил, крепло. С 1959 года по 1969 год на производственное и жилищное строительство израсходовано более полутора миллионов рублей; поголовье птицы увеличилось с 12 тысяч до 130 тысяч; прибыль возросла в шесть раз. За год теперь барановцы производят 15 миллионов штук яиц. В летние месяцы птицефабрика получает до 80 тысяч яиц в день!

И с кадрами дела обстоят неплохо. Что касается молодежи, то у Германа Пантелеевича определенное мнение: не легкой жизни ищут парни и девушки, а интересной, содержательной. Теперь из Бараново уезжают разве что на учебу. Выпускники профессионально-технических училищ после службы в Советской Армии почти все возвращаются в свой коллектив.

Об успехах лучших птичник «Комсомольской» узнали далеко за пределами района. Александра Александровна Штейзель, Екатерина Федоровна Панферова, Евгения Николаевна Горохова и другие первыми в области стали получать по миллиону яиц в год.

...Владимир Кретов вошел в кабинет Сергачева. Поздоровался погромче, чтобы обратить на себя внимание директора, убиравшего со стола деловые бумаги. Герман Пантелеевич мельком взглянул на вошедшего, сказал, заканчивая свое дело:

— Здравствуйте, садитесь.

Тут же обратился к Владимиру:

— С чем пожаловали?

— На работу... Шофер я...

Директор некоторое время думал.

— Н-да... Шоферы нам сейчас не нужны. Вот через месяц-полтора новый газик получим, тогда... А пока, если хотите, на подмогу к строителям. Спортзал они заканчивают.

Теперь Владимир что-то прикидывал в уме. Сергачев не сводил с него взгляда.

— Согласен.

— Вот и хорошо, — сказал Герман Пантелеевич, — думаю, что приживетесь у нас. Видели, небось, уже деревню?

— Мельком.

— Понравится. А скоро еще лучше станет. Мы вот тут сейчас институтский проект застройки Бараново обсуждали. Скоро в центре усадьбы построим Дворец культуры, поблизости новое здание конторы птицефабрики, пятнадцать двадцатидвухквартирных домов, проезжую часть улицы заасфальтируем.

Владимир слушал директора, улыбаясь.

— Приживусь...

Сергачев подал руку:

— Добро. Идите немедленно оформляться. Дел-то у нас, сами видите, не впрок...

ПЕРВАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Сидорова Евдокия Николаевна родилась в 1922 году в деревне Березово близ Казани. С 1932 года живет на Урале. Во время войны начала работать на ферме. Е. Н. Сидорова стала замечательным мастером животноводства. Ее успехи были отмечены несколькими медалями ВДНХ. В 1966 году Евдокия Николаевна стала Героем Социалистического Труда.

В тихую пору предвечерья, когда не дрогнет истомленный знойной дневкой замшелый березовый лист, в пыльной завесе шло к селу стадо.

Доярки засустились: настал час вечерней дойки. Коров загоняли в стойла, ставили на привязь. Всех своих буренок Дуся называла по кличкам. «Иди, иди, Матыга, на свое место, — ласково подталкивала она пятнистую телку. — А ты, Верба, куда лезешь? Разве не знаешь, что здесь твоя соседка стоит?»

А где же Манета? Доярка огляделась — одно стойло было пустым. «Может, в другую секцию забрела?» — подумала Дуся. Но поиски были напрасными.

Закончив дойку, Дуся разыскала бригадира.

— Сима, у меня Манета с выгона не пришла. Всю ферму обегала — нет коровы.

Разыскиали пастуха. Тот стал оправдываться: не может того быть, все стадо с пастбища в целости перегонял.

— Не беда, — решила Сима, — побродит Манета по лужку ночью — утром сама объявится.

Но Дусю эти слова не успокоили. Манета была ее любимицей. По тридцать и больше литров молока в сутки давала. Рекордистка! А вдруг с ней что случилось? Пастбища в перелесье, кругом болота, завязнет ночью, а то и волки нападут.

Эти мысли не давали покоя. Рабочий день на ферме закончился, Дуся пошла домой, но на полпути свернула на дорогу, уходящую из села.

— Дуся, стой! Ты куда? — услышала она знакомый голос. Это была ее сестра Надя, она тоже работала дояркой и уже успела обо всем узнать.

Чтобы не тревожить сестру, Дуся пояснила, что хочет дойти до знакомой старушки. Та живет на окраине села и, может, приметил на клеверах корову.

И пошла. На небе уже замигали звезды. С реки донесся протяжный гудок парохода. Уже скрылись вдаль огни родного села, и ночь навалилась плотной чернотой. Вот выросла из темноты небольшая березовая роща. Отсюда, Дуся знала, надо сворачивать по тропинке влево. Через четверть версты начнется лес, а там за логом и выпасы.

В лесу было тихо и страшно. Скоро под подошвами туфель захлюпала вода, и девушка поняла, что подходит к болоту. Теперь надо было свернуть в сторону и пересечь лес. Но как трудно идти вслепую по лесу: протопку через лог в такую темень все равно не найти. Дуся шла напрямик, спотыкаясь о кочки и больно царапая лицо, руки и шею о кустарники и ветви деревьев. Она часто останавливалась и громко звала: «Манета!»

Наконец, впереди засветлело, и Дуся поняла, что выбралась на поляну. Здесь паслись в последние дни коровы с ее фермы. Дуся снова стала звать Манету, но тщетно.

Ей уже не хотелось никуда идти. Да и где теперь искать Манету? Кругом ночь, лес. И все это ее ребячье упрямство. Ну чего она добилась, почему не подождала утра? Что скажут о ее нелепом поступке на ферме?

Она встала с влажной от росы травы и, прихрамывая, пошла обратно. Сворачивать в лог Дуся не захотела, решила пройти прямо через лес и болото к проселочному тракту. Скоро лес поредел, почва сделалась вязкой. Дуся поминутно натыкалась на кочки, ноги по щиколотку проваливались в липкую топь. Она не знала, сколько времени брела вслепую, как вдруг совсем рядом в темноте послышался глухой, хрипловатый звук. Дуся замерла в испуге. Взгляд приковало что-то темное, шевелящееся. Она хотела закричать, но вдруг ее осенила догадка.

— Манета, — почему-то шепотом позвала Дуся. Через несколько секунд она уже гладила, ласкала свою любимицу.

Неожиданно радость сменилась испугом. Оказалось, что почти до половины Манета увязла в глубокой яме. Толстый обрубок дерева уперся корове в бок, и только чудом она не переломила застрявшие в кочковатом мхе задние ноги. Сперва Дуся растерялась, но на выручку пришла сообразительность. Она вспомнила, что где-то тут, у дороги, был старый развалившийся ток. На току нашелся обрывок веревки и несколько полусгнивших бревен. Все это с великим трудом девушка перетащила к яме и, устроив нечто вроде помоста, помогла Манете выбраться из плена...

А вечером к Дусе подошел пастух:

— Молодец! И мужику бы с этим не сладить, а ты вон какая! Был я сейчас на том болоте, где Манета твоя в колодине встряла. Вина тут моя, значит...

В конце недели в совхозе проходило собрание. Подводились итоги работы за первую половину последнего военного года. И вдруг Дуся услышала приказ директора совхоза: ...объявить благодарность за честное исполнение своего рабочего долга передовой доярке Евдокии Николаевне Сидоровой.

То была первая в ее жизни благодарность.

ГЛАВНЫЙ РЕЗЕРВ

Силин Николай Федорович родился в 1919 году в деревне Тулумбаихе Оханского района Пермской области. С юношеских лет работал в колхозе, получил специальность механизатора. В 1945 году участвовал в войне с милитаристской Японией. Демобилизовавшись, работал бригадиром колхоза «Новая деревня» (ныне совхоз «Прикамский»).

В 1947 году в бригаде Н. Ф. Силина с каждого из ста гектаров сняли более чем по 30 центнеров зерновых. За это Николаю Федоровичу присвоили звание Героя Социалистического Труда.

С 1949 года Н. Ф. Силин работал трактористом Окуловской МТС.

В 1956 году Николай Федорович Силин скончался.

Еще свежа была в памяти война, еще вернувшиеся с фронта не сняли шинелей, а жизнь уже торопливо шагала мирной дорогой.

В правлении «доводили до бригад» план 1947 года. В задании, врученном бригадиру Силину, в графе «Урожайность зерновых» стояла цифра 18, а в графе «Урожайность картофеля» было проставлено твердой рукой агронома «150». Задания, что и говорить, могли пока-

заться завышенными, но на заседании правления Николаю Федоровичу сказали: «План есть план».

Основа для этого плана была. «Новая деревня» и прежде удивляла высокими урожаями. Но чем выше результат, тем труднее его превзойти...

Заседание правления кончилось ночью. Шагая к дому под осенним дождем, Силин вспомнил, как, получив задание, он по-солдатски резво встал, оправил под ремнем гимнастерку и рубанул: «Есть!»

Выходит, фронт для тебя, Николай, не кончился и, как на фронте, надо выкурить папироску и раскинуть умом, как быстрее и аккуратней выполнить приказ, где отыскать резервы...

Совсем недавно вернулся Силин из армии, но успел узнать многое.

Агроном Граков («Всем нам учитель», — отзывались о нем колхозники) в первую же встречу, не дослушав солдатских баек, которых Николай знал множество, повернул разговор на... органику. Оказалось, что этой органики, а попросту говоря, навоза, на колхозных дворах немного, и поля не получают того, что им требуется. Но самое тревожное — закисленность почв. Спешно, срочно следует известковать землю, иначе урожайность не то что вверх — вниз пойдет.

— Сколько же надо известить? — спросил Силин. — На гектар по центнеру?

Граков обиделся:

— Что толку от одного центнера?

Но где взять известь — Граков не знал.

Сосед-бригадир Полуносов, одноклассник и давнишний приятель, заботился о другом: распахать бы полоски и клинышки, что на полях остаются, ладом оформить дороги (пусть не крадут лишней земли!) да распахать бы залежи. Тогда все поле, от межи до межи, станет работать.

— Иначе с хлебушком будет туго, — заканчивал свои рассуждения Полуносов.

— С хлебушком не туго, а вот без хлебушка — действительно. — Силин любил пошутить и умел повернуть на шутку любой разговор.

Но, сказать правду, было ему не до смеха. Не потому только, что не было известить и что заняться залежами означало добровольно взвалить на себя большую за-

боту. Разве одна земля устала за военные годы? Устали люди. А от их настроения во многом зависит урожай...

Еще не знал бригадир Силин, возвращаясь осенней ночью 1946 года с заседания правления, что скоро отправит он обоз на известковый карьер (за пятнадцать километров в другой колхоз) и заскрипят по морозу сани, груженные тем самым туфом, о котором мечтал агроном Граков; что другой обоз он отправит в Оханск, где по дворам соберут колхозники куриный помет и золу; не предполагал, что, распахивая залежи, доберется до старой пустоши, где всего-то доброго — одна галька, что поднимет ее и заставит родить хлеб... Не мог знать всего этого Николай Федорович в ту ночь. Но уже тогда, обдумывая, как исполнить приказ, он знал, что прежде всего снабдит вдов и сирот дровами, старикам поможет продуктами, договорится с МТС, чтоб на работу и с работы женщин возили на автомашинах. Тогда и дело двинется полным ходом.

...Много воды утекло с той осени в Тулумбаихе и Половинке — речках, окаймляющих просторное поле, названное народом Широть, где прославил себя бригадир Силин, вырастив редкостный урожай. Давно нет в живых Николая Федоровича. Но не забыт людьми его облик и его характер. На вопрос о Силине старые колхозники ответят вам, что «был Николай Федорович роста среднего, смугловатый, черноволосый», что был у него «спрос по работе». А самое главное будет выражено так: «Имел он подход к людям...»

ГЕРОИНЯ

Ситникова Пелагея Терентьевна родилась в 1924 году в станции Верениковской Краснодарского края. Трудовую деятельность она начала пятнадцати лет. После войны Пелагея Терентьевна работала звеньевой в совхозе «Хирса» Грузинской ССР. За выдающиеся достижения в выращивании винограда ей в 1949 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Переехав в Тульскую область, П. Т. Ситникова работала в тресте «Щекингазстрой». С 1952 года она трудится в нефтедобывающей промышленности Западного Урала. Была маляром, руководителем комплексной бригады отделочников на новостройках нефтяной индустрии.

В настоящее время Пелагея Терентьевна Ситникова живет в городе Чернушке Пермской области. Она работает председателем постройкома строительно-монтажного управления № 5. Является членом КПСС, избрана депутатом Пермского областного Совета депутатов трудящихся.

Однажды маленькая Палаша забралась к отцу на колени и тихонько сказала:

— Тату, а я сегодня с Грицком подралась, и он убежал...

— Ну и герой! — усмехнулся отец, поглаживая

льняные косички Палаши. — Только драться, доченька, нельзя.

Девочка подросла, стала матери помогать по хозяйству. Потом с одноклассниками выращивала хлопок на уроках трудового воспитания. Ходила на покос с колхозниками. Пропалывала поля. Бойкая, смышленная и настойчивая, она все чаще слышала от отца его любимую похвалу: «Ну и герой!»

Знал бы отец, что сбудутся его слова, что его любимца Палаша всего через семь лет станет знатным человеком в стране и грудь ее украсит Золотая звезда Героя... Не дожил он до этой поры — в 1942 году героически погиб в партизанском отряде. В родной станице в тот роковой день Палаши не было, а когда пришла домой, матери и младшей сестры там не оказалось — их схватили гестаповцы и вместе с другими партизанскими семьями зверски замучили.

Ровно год бесчинствовали враги в станице. В августе 1943-го наши войска освободили ее, и колхозники начали восстанавливать артельное хозяйство. Ничего у них не было в запасе: ни лошадей, ни волов, ни семян. Станичники по горстям сносили в колхозный амбар зерно. И все-таки провели посевную.

Пелагея Штаба (такова ее девичья фамилия) стала учетчиком бригады, но ей хотелось своими руками выращивать хлеб. Только что она вступила в комсомол и считала, что обязана быть там, где труднее. Девушка стала рядовым полеводом, потом возглавила звено.

На работе Пелагея не жалела себя, и это помогало на время забыть личное горе. А чуть выпадал свободный час и она выходила на улицы станицы — все напоминало ей о былом: о матери и сестре Лиде, замученных в гестаповском застенке, о погибшем отце, о брате, на которого пришла похоронная с фронта...

Пока шла война, Пелагея терпела. Но когда начали возвращаться домой оставшиеся в живых станичники, стало невыносимо тяжело: ей некого было ждать и встречать.

В 1947 году из Грузии пришло письмо от подруги: приезжай, мол, здесь ждут новых людей, очень много работы на виноградниках. Поехала. В совхозе «Хирса», что в Кахетии, встретили хорошо. Узнали, что была звеньевой в колхозе, сказали: «Вот тебе двадцать пять деву-

шек, вот тебе пятьдесят гектаров виноградников. Не испугаешься?» Отказываться не стала, но напрямик спросила: «А учить будете?»

Знакомясь с девушками своего звена, Пелагея узнала, что они тоже никогда не выращивали виноград.

Пришли на свой участок, а там и не разобрать, где виноградные лозы, где сорняки. Шалопай-трава выше виноградника на два метра, корни ее будто намертво сцепились с землей. Агроном посоветовал:

— Руками, девушки, дергайте, да смотрите, чтобы корнями шалопая корни винограда не повредить.

А стебли этой травы словно застарелая болотная осока. В первый же день руки у девушек были как бритвой изрезаны, ночью не уснуть — так и жгло. А утром, чуть свет — снова на плантацию.

Они выдержали самый трудный экзамен — на стойкость. К моменту полива все пятьдесят гектаров были тщательно очищены от сорняков, оцинкованы, то есть освобождены от веток-пасынков, не дающих плодов. Пришла комиссия; звено Пелагеи похвалили, поставили в пример другим.

Пока шел полив, ухаживали за миндальными садами. А виноград наливается быстро, менее двух недель. Тут и настал самый ответственный период — сбор ягод. Для этого нужен навык, опыт. Посмотрела Пелагея, как работают на сборе винограда коренные кавказцы, — музыканты да и только. А ее пальцы огрубели от шалопай-травы и ножниц-секачей, стали непослушными. Боялась, что не сумеет со своим звеном вовремя собрать урожай.

Среди ночи, тихо, чтобы не разбудить подруг, уходила на участок, тренировалась, а утром, чуть выглянет солнце, вместе с девушками начинала рабочий день. Через неделю заметили ее спорую работу, подивились: «Палаша, а ты, случаем, не в Грузии родилась?»

Звено Пелагеи раньше других закончило уборочную страду. Урожай собрали на диво: по сто пятьдесят центнеров с гектара вместо восьмидесяти плановых. Самый богатый урожай в совхозе!

Снова пришла весна. На участке Пелагеи сорняков было мало. Прибавилось времени для того, чтобы убрать каждую лозинку, напрасно пьющую влагу, удобрить почву. Удобрения девушки носили в передниках, од-

ной рукой разбрасывали между кустов так, чтобы они не падали близко к стволам, иначе могут сгореть корни, и куст пропал.

Осень опять порадовала обильным урожаем. Собрали по сто восемьдесят центнеров солнечных ягод с гектара!

В 1949 году звено Пелагеи Ситниковой (тогда она уже носила фамилию мужа) вновь повторило рекорд. Еще когда зрел урожай, девушкам сказали: «Будете представлены к наградам». Они посмеялись: за что это, мол, ведь ничего особенного не совершили?

И вот 5 октября 1949 года пришли газеты с Указом о награждении. Потом шли потоком приветственные телеграммы со всех концов Грузии. Потом звено в полном составе повезли в город Телави, пригласили в нарядный зал Дворца культуры, усадили на самые почетные места.

«...Присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением...» — эти слова Пелагея Терентьевна восприняла так, будто речь была не о ней. Шла она через при тихий зал к столу президиума, самая молодая среди награжденных, ничего не видя перед собой от переполнившего ее волнения и счастья. Ей навстречу поднялась седая женщина с золотой звездой Героя на груди, старейший в республике мастер высоких урожаев, расцеловала Ситникову в обе щеки и громко сказала:

— Спасибо, доченька!

Зал загремел аплодисментами, и они не прекращались до тех пор, пока Пелагея Терентьевна не вернулась на свое место, тоже со звездой Героя Социалистического Труда. А рядом сидели все двадцать пять ее подруг, и на груди у них сияли ордена.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

Соколов Александр Васильевич родился в 1922 году в городе Сим Челябинской области. В 1950 году окончил Московский зоотехнический институт коневодства и стал работать зоотехником в 9-м конном заводе Пермской области. В 1958 году был назначен директором этого хозяйства. За выдающиеся производственные достижения удостоен звания Героя Социалистического Труда.

А. В. Соколов был делегатом XXIII съезда КПСС.

Из Москвы Миропия Николаевна Хрусталева вернулась радостная, возбужденная. Да и как было не радоваться: одна из лучших коров фермы по кличке Авторитетная была награждена дипломом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

На выставке к Авторитетной подходили многочисленные экскурсанты, специалисты. Уважительно посматривали на табличку, на которой было указано, что эта не очень крупная корова дала за лактацию 7700 килограммов молока при жирности четыре процента.

— Надо же! Где-то на Урале — и такие надои!
Кто-то пошутил:

— Теперь у Авторитетной будет всесоюзный авторитет.

Подошел как-то иностранец с переводчиком. Переводчик, выслушав иностранца, повернулся к Хрусталевой:

— Господин предполагает, что этой корове были созданы условия специально ради рекорда. Так ли это?

Хрусталева улыбнулась.

— Условия у нас для всех коров одинаковы, а что касается рекорда, то он принадлежит Арфее — около девяти тысяч килограммов...

Вообще-то ехать на выставку должна была Анфиса Григорьевна Кудымова, которая постоянно ухаживала за Авторитетной. Но Анфиса Григорьевна приболела и делить славу с семитысячницей пришлось Хрусталевой. Она-то и привезла подруге золотую медаль Выставки.

Но Миропия Николаевна справедливо считала, что высокая награда — это оценка работы всего коллектива. Потому-то она с радостью делилась впечатлениями с зоотехником Александром Васильевичем Соколовым.

В 1953 году, четыре года назад, его, молодого специалиста, вызвал директор хозяйства Лямин и сказал, что пора создавать крупную ферму высокоудойных коров. Два десятка имеющихся сейчас коровенок — это не ферма. Надо раздобыть породистых телок, которые бы стали ядром для будущего продуктивного стада. Есть деньги, есть разрешение на закупку телок. Надо действовать.

— Выходит, я должен выступить в роли «толкача»? — осторожно спросил Соколов.

— Не совсем так, — ответил директор. — Просто надо проявить находчивость.

Главный зоотехник известного на всю страну совхоза «Исток» Свердловской области Бурдин, пробежав бумаги очередного «просителя», внимательно посмотрел на высокого, по-юношески стройного молодого человека. Вздыхнул, спросил недовольно:

— Так откуда вы?

— Девятый конный завод. Пермская область. Ваши соседи. Ну, а соседи соседям, я считаю...

— Не слыхал такого хозяйства, — бесцеремонно перебил гостя Бурдин. — Все к нам едут. Одному дай, другому... А где я должен взять этих телок? Где?

— Ваши черно-пестрые по всей стране ценятся...

— Ладно. Завтра вам выделяют четырнадцать телок. А пока — до свидания.

Соколов вспыхнул.

— Я не согласен. Я должен сам отобрать телок.

— О-то-братъ? Молодой человек, в ваши годы...

Затрезвонил телефон. Бурдин взял трубку.

— Слушаю. Как так? Сейчас же выезжаю! — положил трубку, вскочил, чем-то обеспокоенный, но тут же вспомнил о посетителе. — Да, так вот: в ваши годы... Ну да ладно, скажите осеменатору, что я разрешил вам отобрать четырнадцать телок из группы в двадцать голов. Он знает.

Соколов спускался по лестнице конторы, улыбался. «Здорово! Четырнадцать из двадцати — это не четырнадцать из четырнадцати. Это уже отбор».

На следующий день Александр Васильевич без особого труда отделил шесть телочек похуже и сказал, что остальных забирает. До отхода поезда еще оставалось достаточно времени, и он попросил поводить его по скотным дворам, показать животных.

Ходил не спеша из корпуса в корпус, любовался совхозными коровами и телятами и вдруг остановился, увидев семи-восьмимесячную телочку. Бросилась в глаза та важнейшая черта, которую специалисты определяют одним словом — породность.

Телку звали Авторитетная. Казалось, кличка соответствовала ее внешним данным. Осеменатор, догадавшись, почему гость задержался возле клетки, спокойно заметил, что Бурдин ни за что на свете не отдаст Авторитетную. И все-таки Соколов решил остаться в совхозе еще на день-другой.

Главный зоотехник не помнил родословную всех совхозных телок. Узнав, что пермяку приглянулась Авторитетная, попросил принести документы. Глянул в них и ахнул.

— Да, губа не дура! Передайте ему, что Авторитетную он не получит ни за какие деньги.

Что же придумать, чтобы получить Авторитетную?

В изоляторе Соколов приметил несколько больных, исхудавших телок. Совхоз, конечно, рад будет от них избавиться. Значит...

При новой встрече с Бурдиным Александр Васильевич сделал такое предложение. Он берет пару больных

телок, а впридачу к ним — Авторитетную. Затем, видя, что Бурдин от этого предложения не в восторге, добавил:

— Плюс к тому перечисляем вам десять тонн сена...

И Бурдин согласился. Возможно, он посчитал договоренность выгодной для совхоза, а скорее всего, ему понравилось то, с какой настойчивостью молодой зоотехник радеет за интересы своего хозяйства. Дело в конце концов не в деньгах, — считал Бурдин, — отдать добрую корову в надежные руки не жалко. Пусть будет больше совхозов с племенными коровами, от этого государству огромная польза.

А Соколова мучили сомнения. Не много ли он берет на себя, покупая телку втридорога? Не ошибся ли в выборе? Ответ на эти вопросы могли дать лишь годы.

Прошли годы, и выяснилось, что затраты окупились вдвойне. От Авторитетной получили замечательных телят, в том числе бычка Актера — гордость фермы.

Появились в 9-м конном заводе и другие высокоудойные коровы. Строгое соблюдение правил зоотехнии, заботливый уход за животными — все это принесло коллективу племенной фермы широкую известность. Еще не раз привозили доярки из Москвы медали Выставки. Дважды серебряными медалями был отмечен и труд Александра Васильевича. Но самой памятной для него осталась та, золотая, хотя она и принадлежала не ему.

ЖИЗНЬ — ТВОРЧЕСТВО

Соловьев Павел Александрович родился в 1917 году в деревне Алекино Кинешемского района Ивановской области. В начале 1940 года окончил факультет авиадвигателей Рыбинского авиационного института.

Яркий талант, незаурядная творческая индивидуальность быстро выдвинули П. А. Соловьева в ряды крупнейших специалистов. Он становится заместителем генерального конструктора авиационных двигателей, а еще через несколько лет приходит к руководству конструкторским коллективом.

Павел Александрович Соловьев — член КПСС с 1943 года, был делегатом XXII съезда партии.

Выдающиеся заслуги П. А. Соловьева в развитии советского двигателестроения отмечены многими правительственными наградами. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. Ему присвоено звание лауреата Государственной премии СССР.

Павел Александрович Соловьев является профессором, доктором технических наук.

В 1970 году П. А. Соловьев избран депутатом Верховного Совета СССР.

На цветной фотографии знакомое всему миру лицо Космонавта-1. Его рукой сделана надпись: «П. А. Соло-

взвешивать на память о совместном пребывании в Париже. Юрий Гагарин».

Они познакомились в столице Франции, когда там проходил Международный авиационный салон. На аэродроме Ле-Бурже демонстрировались десятки самолетов, вертолетов и ракет, созданных во многих странах мира. СССР готовился к пятидесятилетию Советской власти, и символичным казалось, что наша страна была представлена самой мирной техникой неба — гражданскими самолетами и вертолетами.

Около гигантского вертолета Ми-6 собралось множество зрителей, образовалась толпа. Вдруг она расступилась, уступая дорогу Гагарину. Космонавт-1 вплотную подошел к машине, тронул носком ботинка могучий скат и широко улыбнулся.

Ему представили главного конструктора Павла Александровича Соловьева. Пояснили: это его коллектив создал самый мощный в мире двигатель Д-25В, который установлен на вертолете.

Космонавт и конструктор обменялись рукопожатием.

Это была знаменательная встреча. В свое время Юрий Гагарин проходил первоначальное обучение на самолетах с поршневыми двигателями одного из родоначальников советского авиамоторостроения А. Д. Швецова. Сейчас перед ним был ученик и преемник Швецова, ушедший далеко вперед от своего учителя.

Страна готовилась к пятидесятилетию Великого Октября, а ровесник революции Павел Александрович Соловьев готовился еще и к собственному пятидесятилетию. Сын кинешемских текстильщиков, он прошел удивительно яркий путь. В двадцать три года — инженер, в тридцать один — первый заместитель генерального конструктора, еще через пять лет — главный конструктор. Везение, счастливое стечение обстоятельств? Ничуть не бывало. Талант и труд, труд и талант — вот что освещало этот путь. И еще влюбленность в свое дело, осознанно избранное в молодые годы.

В школе Соловьев числился первостатейным математиком и физиком. Уже тогда он решил, что станет инженером. Находившийся неподалеку авиамоторостроительный завод подсказал ему будущую специальность: авиационное моторостроение.

Бурные тридцатые годы словно торопили юношу. По-

вальное увлечение авиацией и ему не давало покоя. После девятого класса он простился со школой, за несколько месяцев осилил программу десятого класса, сдал вступительные экзамены и был зачислен в Рыбинский авиационный институт.

Небольшой городок на Ярославщине, как и вся страна, жил героикой блистательных воздушных перелетов. Именно Громова, Чкалова, Коккинаки витали над институтом, будоражили воображение. Соловьев пришел в аэроклуб и заявил, что будущий инженер-моторостроитель должен уметь летать. Его, студента, зачислили преподавателем конструкций двигателей, одновременно он изучал штурманское дело. Налетав положенные часы, Соловьев еще до окончания института стал преподавать своим однокашникам и штурманское дело.

Но вот и долгожданный диплом инженера, и вместе с ним направление в одно из крупнейших конструкторских бюро. Первая встреча с шефом — знаменитым Швецовым, чьи двигатели поднимали в небо истребители Поликарпова и бомбардировщики Туполева. Еще не были ясны творческие возможности молодого конструктора, но его богатая теоретическая, особенно математическая, подготовка открылась шефу в первой же беседе.

А через три года — первая правительственная награда, медаль «За трудовую доблесть». Это за участие в создании двигателя АШ-82ФН, который дал жизнь замечательным истребителям Лавочкина. Шла война, стране нужны были боевые машины, и Соловьев вместе со всеми работал на победу.

Незадолго до победного сорок пятого, когда войска уже держали путь на Берлин, в конструкторском бюро родились первые эскизы двигателя для мирного пассажирского самолета. Работа была длительная, то и дело отвлекали задания фронта, и завершить ее удалось только после окончания войны. Но страна получила великолепный Ил с мощным надежным двигателем, и с той поры советская авиация вышла на международные воздушные линии.

Большой вклад в это важное дело внес Соловьев. Он уже был первым заместителем Швецова.

Творческая зрелость пришла вместе с самостоятельностью. В начале пятидесятых годов Павел Александрович возглавил конструкторский коллектив и одно-

временно начал перестройку всей работы. Теперь ему пришлось заниматься не поршневыми, а турбореактивными двигателями. Ни у него, ни у его товарищей поначалу не было необходимого опыта, но это не стало помехой. Новое осваивалось в процессе практики.

Со студенческих лет склонный к научно-исследовательской работе, Соловьев теперь отдался ей полностью. Она тесно соединилась с его конструкторской деятельностью, и эта взаимосвязь во многом предопределила успех конструкторского коллектива. Доктор технических наук профессор Соловьев стал как бы источником теоретических идей. Под его руководством были созданы самые современные двигатели для самолетов и вертолетов. В том числе и для Ми-6.

Там, в Париже, наши вертолеты не имели себе равных. Английский журнал «Флайт» отмечал: «По сравнению с русскими гигантами Ми почти все экспонаты на выставке казались карликами».

Этот триумф объяснила газета «Правда», которая после закрытия Международного салона писала: «Секрет огромного успеха советских вертолетов в Париже кроется и в том, что они имеют самые мощные в мире двигатели Д-25В главного конструктора П. А. Соловьева.

Но, пожалуй, основное достоинство этих силовых установок заключается в том, что они работают на одном редукторе. Это значительно увеличивает грузоподъемность и безопасность полета. В случае отказа одного двигателя можно лететь на втором. Впрочем, даже если выйдут и оба двигателя из строя, что является редчайшим случаем, вертолет совершит благополучную посадку на авторотации, то есть на режиме самовращения лопастей воздушного винта».

Вертолеты с двигателями Соловьева получили мировую известность. Во время показательного перелета Ми-6 по странам Западной Европы газеты Дании, Голландии, Франции, Швейцарии, Австрии именовали его не иначе как «исполин из Москвы», «король вертолетов». И это были не просто красивые слова.

В Швейцарии, например, советский вертолет по просьбе местных фирм, строящих в Альпах линии электропередачи и подвесные канатные дороги для туристов, выполнил работы высшей категории трудности. Он доставил в горы, на высоту 2 677 метров, кабину для под-

весной канатной дороги, вмещающую сто человек. Кроме того, Ми-6 установил на высоте от 800 до 1 000 метров тридцать одну мачту для высоковольтных линий. При этом двигатель работал безотказно, без единой помехи.

Не случайно годом раньше тот же Ми-6 совершил посадку на одной из вершин Эльбруса!

Творческое содружество объединяло Соловьева не только с прославленным конструктором вертолета Милем. Многие его связывало и со старейшиной советских авиаконструкторов Туполевым.

«Правда» на своих страницах рассказывала: «Павлу Александровичу Соловьеву в Париже приходилось быть гидом двух родов авиации. Дело в том, что его реактивные двигатели марки Д-20П установлены еще на ТУ-124. Это двигатели двухконтурного типа, имеющие два компрессора, которые создают большую степень сжатия, большую мощность.

И что еще очень важно: эти двигатели имеют хорошую экономичность по сравнению с обычными турбореактивными и целый ряд других преимуществ. Такие же двигатели, только еще более совершенные, модернизированные, и на ТУ-134. На выставке никому не надо было объяснять, почему турбины установлены в хвосте. Всем и без того ясно, что это удобно, создает меньше шума».

Так Герой Социалистического Труда Павел Александрович встретил свое пятидесятилетие. В приветственном адресе от коллектива Центрального ордена Ленина института авиационного моторостроения были строки, которые точно определили вклад Соловьева в развитие техники: «Являясь представителем второго поколения советских авиаконструкторов, воспитанником и преемником Героя Социалистического Труда А. Д. Швецова, Вы приняли на себя творческие и организационные обязанности главного конструктора в сложный и ответственный период перехода нашей промышленности и руководимого Вами КБ на новую технику, показав при этом образцы ясного понимания задачи, целеустремленность и смелость в решении сложных проблем.

Продолжая развивать славные традиции старейшего в стране коллектива, Вы сплотили вокруг себя квалифицированный коллектив, способный решать задачи большой технической трудности.

Под Вашим творческим руководством разработаны и внедрены в широкую эксплуатацию новые типы авиадвигателей, завоевавшие признание как в нашей стране, так и за рубежом».

Идут годы. Павел Александрович по-прежнему со своим коллективом, и по-прежнему новые научно-технические идеи внедряются в жизнь.

В напряженных творческих буднях, казалось бы, нет места для иных, кроме конструкторских, интересов. Но пристрастия Павла Александровича простираются значительно дальше «цеховых» рамок. Он большой книголюб, знаток и ценитель художественной литературы. В зимнюю пору для него нет большего удовольствия, чем дальняя лыжная прогулка. Ему доставляет радость кинокамера, с которой он побывал не в одной стране.

И все же конструктор остается конструктором. Прослышав от медиков, что они бессильны в лечении сложного заболевания — еще не создан необходимый инструмент, — Павел Александрович в свободную минуту обдумывает идею этого инструмента. Эскиз за эскизом, серия расчетов — и вот, наконец, готов опытный образец. Как знать, быть может, придет время, когда хирургический инструмент авиационного конструктора станет помогать людям. Соловьев очень чуток к людям, с сердечной теплотой отзывается на их просьбы. Кому-то срочно нужно санаторное лечение, кому-то понадобилась консультация для поступления в институт — Павел Александрович всегда придет на помощь.

«Трудящиеся нашего завода знают Павла Александровича как исключительно душевного и отзывчивого человека». Это слова рабочего-моторостроителя Аликина. Он произнес их с трибуны многолюдного собрания при выдвижении Соловьева в высший орган государственной власти.

Замечательный конструктор, ученый, общественный деятель, человек большой души — таков Герой Социалистического Труда Павел Александрович Соловьев.

МЕСТО В ЖИЗНИ

Солоха Григорий Григорьевич родился в 1923 году на станции Сенча Полтавской области. Здесь же, в качестве счетовода, начал свой трудовой путь. Участвовал в Великой Отечественной войне.

Окончив годичные курсы мастеров, получил направление в строящийся горняцкий город Гремячинск, где возглавил первую комплексную бригаду строителей. Высокими темпами в работе она завоевала широкую известность. Григорию Григорьевичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сейчас коммунист Г. Г. Солоха является председателем постройкома Гремячинского стройуправления треста «Кизел-шахтстрой».

Председатель медицинской комиссии был неумолим.

— Нет, не могу, — говорил он. — Я руководствуюсь приказом. Вы не хуже моего понимаете, что такое дисциплина. — Он повернулся к медсестре и начал диктовать: — Сержанта Солоху Григория Григорьевича признать годным к нестроевой службе...

— Значит, по-вашему, я сейчас ни на что не способен? — мрачно спросил высокий худощавый сержант, на вытяжку стоявший перед столом.

— Ну зачем так отчаиваться? Перед вами открыты все дороги... кроме той, что ведет на передовую.

Так сержант Солоха после ранения попал в строительную часть. Простого рабочего парня не надо было учить обращению с топором и лопатой.

— Подождите, ребята, — часто говаривал старшина роты, широкий в кости сибиряк с прокуренными усами. — Кончится война — работы нашему брату будет хоть отбавляй. Такая уж у нас, строителей, планида. Званием строителя гордиться надо. Куда ни глянь — везде его дела видны. Города, заводы, шахты, мосты — чьих рук работа? Строителя! Так-то, елки-березки.

И вот — победа. Над фашистским рейхстагом взвилось советское знамя. Люди стали возвращаться к мирному труду.

Демобилизовался и Григорий Солоха. К этому времени он твердо решил: будет строителем. Проработав некоторое время на реконструкции одного из уральских заводов, уехал учиться в школу мастеров. После ее окончания получил направление в Гремячинское строуправление треста «Кизелшахтстрой». Молодой горняцкий город только строился, и работы было много.

Солоху назначили бригадиром каменщиков, и он почувствовал себя так, будто ему доверили командование подразделением. Невольно вспомнилась армия, где солдаты о командире судят по тому, как он заботится о них, по его способности правильно действовать в любой обстановке, выполнить боевую задачу.

Вот и теперь надо было отвечать не только за работу многих людей, но и за поведение каждого из них. Ребята в бригаде подобрались молодые, и руководить ими нужно с умом.

Григорий знал, что «горлом» в обращении с молодежью ничего не возьмешь. Живой пример убедительнее всякого распоряжения. Поэтому, давая задание, он постоянно был готов взяться за мастерок, чтобы показать рабочему, как надо быстро и правильно вести кладку.

Солоха пристрастился к чтению технической литературы, интересовался новинками строительного дела. Особенно увлекла мысль о создании комплексной бригады.

— Хочу по-новому работать, — поделился он с начальником участка. — Должно получиться. Главное, время можно будет экономить.

Его поддержали, и Солоха принялся комплектовать бригаду. Набрал в нее каменщиков, бетонщиков, плотников, печников, арматурщиков, маляров. Вместо тридцати человек стало пятьдесят.

Григорий хотел добиться полной взаимозаменяемости, чтобы каждый мог переключаться с одного вида работы на другой. Он хорошо знал случаи, когда из-за перебоя в подвозе кирпича каменщики по полдня сидели без дела. Между тем, будь они знакомы с плотницким ремеслом, вполне бы могли заняться подготовкой лесов. Теперь бригада Солохи могла не только класть стены, но и закладывать фундаменты, штукатурить. Помогая друг другу, люди постепенно овладевали смежными специальностями, становились мастерами на все руки.

Испытание на зрелость бригада проходила в конце 1955 года. Для выполнения годового плана управлению оставалось построить и сдать в эксплуатацию 24-квартирный дом. Времени на это давалось мало — всего месяц. Задача трудная, и решили обратиться к Солохе.

— Возьмешься? — спросили его.

— Пусть только с материалами не подводят, — ответил бригадир.

Никогда еще бригада не работала так самоотверженно, как в эти суровые декабрьские дни. Люди не жалели сил. Мороз перехватывал дыхание, снег слепил глаза, но смену начинали и кончали затемно.

Еще совсем недавно на месте стройки белело поле, ветер наметал сугробы. Но с приходом сюда бригады Солохи все переменилось. Этаж за этажом поднималось здание. Потом на каменном острове появились стропила, затем крыша, в рамках заблестели стекла, из труб повалил дым.

Ответственное задание было выполнено досрочно — за двадцать четыре дня.

С той поры к бригаде Григория Солохи пришла слава.

Надолго запомнилось бригадиру возведение надшахтных сооружений двух строящихся гремячинских шахт. Шел первый год шестой пятилетки. Горняки Кизеловского бассейна соревновались за увеличение добычи топлива. Шахтостроители торопились сдать в эксплуатацию 75-ю и 77-ю.

Григорий забыл про отдых. Люди удивлялись, как он

езде успевает. Вроде бы всего минуту назад был на объекте, показывал, как укладывать перекрытия, а смотришь — уже едет на полутной машине к железнодорожникам, чтобы выяснить, почему «застряли» вагоны с материалами. Просил, доказывал, требовал.

Наконец объекты закончены. На смену строителям пришли горняки. Заработал подъемник, опуская в черный зев ствола первую клеть. Потом на-гора выдали первые тонны угля, и шахты зажили обычной жизнью, будто построили их много лет назад.

Ударный труд шахтостроителей был отмечен по заслугам. Многие из них получили высокие правительственные награды, а бригадиру комплексной бригады Григорию Григорьевичу Солохе было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

ЛИНИЯ БРИГАДИРА

Стародумов Яков Федорович, 1927 года рождения, уроженец Кировской области. Свой трудовой путь он начал в 1947 году в Кизеловском бассейне, на шахте № 39, крепильщиком, затем перешел в бригаду навалоотбойщиков, где проработал двадцать лет, из них пятнадцать — бригадиром. За ударный труд и высокие технико-экономические показатели горняки бригады в 1966 году были награждены орденами и медалями, а Я. Ф. Стародумов удостоен звания Героя Социалистического Труда. Награжден он и знаками шахтерской доблести.

Яков Федорович Стародумов работает горным мастером на шахте № 24/38. Он избран депутатом Кизеловского горсовета.

Наряд закончен, задание на смену получено. Но помощник начальника участка Герой Социалистического Труда Габдрахимов не спешил отпускать бригаду.

— Подзадержитесь, ребята, — сказал он, — отдел кадров предложил новичка. Думаю, вам самим надо решить — брать или не брать. Эй, там, за дверью, — крикнул он. — Заходи знакомиться!

В дверь протиснулся крупный детина. Независимой

походкой он прошел к столу и сел на стул, который обычно занимал горный мастер.

— Рад познакомиться, братва, — сказал он, блеснув золотым зубом. — Гражданин начальник сомневается, смогут ли мои интеллигентные руки (он положил увесистые ладони на стол) с лопатой совладать.

Шахтеры запереглядывались, зашептались.

— Сплошная мускулатура.

— Сила есть — ума не надо, — слышались реплики.

Новичок поднял предупреждающе ладонь.

— Ша! Просьба личность не трогать. Жора этого не любит. Давайте вопросы по существу.

Яков не выдержал.

— Слушай, Жора, не ломай комедию. Скажи прямо, что тебе надо в шахте — длинный рубль, мундир Почетного шахтера или пенсия в пятьдесят лет?

— Отвечаю: вспыхнувшая любовь к труду. И все остальное, само собой. К тому же моя невеста спит и видит себя женой шахтера. Убедительно?

В конце концов Жора ушел в учебно-курсовой комбинат, получив направление на десятидневный инструктаж. Ребята сгрудились вокруг бригадира, заспорили. Новичок у всех оставил неприятный осадок.

— Лава покажет, чего он стоит, — заключил Яков. — Может, у него честные намерения, а мы к нему спиной... Пошли на смену, по дороге все обговорим.

Жора (будем называть его так) не врал насчет невесты. В рабочем поселке все на виду, ничего не скроешь. На другой день в бригаде уже знали, что есть такая девушка из семьи потомственных горняков, которая твердо заявила парню: или станешь шахтером, или прощай.

Наступил день, когда Жора спустился с ребятами в шахту. Смена предстояла тяжелая: не хватало пятерых рабочих, грипп подкосил. Да тут еще новичок будет под ногами путаться. Получит травму — отвечай за него. Но вроде не форсит, помалкивает.

— Почему «тормозок» не прихватил? — спросил у него Яков, не обнаружив никакого свертка.

— На шесть часов? — удивился Жора. — Я, бывало, сутками... Ой, братишки, это не взрыв метана?

Впереди глухо ухнуло. Упругая волна ударила в лицо.

— Не трусь. Взрывные работы. Проходчики штрек расширяют.

Пока бригада добиралась до лавы, Яков продумал расстановку сил в мельчайших деталях.

— Федя, — сказал он машинисту Крафту, — постарайся обойтись без помощника. Наваливать всем, крепить — тоже. Новичка беру на себя.

Машинист первым юркнул в лаву — настраивать и пробовать врубовку. Остальные пошли спускать лес. Жора пополз следом и застрял между стоек.

— Негабарит, — бормотал он. — Здесь работать только таким «вьюнам», как бригадир.

Яков неожиданно вынырнул из темноты.

— Тесновато у вас, — оправдывался Жора, пятясь к выходу.

— Что ты! Лава идеальная: сухая, пласт метровый, кровля устойчивая. Месяц назад было похуже. Мощность пласта ноль шесть метра, представляешь? Орудует, лежа на боку. Ползи за мной.

Загудела врубовка, загрохотал бар, выгрызая длинную щель в нижней части пласта. Яков дождался, пока машина ушла метра на два вперед, и взялся за отбойный молоток. Посыпались крупные куски. Жора поддевал их лопатой и кидал на ленту конвейера. Бригадир искоса бросал на него взгляды, продолжая налегать грудью на молоток. Новичок очень нерасчетливо расходовал силы. Не так ли было с ним самим, когда учеником ФЗО спустился впервые в забой?

Подошел отбойщик. Он перехватил молоток из рук бригадира. Яков перебрался к Жоре. Тот, стоя на коленях и согнувшись в дугу, через силу ковырял лопатой.

— Поостынь маленько, — сказал Яков, отбирая лопату. — Погляди, как это делается.

Жора вытянул задеревеневшие ноги и завалился на бок. Не было сил ни выругаться, ни колкость бросить. Отдышавшись, он поднял голову. Бригадир, раскачиваясь корпусом, кидал и кидал уголь на конвейер, как автомат. Локти прижаты, левая нога согнута в колене, правая вытянута. Равномерная нагрузка на все тело — догадался Жора и сплюнул от злости. А он держал на весу шахтерскую лопату, которая берет больше полпуда! Руки вытягивал из плеч. Десять дней втолковывали на техминимуме про вредные газы и обвалы, а как лопату держать, не показали. Мудрецы!

Он догнал бригадира.

— Понято и зарублено. Сам попробую.

Яков передал лопату, улыбнулся.

— Так удобней, правда? Только следи за дыханием. Отрабатывай, как для марафона. Пойду подмогну ребятам с креплением. Потом все гужом на конвейер навалимся.

Вскоре бригадир вернулся с тремя горняками. Дружно перекидали штыб.

— На «тормозок»!

Спустились в конвейерный штрек, сели в кружок. Жора — в сторонке. Яков сунул ему свой «тормозок».

— Подкрепись. Пойду на откаточный штрек порожняк выбивать. Там в буфете перехвачу.

Жевали, переругиваясь, подшучивая. Запивали из фляжек холодным чаем.

Пришел бригадир.

— С вагонами порядок. Теперь так. Двое продолжают подрубать и отбивать. Все остальные — передвигать конвейер и крепить. Есть возможность замкнуть за смену цикл.

— Сделаем, — ответили ребята. — С нами Жора...

После смены, когда неторопливой, усталой походкой двигались по откаточному штраку к стволу, Жора вспомнил:

— Буфет еще не прошли? Пивка бы холодненького...

В ответ — дружный хохот.

Жора понял, что бригадир разыграл его, чтобы скормить свой «тормозок». Обиды не было.

В нарядной их встретил Габдрахимов.

— Молодцы, спасибо, — сказал он растроганно. — Такого давно не бывало шахте. Семеро дали семьдесят тонн угля. Садитесь, отдыхайте, рассказывайте...

А что рассказывать? Обычная трудовая смена. Первая в жизни начинающего шахтера. Трехтысячная, может быть, в жизни бригадира Якова Федоровича Стародумова.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Субботин Василий Викторович родился в 1900 году в деревне Субботино Пермского района Пермской области. Одним из первых записался в колхоз, который субботинцы называли «Страда».

Работал рядовым колхозником, бригадиром. В 1947 году в его бригаде было получено по 31 центнеру ржи с каждого из 20 гектаров. За этот показатель В. В. Субботину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И в последующие годы бригада, руководимая опытным хлеборобом, неоднократно добивалась высоких показателей.

Василий Викторович — участник Великой Отечественной войны. С 1959 года — пенсионер.

С самого утра лил холодный осенний дождь. Километрах в двух от Субботино застряла легковая автомашина. Шофер был бессилен выволочь ее из вязкой глинистой колеи, и тогда пассажиры — пожилой мужчина и две женщины — вышли из машины, решив идти в деревню пешком.

Афанасий Дмитриевич Верхоланцев, председатель субботинского колхоза имени НКВД, увидев из окна приближающихся к правлению людей, признал в них горожан и тяжело вздохнул. Он был не в духе: дождь со-

рвал вспашку зяби, а тут еще гости пожаловали, не иначе какая-нибудь комиссия...

Но оказалось, что трое приезжих — сотрудники сельскохозяйственного института. Они прослышали, что в колхозе на одном из полей собрали невиданный урожай пшеницы, и вот приехали, чтобы «обобщить передовой опыт».

— Да, это верно: пшеница дала сорок два центнера с гектара, — неохотно проговорил Верхованцев. — А с расспросами вам лучше обратиться к бригадиру, Василию Викторовичу Субботину. Это наш первый Герой Социалистического Труда. Его рук дело.

— Как же, как же! Мы слыхали о Василии Викторовиче! — заявил мужчина, назвавшийся профессором.

Василия Викторовича гости застали дома за вечерним чаем. Сами от чая тоже не отказались, но больше расспрашивали — что за поле, каким был агрофон, как проводил бригадир сев.

Субботин сначала смутился: подумаешь — всего-то пять гектаров, стоит ли огород городить? Так и сказал профессору. А тот только руками замахал:

— Что вы, батенька, это ж великое дело! Другие двести центнеров снимают с двадцати гектаров, а вы с пяти умудрились столько собрать. Значит, при правильной агротехнике и мы, уральцы, можем получать рекордные урожаи.

Пришлось рассказывать все по порядку. В деревнях небольшие поля не нумеруют, как положено, а дают им обычно названия по месту расположения: «залесное», «заовражное», «низинное». Поле, где уродилась нынче пшеница, почему-то называли иначе — «тарасовская переменка». Почва на поле суглинистая, раньше здесь рос клевер. Земля при клевере отдохнула, растения питали ее азотом. Клеверище распахали, внесли навоз, минеральные удобрения. Сеяли перекрестно — не пожалели семян. Вот и вымахала пшеница. Думали, полягут тяжелые колосья от дождей, но погода стояла добрая, хлеб успели убрать вовремя.

Таким рассказом гости, однако, не удовлетворились. Им надо было знать все точно: какова норма высева семян, какие минеральные удобрения вносили и сколько в среднем на гектар. Но время уже было позднее, и беседе решили продолжить утром.

Василий Викторович долго не мог заснуть. Припомнилось прошлое — сомнения и тревоги за судьбу урожая.

Агронома в колхозе не было. Судьба урожая зависела от опыта бригадира. Именно от опыта, потому что довелось ему, Субботину, закончить только начальную школу и приходилось полагаться на смекалку, чутье и смелость.

Да, и на смелость тоже. Взять минеральные удобрения. Не сразу в колхозе поверили в их силу мужики. Не сразу доверился «химии» и Субботин. И все же он был первым из бригадиров, кто решился внести под зерновые большую дозу минеральных удобрений.

Старики противились. Они говорили, что «химия» спалит корни растений, загубит семена, испортит землю. Однажды даже приволокли в правление двухдохлых зайцев, которые где-то в поле отведали химикатов.

Еще в первое послевоенное лето в колхозе появился студент-практикант Гриша Соколов. Он буквально проходу не давал Субботину.

— Василий Викторович! Минеральные удобрения — это же передовое слово науки! Понимаете, науки!

«Химию» в колхозе уже применяли, но осторожно, с оглядкой. Во-первых, все еще не очень доверяли ей, а во-вторых, просто трудно было достать большое количество минеральных удобрений, за которые к тому же надо было платить немалые деньги.

И все-таки Субботин решился. Не очертя голову, а после долгих раздумий поверил, наконец, передовому слову науки. Спросил у Соколова:

— Сколько, Гриша, по твоим расчетам надо класть их?

Соколов обрадовался.

— Говорят, кашу маслом не испортишь. Больше — лучше. Но главное — надо знать, какие почвы каких удобрений требуют. Над этим я и работаю...

Василий Викторович уговорил председателя перечислить деньги за удобрения, снарядил несколько конных подвод (машин в колхозе не было) и вместе с практикантом поехал на станцию Бахаревка. Привезли суперфосфат, хлористый калий, аммиачную селитру, надежно укрыли все это богатство в сарае, чтобы не замочил дождь.

На станции Субботин узнал, что многие колхозы не берут поступившие им удобрения, а кладовщики не прочь от них избавиться. Члены правления долго спорили, купить ли еще удобрений или ограничиться тем, что уже завезли. Субботин с Соколовым убедили колхозников — пока есть такая возможность, надо брать химикаты, расходы окупятся.

И расходы действительно окупались. Вносили в почву по четыре-пять центнеров удобрений на гектар, в смеси, как советовал Соколов. Сначала собрали овса около тридцати центнеров с гектара. Потом, в сорок седьмом году, удивили всех озимые — больше тридцати центнеров ржи взяли...

Стали химические удобрения вносить и другие бригады, средняя урожайность зерновых перевалила в колхозе за двадцать центнеров, чего никогда раньше не было. Летом приезжал Соколов, тормозил Субботина: «Ну, как, поверили в «химию»?»

Теперь же «тарасовская переменка» — неприглядное поле на угоре — пшеницей порадовало. Еще бы! По шесть с гаком центнеров «химии» вложили.

...По крыше все еще барабанил назойливый дождь, а Василий Викторович думал о том, что хоть и назвали поле «переменкой» без всякого умысла, но вышло вон как — название поля будто бы о новом времени поведало. Настало на селе время перемен, на помощь хлеборобу, обходившемуся прежде лишь приметами да опытом, пришла наука. А наука — она вещь очень и очень полезная...

РОДНОЕ ПОЛЕ

Субботин Василий Михайлович родился в 1920 году в деревне Субботино Пермского района Пермской области. С юных лет работал в сельском хозяйстве. В 1941 году его призвали в армию, на фронте несколько раз был ранен. Демобилизовался в 1945 году, после чего стал звеньевым в колхозе имени НКВД. В 1948 году его звено с площади 18 гектаров собрало в среднем по 30,7 центнера ржи. За это Василию Михайловичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1967 году В. М. Субботин вышел на пенсию.

В дверь купе осторожно постучали. Заглянула молоденькая проводница.

— Чай будете пить? Сколько стаканов?

Сосед по верхней полке, назвавшийся артистом, от чая отказался: он запасся лимонадом. А Василий Михайлович заказал два стакана с «двойным» сахаром.

Сосед, любитель лимонада, приставал с вопросами: зачем он в Москву едет, сколько раз был в Москве? Когда же узнал, что попутчик в Москву едет впервые и не в отпуск, не на совещание, а на сельскохозяйственную выставку, то потерял к нему всякий интерес.

Ехать было скучно. Не привык Василий Михайлович так вот, без дела отлеживаться, ворочаясь с боку на бок. И в какое горячее время организовали эту поездку! Колхоз только приступил к севу зерновых, предстояло посадить картофель, а его направили на выставку. Он отказывался, говорил, что не ко времени поездка, но председатель колхоза и слышать ничего не хотел. Урожай, мол, в звене высокие, надо за них отчитаться в Москве, а с посевной колхозники и без него управятся — одного человека заменить нетрудно.

За окном мелькали леса и перелески, маленькие домики стрелочников и каменные здания станционных поселков, убегающие к горизонту черные, недавно вспаханные поля. Кое-где на полях виднелись тракторы с сеялками, и тогда становилось не по себе оттого, что он сейчас не в поле.

Родное поле! Вся жизнь связана с ним, широким русским полем, щедро рождающим хлеб для людей. В Субботино поля небольшие: с одной стороны они упираются в горы, с другой стороны их обступают леса; нет такого простора, что открывается сейчас, за вагонным окном, но разве от этого субботинские поля менее красивы?

Вроде бы поле всегда одинаково — несколько километров в длину да несколько в ширину; в сводках его называют сухо и официально — посевная площадь. Но тот, кто накрепко привязан к нему невидимыми, но прочными нитями, хорошо знает: поле всегда разное. Весной оно пахнет влагой и тяжело дышит, готовится к нелегкой работе; летом расцветает желтеющими хлебами, словно радуясь труду земледельца; осенью сиротливо ощетинивается колючей стерней, но кажется: стоит погладить стерню ладонью — и ты будто прикоснешься щекой к родному небритому отцовскому лицу...

Когда Василию шел одиннадцатый год, отец, Михаил Васильевич, дозволил сыну, коренастому крепышу, поучиться пахать. Василий обрадовался, встал за плуг, понукал лошадь и... повалился на землю, не сумев удержаться плуг. Потом пошло лучше, да и не могло не пойти лучше, поскольку надо было учиться и пахать и сеять — в семье десять человек, а он, Василий, старший сын у отца, значит, первый помощник.

Поле... Родное поле... Оно кормило и его, и всю семью. И все-таки в восемнадцать лет он ушел в город, на

завод, где платили деньги два раза в месяц. В горячем цехе работа была нелегкая, но не это тревожило Василия. Он тосковал по привычному хлебоборобскому труду. Не выдержал, вернулся в колхоз.

Потом была война. Рядовой Субботин пролил кровь на полях Украины и Белоруссии ради того, чтобы на его родном поле в уральской деревушке, на всех полях его страны не оставил вмятины кованый фашистский сапог, чтобы на этих полях вечно колосился хлеб.

Его выбрали звеньевым. Звеньевой — просто старший среди тридцати колхозников. За звеном закреплялось около тридцати гектаров зерновых, а также картофеля, овощи, сенокосные угодья. В колхозе выходило так: каков звеньевой, таково и звено. Если звеньевой с дисциплиной не в ладах, не жди добрых дел от звена.

Он старался всегда и во всем быть первым. Чтобы люди, видя, как работает звеньевой, старались не отставать. Ранним утром обходил поля, высматривая сорняки. Поднимал звено на прополку. В уборочную таскал на плечах тяжеленные мешки, без устали крутил рукоятку сортировальной машины...

Когда же начинался сенокос, равных ему не было. Уезжали на берег Камы, за двадцать с лишним километров. Чуть свет, по росе, первым выходил на луга с косой. Другие косари, даже молодые, не могли за ним угнаться.

Вечером, прежде чем залечь в наскоро сооруженные шалаши, подолгу сидели у костра, покуривали, беседовали. Говорили о разном, но больше о погоде, о том, что, не дай бог, зарядит дождь и замочит скошенную подсыхающую траву. Субботин слушал эти разговоры и радовался: для колхозников общие дела были главной, кровной заботой.

В сорок девятом году его наградили золотой звездой Героя.

Возвращался из Перми и волновался: что скажут колхозники? Ведь он ничего и не сделал такого, геройского. Ну, хорошо, он звеньевой, ну, любил работу, землю свою, но ведь и другие тоже здорово работали. И в том, что собрали в прошлом году большие урожаи ржи, не только его, Субботина, заслуга.

Но волновался он напрасно. Его поздравляли искренне и сердечно. Председатель колхоза сказал:

— Смотри, Василий, не возгордись теперь. Твоя звезда — это награда всему колхозу. Поклонись низко земле, которая тебя вскормила, и людям, которые помогли к славе прийти.

Именно такие слова он и хотел услышать...

Многое вспомнишь, обо многом передумаешь, когда дорога дальняя, а заняться нечем.

Поезд подходил к Москве. Пассажиры стали укладывать вещи, переодеваться. Василий Михайлович достал из чемодана костюм, посмотрел, не помялся ли он. На пиджаке блеснула звезда Героя. Сосед его, артист, удивленно воскликнул:

— Так вы... Что же вы, чудак, помалкивали? За что вас наградили, если, конечно, не секрет?

— За хлеб.

На Выставке Субботин пробыл десять дней. Изрядно устал. Столица утомила шумом, толчеей на улицах. В последний день ему вручили награду — медаль, на одной стороне которой был изображен трактор, на другой — мужчина и женщина, несущие на высоко поднятых руках сноп колосьев. Колодка медали была перетянута ярко-зеленым, цвета свежей травки, материалом. Он напомнил Василию Михайловичу деревню, родное поле...

ТОВАРИЩ ДИРЕКТОР

Субботин Михаил Иванович родился в 1911 году в Перми. В юности работал на железной дороге — был слесарем и кочегаром в Чусовском, помощником машиниста и машинистом в Пермском депо.

После окончания в 1940 году Уральского политехнического института Михаил Иванович был направлен на Пермский моторостроительный завод. Работал мастером, старшим мастером, начальником участка, начальником ряда цехов, заместителем директора.

В 1949 году инженера Субботина назначили директором Рыбинского моторостроительного завода. С 1956 года Михаил Иванович директор Пермского моторостроительного завода имени Я. М. Свердлова.

М. И. Субботин член КПСС с 1943 года. За большие заслуги в развитии авиационной промышленности он удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Михаил Иванович Субботин депутат Верховного Совета РСФСР трех созывов. Он избран заместителем председателя Верховного Совета Российской Федерации.

Приход нового директора для коллектива завода — событие особо важное. Каков он? Что приемлет и что

отрицает? Станет ли своим для заводских? Эти вопросы волнуют каждого. Ведь директор — высший руководитель на предприятии, его слово — закон.

Назначение Михаила Ивановича Субботина на пост директора Пермского моторостроительного не вызвало ни одного из таких вопросов. Здесь его знал буквально каждый. Кадровые рабочие хорошо помнили мастера Субботина; мастера с гордостью говорили, что «он свой, сам из мастеров»; начальники цехов тоже были довольны: новый директор в разные периоды возглавлял на заводе шесть цехов.

Встретили хорошо, и это не могло не радовать. Но Михаил Иванович понимал, что старый багаж руководителя имеет вес только в самое первое время. Отдавая дань воспоминаниям, люди все же имеют обыкновение судить о директоре по его сегодняшним делам и еще по тому, как он представляет себе день завтрашний.

Субботину было трудно вдвойне. Он возглавил завод, который на всю страну славился своим коллективом и своими делами. Советская авиация была многим обязана Пермскому моторостроительному. Сработанные здесь авиадвигатели в разные годы поднимали в небо самолеты Поликарпова и Лавочкина, Ильюшина и Туполева, помогали устанавливать рекорды дальности и высоты, способствовали тому, что наш Аэрофлот стал крупнейшим в мире авиационно-транспортным предприятием.

Завод заслуженно гордился своей замечательной историей. Директор же справедливо считал, что славу труднее удержать, нежели заслужить. Тем более в такое время, когда партия решительно взяла курс на технический прогресс во всех отраслях индустрии.

Сама жизнь продиктовала директору главную задачу. Она сводилась к тому, что завод должен и впредь наращивать производство на основе внедрения совершенной техники, только значительно более быстрыми темпами, чем это было в прошлые годы.

Но чтобы столь ответственная задача, размышлял директор, не осталась благим пожеланием, люди, которым предстоит ее осуществлять, должны быть окружены вниманием и заботой. Партия ничего не жалеет для блага тружеников, и надо сделать все возможное, чтобы коллектив моторостроительного тоже получал эти блага полной мерой.

Итак, дальнейшее развитие завода и всемерная работа о коллективе. Эти направления стали генеральными в деятельности нового директора.

Непросто наметить линию работы многотысячного коллектива, но куда труднее ее осуществлять. Суетливость, окрик в этом деле не помощники, а администрирование — открытый враг. Авторитет — вот что необходимо руководителю для целеустремленной, уверенной деятельности.

Но верно и то, что авторитет не дается руководителю вместе с должностью. Субботин знал работников, которые уповали на авторитет своей должности, и был свидетелем их печального финала. Такое понимание власти было противно его взглядам; он считал, что руководитель должен своим трудом завоевывать авторитет, а уж потом авторитет будет работать на руководителя.

Верность своему слову и принципиальность — вот только два важнейших из многих слагаемых авторитета.

— Никогда руководителю не осуществить то или иное мероприятие, если он не умеет держать слово, данное коллективу. Не пойдет коллектив за подобным руководителем. — Так Михаил Иванович Субботин формулирует свой взгляд на необходимость быть правдивым и обязательным. — Но уж коли выработано решение, — продолжает он свою мысль, — отступить от него — значит прослыть человеком непринципиальным, а проще говоря, пустозвоном.

Субботин всегда старался учитывать и то, что стиль работы руководителя перенимают подчиненные. И хороший стиль, и негодный тоже. Становясь на зыбкую стезю, руководитель невольно увлекает и своих подопечных. Значит, нужна осмотрительность, нужно всегда оставаться в рамках.

Во всеоружии этих правил, выработанных за многие годы руководящей работы, каждое утро директор приезжает на завод. На часах пять-десять минут восьмого, еще пустынные коридоры заводоуправления, а он идет в свой кабинет, где его ждут различные сводки и рапорты.

Он работает несуетно, не признает надобности нагрянуть в цех или отдел, чтобы учинить разнос, во всем доверяет своим подчиненным. К тому часу, когда оживут коридоры и кабинеты заводоуправления и начнется новый рабочий день, директор уже будет все знать о про-

житых заводом минувших сутках. Стало быть, ему ясна и картина оперативной работы наступившего дня.

И все это — на фоне того, что именуется перспективными вопросами, от чего зависит завтрашний день завода, его будущее.

Натура человека проявляется во всем, даже в телефонных разговорах. На панели настольного концентратора, что под рукой у Субботина, вспыхивает глазок, и он снимает трубку. На проводе начальник цеха; видно, его здорово допекли, если он решил пожаловаться на смежника.

Выслушав жалобу, директор спрашивает: «Уверены, что надо поступить именно так? — И тут же говорит: — Если уверены, так и поступайте».

Верно: заботясь о собственном авторитете, нельзя забывать об авторитете подчиненного.

Снова бесшумный телефонный звонок. Говорит руководитель одной из служб завода. Он не успевает подготовить важный документ, просит отсрочки до завтрашнего утра.

— Обещали сделать вовремя? — задает вопрос директор и заключает: — Я не в силах отменить данное вам слово.

Верно: быть требовательным к себе — значит, быть требовательным и к подчиненным.

Руководить заводом — руководить людьми. А если людей многие тысячи? Нужны особые формы общения. Посещение цехов, совещания и собрания — это обычное дело. Субботин ввел в практику еще и собрания... без повестки дня. Собираются двести-триста рабочих, приходит «четыреугольник» и начинается разговор обо всем, вернее, о том, что более всего волнует людей. Большинство вопросов — к директору. Здесь же он принимает конкретные решения.

Особое внимание Субботин уделяет работе с молодыми специалистами. Каждый инженер или техник, поступающий на завод, приходит на прием к директору. В беседе выясняются склонности специалиста, его творческие планы и личные нужды. Происходит знакомство, полезное для обеих сторон.

Но этим дело не кончается. Несколько раз в год директор собирает инженерно-техническую молодежь завода и просит ответить на прозаический вопрос: «Что на-

до?» И так — в течение трех лет. Этот срок, по мнению Михаила Ивановича, достаточен для того, чтобы молодежи «опериться».

И, конечно же, в поле зрения директора постоянно находятся культурно-бытовые запросы коллектива. Строится благоустроенное жилье, открываются пионерские лагеря, детские сады и ясли, медицинские учреждения, столовые. Сооружается лыжная база, и директор дает распоряжение электрифицировать трехкилометровую трассу. Для чего? Чтобы было удобно рабочим, которые прибывают на базу в вечерние часы.

Нет, директор не носится по цехам, никого не будоражит без надобности, не вносит нервозность в работу. У него другой стиль. Он мыслит.

В разгар рабочего дня, когда обступают неотложные дела и на счету каждая минута, раздается телефонный звонок из заводской медсанчасти. Врач выговаривает директору: когда же он, наконец, соберется проверить давление?

Михаил Иванович смеется:

— На таком гиганте, как наш, директору трудно быть без давления.

Он заглядывает в настольный календарь, подчеркивает короткие записи, напоминающие ему о том, что еще предстоит сделать до конца дня. Выступить с сообщением на заседании бюро горкома партии; отчитаться перед заводским парткомом, как он выполняет функции руководителя агитколлектива; познакомиться с новой программой заводской художественной самодеятельности. «Поспевай, товарищ директор!»

А как обстоит с главной задачей, которую он наметил, придя к руководству Пермским моторостроительным?

За годы его директорства завод в несколько раз увеличил объем производства.

ГВОЗДИКА НА ФЕРМЕ

Субботина Мария Алексеевна родилась в 1928 году в Кировской области. С 1947 года работает дояркой на Субботинской ферме совхоза «Верхнемуллинский» Пермского района. Энергичная, трудолюбивая женщина стала душой коллектива, инициатором многих интересных начинаний. В 1966 году за большие успехи в увеличении производства молока Марии Алексеевне Субботиной было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Уж чего-чего, а этого никто не ожидал. Клава, краснощекая девушка, веселая, до работы охочая, вдруг ни с того ни с сего подала на расчет.

В приемной, сливая из ведер в пузатые фляги густое, пенящееся парное молоко, доярки тихонько шушукались:

— Или зарабатываем мы мало, или живем не дружно?

— Молодая, неразумливая! Не подумала!

Дойка закончилась, и Зоя Геннадьевна Вострокнутава, заведующая фермой, пригласила всех в красный уголок.

— Вот что, девоньки. Клава от нас уходит. — Вострокнутова покосилась на мигом зардевшуюся девушку. — Мы с вами носим почетное звание коллектива коммунистического труда. Мне кажется, в нашем коллективе не должно быть никаких секретов. Пусть Клава расскажет нам, почему она решила уйти с фермы.

Доярки насторожились, а Клава еще больше смутилась, молчала, разглаживая на белоснежном халате едва приметные складки.

— Да ты не таись — все здесь свои, пойдем, — подавала голос одна из доярок.

Клава начала несмело:

— Не век же на ферме работать... Тяжело, трудно. Потом оживилась.

— В городе вечером хочешь — на танцы иди, хочешь — в кинотеатр. Одна картина не нравится, другую посмотришь. А у нас выбирать не приходится — клуб-то один! В городе девчонки на шпильках по асфальту и осенью, и зимой бегают, а у нас, сами знаете, — без сапог не ступишь. Пойду на нефтеперегонный, специальность получу настоящую.

— А доярка — не настоящая специальность?

Шумно стало в красном уголке. Доярки заседали на Клаву. Та покосывала губы, готова была расплакаться, но твердо стояла на своем — уйду, мол, и точка.

Мария Алексеевна Субботина решила проводить Клаву до дому. «Расстроилась девушка, надо бы утешить», — подумала она.

Но едва отошли от фермы, Клава доверчиво взяла ее под руку.

— Ой, Мария Алексеевна, наговорила я всякого — и про кино, и про танцы... Много наболтала, а главное не сказала — парень у меня на нефтеперегонном работает, к себе зовет. Если, говорит, не переедешь, пеняй, мол, на себя: выбор здесь большой!

— Если он так сказал, то грош ему цена!

— Да нет, Мария Алексеевна, это он пошутил. Он хороший и любит меня.

— Значит, все-таки поедешь?

— Ага, — ответила Клава, и Субботина увидела, как заблестели глаза девушки.

Пришла Мария Алексеевна домой, накормила ребятшек, прилегла отдохнуть. Задумалась.

Не первой и не последней уходит Клава с фермы. Ну, ладно, у этой любовь — причина, так сказать, уважительная. Другие прямо говорят, что зарплата мала, работа тяжелая. Уйдет опытная доярка, не сразу найдут ей замену, а от этого общее дело страдает. В последнее время, правда, редко уходят, и все-таки...

Для нее, Субботиной, заботы коллектива давно уже стали личными, кровными заботами. Ведь это она первой предложила бороться за порядок и образцовую чистоту на ферме. Доярки ее поддерживали. Теперь приезжают на ферму экскурсанты и боятся через порог переступить — ни одной пылинки, не ферма, а операционная. Потом стали совместно дни рождения отмечать, ездили в Пермь, в театры, и во всех этих начинаниях она, Субботина, — инициатор...

Все это так. Но разве нельзя придумать такое, что заставило бы доярок еще сильнее полюбить работу, коллектив? Найти дело, которое заинтересовало бы всех! Вот Клава заявила, что грязно у фермы. А что, если возле фермы разбить цветочные клумбы?

Утром она поделилась идеей с доярками.

— Вы представляете, между корпусами фермы будут у нас цвести розы и тюльпаны, гладиолусы и георгины! Красота-то какая! Первого сентября наши ребята придут в школу с самыми пышными букетами!

Женщины порешили: правильная идея, нужная. Кто же не любит цветы?

Но где достать луковички заморских тюльпанов, рассаду других необыкновенных цветов?

Поехала Мария Алексеевна в Пермь, на центральный колхозный рынок. Договорилась с одной женщиной, что оптом закупит у нее все цветы, которые она выращивает в своем саду. Потом пошла в рабочком, в бухгалтерию совхоза. С работниками бухгалтерии договориться оказалось сложнее. Они доказывали, что в совхозных расходах не предусмотрено такой статьи, по которой можно было бы закупать цветочки у частных лиц. Однако заставить Субботину отказаться от задуманного не так-то просто. Она обратилась в партком, к директору совхоза, спорила, убеждала. Нашлись-таки деньги! Больше того, ей даже грузовую автомашину выделили. В путевом листе шофера было написано: «Рейс в Пермь за цветами для совхозного сада...»

«Для сада» сказано было, конечно, для пущей важности. Сад — это уж в будущем...

Когда автомашина с цветочной рассадой подъехала к ферме, доярки уже закончили сооружение клумб из подвезенного накануне чернозема. Обрадованные, они побросали лопаты и окружили машину, принялись рассматривать цветы.

— Это гладиолусы? А они у нас приживутся?

— Ухаживать будем — приживутся, — отвечала раскрасневшаяся Мария Алексеевна.

— А это тюльпаны? Верно, что родина их — Голландия?

— А эти... вовсе какие-то невзрачные...

— Что ты! Это же гвоздика! Красная гвоздика — символ пролетарского движения! Постойте, я ведь только что читала стихи о гвоздике. — Мария Алексеевна открыла дверку автомашины, взяла с сиденья газету. — Вот. Поэт Лев Ошанин. Слушайте...

Как весть мечты, как знак свободы
Друзей к друзьям она звала.
И сквозь расстрелянные годы
Улыбкой ленинской прошла...
Любовь и смерть, и кровь, и пламя
Переплелись в цветке отцов.
И вместе с нами, вместе с нами
Он в добрый, в трудный путь готов...

— Хороший цветок! — зашумели доярки. — Берем его на постоянное жительство. Пусть на нашей ферме всегда цветут красные гвоздики!

МАСТЕР РЕКОРДНОЙ ПРОХОДКИ

Тарараев Михаил Романович родился в 1911 году в селе Пивоварово Кировской области. Трудовую деятельность начал по окончании сельской школы.

Приехав в Кизеловский бассейн, Михаил Романович стал работать на шахтах треста «Гремячинскуголь». Замечательный мастер проходки, он в 1948 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В 1958 году М. Р. Тарараев скончался.

Пройдя курс в учебном комбинате, Михаил Тарараев получил квалификацию взрывника. Его направили работать раздатчиком взрывчатых материалов, потом запальщиком. Но молодого горняка эта профессия не удовлетворяла. Он все время мечтал стать проходчиком.

Скоро представился подходящий случай. На проходке ствол шахты № 71/72 не хватало проходчиков. Работа подвигалась медленно, сроки ее окончания были под угрозой срыва. Гремячинские шахтостроители тяжело переживали создавшееся положение.

Тарараев снова запросился в учебный комбинат. Его приняли. Хорошо освоив программу занятий, закрепив полученные знания на практике, он, наконец, получил желанную специальность.

Молодого проходчика включили в бригаду прославленного бригадира Кузьмина. Внимательно присматривался Тарараев к работе опытных мастеров и за непродолжительное время освоил все, что необходимо уметь проходчику стволов. Он никогда не отказывался от самого трудного дела, и это помогло ему сравняться в мастерстве со всеми рабочими передовой бригады.

Теперь Михаил Романович знал, как важно полное оснащение стволов необходимым проходческим оборудованием. Понял он и необходимость четкой организации проходческого цикла, механизации погрузки породы в стволах с использованием пневмопогрузчиков. Ускоренная приемка породы на поверхности с отправкой ее автосамосвалами, совмещение работ по уборке породы, бурения шпуров увеличенного диаметра, применение тубингов для укрепления стволов — все это способствовало увеличению скорости проходки. Бригада стала давать по 26 погонных метров готового ствола в месяц.

Бригада, в которой работал Михаил Романович, прошла много километров различных горных выработок. При проходке ствола шахты № 71/72 она установила все-союзный рекорд скорости. Семь раз коллектив бригады завоевывал первенство во всесоюзном социалистическом соревновании. Многие рядовые рабочие, в том числе и Тарараев, стали опытными бригадирами-горнопроходчиками.

В 1946 году Михаила Романовича назначили сменным техником на проходке вертикальных стволов шахты № 71/72. Используя свой богатый опыт, он умело организовал коллектив и добился перевыполнения планового задания.

За высокие производственные показатели М. Р. Тарараев в 1944 году был награжден орденом «Знак Почета», а еще через несколько лет ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

ЖИЗНЕННЫЙ КУРС

Тихашков Алексей Михайлович родился в 1922 году в деревне Шалтово Пашского района Ленинградской области. До войны работал токарем на гидростанции Свирь-3. В 1941 году ушел на фронт, за боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями. Закончил войну в Берлине.

Возвратившись в родные места, Алексей Михайлович участвовал в восстановлении ГЭС на реке Свири. Тогда и приобрел специальность гидромонтажника. В дальнейшем он монтировал станцию на реке Туломе, работал на монтаже Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, участвовал в сооружении высокогорной станции в Армении. Самоотверженный труд монтажника был отмечен орденом Ленина и орденом «Знак Почета».

В 1953 году коммунист Тихашков приехал на стройку Камской ГЭС. Несколько лет он работал бригадиром участка «Спецгидроэнергомонтаж». За выдающиеся заслуги в сооружении первой гидроэлектростанции на Каме Алексей Михайлович был удостоен звания Героя Социалистического Труда. В дальнейшем А. М. Тихашков монтировал агрегаты крупнейших гидростанций на Волге и реках Сибири.

Однажды Алексея Михайловича попросили рассказать о том, как он стал гидроэнергомонтажником. Камская ГЭС уже была сдана в эксплуатацию, и пермские

литераторы, решив создать книгу о строителях гидро-станции, естественно, не могли обойти прославленного мастера.

Он отказывался:

— Опыта по литературной специальности у меня нет. Но в конце концов сдался:

— Ладно, попробую.

«Как я стал монтажником, — писал Тихашков, — долгая история. Монтажное дело, оно вообще на любителя. Впрочем, каждая работа на любителя. Даже самого равнодушного человека можно увлечь, если задеть его за живую струнку. Тогда он покой потеряет и дело у него в руках гореть будет. По-моему, такая струнка у каждого человека обязательно есть.

А энергомонтажнику без такой струнки уж и совсем нельзя. Ну что за интерес колесить по белому свету? В такую, бывало, глухомань заберешься, что только диву дивуешься: вот это да!.. А что тебя гоняет с места на место, и сам толком не понимаешь, приедешь на гидро-станцию и зарок даешь: «Все. Шабаш. Здесь присохну»... И вдруг в один прекрасный день оказываешься за тысячу верст, на другой гидростанции. Стоишь и оглядываешься: какая сила тебя сюда занесла?»

Такой уж характер у Тихашкова: даже самое сокровенное он любил обернуть в шутку. Будто не тянула его в новые дали беспокойная душа, будто получалось так: лег спать на одной гидростройке, а проснулся на другой.

В действительности все было иначе. Истосковавшись за годы войны по мирной работе, он, опытный токарь, встретился с монтажным делом и полюбил его навсегда. А энергомонтажники подолгу не живут на одном месте: соберут гидроагрегаты, дождутся их пуска — и все, можно отправляться на новую стройку. Конечно, опытных мастеров, бывает, уговаривают остаться на эксплуатации, сулят им золотые горы, но тут все зависит от пристрастия человека к этим самым «золотым горам».

Что касается Тихашкова, его никто не мог сбить с курса. Потому что был он монтажником экстра-класса, а таким подавай новые и новые агрегаты, да чтобы были они мощнее тех, с которыми уже приходилось иметь дело. И еще необходимы таким трудности, иначе что преодолевать? Спокойно они жить не могут. В крови у них это, что ли?

На строительство Камской ГЭС Тихашкова привел его жизненный курс. Здесь и агрегаты были покрупнее тех, которые ему уже довелось монтировать, и сама гидростанция превосходила виденное им своими масштабами. И вообще он никогда не бывал на Каме.

«На Камгэсе, — писал далее Тихашков, — встретил много старых знакомых. Встретились так, словно и не расставались. Осмотрели гидростанцию: одним понравилось, другим нет. Но в одном все согласились: трудно вато монтаж достанется. Хорошо монтировать, когда все в куче, а здесь, пока дотащишь узел из монтажной мастерской, терпение лопнет. Каждую мелочь надо с собой брать или обратно в мастерскую бежать. А главное — с кранами канитель. Жди, когда дадут. Хотя, рассуждаем, к чему прибежаться? На какой станции обходилось легко и гладко?»

Алексею Михайловичу дали бригаду. Ребята в ней были молодые, без должного опыта, и потому бригадир пришлось быть не только руководителем, но и учителем. Правда, общий язык был найден довольно быстро, и это помогало решать сложные задачи.

К концу лета 1953 года на стройке подоспело время начать установку статоров турбин. На первом же статоре, который устанавливала бригада Тихашкова, выявились погрешности, допущенные заводом-изготовителем. Не совпадали стыки, «четвертинка» статора неплотно прилегалала к смежным частям. Но ничто не могло обескуражить бригадира. Чертыхаясь, он «ловил» миллиметры, устранял несоответствие и удивлял всех монтажников поразительно точным глазомером и завидным долготерпением.

Вслед за Тихашковым к установке статоров турбин приступили другие бригады. Но он был первым.

На следующий год, когда, наконец, прошлюзовались суда, перед монтажниками была поставлена задача ввести в эксплуатацию первые шесть гидроагрегатов. На других станциях бригада обычно монтировала агрегат от начала до конца, но тут решили изменить методику: каждая бригада занялась определенным узлом.

Тихашкову досталась установка статоров генераторов и магнитной системы. Монтаж в высшей степени ответственный. Магнитная система предназначена для возбуждения токов в роторе генератора. Ротор же вращается внутри статора, и зазор между ними измеряется

миллиметрами. Вот и получается, что бригаде Тихашкова поручили чуть ли не половину всего дела. Как она справилась?

«Технические трудности нас не страшат, — продолжал Тихашков. — Донимает нас другое — время. Его всегда оказывается в обрез. Вот и ждем до седьмого пота. Частенько придешь домой, и руки не знаешь куда положить. А когда настанут предпусковые дни, то их можно сравнить только с деревенской страдой. И погонять никого не надо. Зато когда появляются в журнале записи: «Машина на оборотах. Машина под нагрузкой» — монтажники словно молодеют. Все становимся добрыми и каемся друг перед другом во грехах. В эти дни можно безбоязненно признаваться, кто у кого утащил инструмент, кто дольше времени продержал кран, кто спрятал «про запас» лишний баллон кислорода... Все прощается».

Так и не ответил Алексей Михайлович на вопрос. Опять отделался шуткой.

За бригадира ответил руководитель энергомонтажа многоопытный инженер Виктор Николаевич Зеберг, начинавший свой путь еще на Волховстрое. В торжественный день, когда первый агрегат ставили на обороты, повернуть никелированный штурвальчик колонки регулятора выпало ему, и едва камская вода ударила в лопасти рабочего колеса и ожил вал агрегата, монтажники подхватили Зеберга на руки и стали его качать, а он, счастливый, улыбающийся, кричал им: «Тихашкова качайте, Алексея!»

Свою работу Тихашков выполнил безупречно.

«А что в будущем? — завершал свои записи Тихашков. — Много, очень много еще хочется сделать в будущем. Мечтаю повозиться с машинами эдак тысяч на двести — двести пятьдесят киловатт. Придется каким-то образом сделать так, чтобы обязательно попасть на их монтаж. Надеюсь, что попаду».

С Камы он уехал на Волгу...

КРЕСТЬЯНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Тодосиенко Василий Семенович родился в 1910 году в деревне Малой Половетской Киевской области. Педагог по образованию, он более тридцати лет работает председателем колхоза. Последние двенадцать лет возглавляет колхоз «Большевик»; когда-то среднее по показателям хозяйство стало лучшим в Чусовском районе и одним из лучших в Прикамье.

За заслуги в деле колхозного строительства В. С. Тодосиенко в 1966 году присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Удача в делах давно с Тодосиенко. Решит он зерно растить — урожай снимет для чусовских земель отменный: двадцать пять центнеров с гектара. Задумает луга окультурить — втрое больше сена дадут луга. И так в любом деле, все без натуги, словно шутя...

Но не походит председатель «Большевика» и отдаленно на иного ушедшего в созерцание собственных успехов передовика, значительностью слова и жеста напоминающего каждому: я и в районе и в области на виду, мне не до шуток! Тодосиенко и самые сложные вопросы решает, что называется, с улыбкой.

...Приехал к нему районный руководитель посоветоваться о строительстве птицефермы. Важный и для района, и для колхоза вопрос.

Сидит Василий Семенович в правлении за столом. Плечи широкие, прямые. Губы строго поджал, брови нахмурил, смотрит в лицо собеседнику.

— В принципе нужно яйцо району? — испытующе спрашивает Тодосиенко.

— В принципе, Василий Семенович.

— Комбикорм?.. — интересуется Тодосиенко.

— Чусовской завод выпускает.

Тодосиенко успокоенно кивает. Но вдруг прищуривается и смеется:

— Может, как раньше выпускал?

И, кого-то копируя, небрежно машет рукой в угол кабинета:

— Вам птичьего? Пожалуйста, с этой кучи! Вам поросячий? Пожалуйста, с этой же! Коровий? С этой же... Только цена разная.

И, представляя себе расторопного молодца с комбикормового завода, смеются все, кто в эту минуту в кабинете Тодосиенко.

А он вновь серьезен и строг:

— Только уж отпустите не эти, не по шестьдесят пять рублей блочки, нам птичник строить — не бомбоубежище.

Утром, по морозцу (на дворе декабрь) поспешает Тодосиенко на ферму выяснить на месте, отчего это коровы надой «на десятку», то есть на сто граммов, сбавили. Вопрос не шуточный: корма хорошие, моцион, а вот, поди ж ты, — нет «десятки».

Встречные с ним здороваются. Сколько уже лет председательствует он в Верхнем Калино! Все его знают здесь. Но если школяр, спрятавшись под отцовым треном, по забывчивости забудет простое слово, Тодосиенко с серьезнейшим видом приостановится и сам скажет:

— Здравствуйте!

И руку к шапке подымет, словно честь отдать собираясь.

Так, с улыбки, и начнет свой день.

Везет человеку. Все ладится в большом хозяйстве. Знамена, почетные грамоты, медали и ордена, кажется,

сами находят дорогу в колхоз. Не удивился никто в округе, когда присвоили Тодосиенко звание Героя Социалистического Труда. Верно говорят, слава к славе идет. Понятно, отчего богатеет колхоз, отчего миллионный доход получает: счастье так поворачивается!

Счастье...

Только почему глаза Тодосиенко смотрят устало? От коротких председательских ночей, когда перебирает Тодосиенко в памяти десятки организаций, чтобы все-таки найти ту, что купит по хорошей цене богатейший урожай овощей, выросший на землях «Большевика». «Не хитро дело — вырастить, хитро — не сгубить», — говорит Василий Семенович. А урожай легко потерять, когда не достает овощехранилищ, когда овощи продают с грузовиков, а что не продается, отправляют на ферму, на «подотчет» коровам.

И почему морщины разгулялись на крутом председательском лбу? Да потому, что строит колхоз разом и фермы, и тока, и мастерские, и школу, и жилье. Но темпы, темпы! Найти бы сильного подрядчика — не постояли бы за деньгами. Но где он — сильный подрядчик? Вот и приходится использовать на полную катушку хозяйственный способ строительства. А это значит — гвоздь достань, шифер достань, цемент, дверную ручку, переплет оконный.

Гордо откидывается Тодосиенко на своем председательском стуле, подолгу разглядывая записную книжку, где по годам расставлены цифры роста колхозного благополучия. Но почему иные «прекрасные» показатели заставляют его хмуриться и думать нелегкую думу? Например, о том, что шесть-восемь рублей, что получают доярка и механизатор ежедневно, должны быть стимулом, а не тормозом для роста производительности труда. И чтобы высокий заработок не притуплял у людей заботу о колхозе, Василий Семенович убеждает общее собрание уменьшить в оплате труда долю основной и увеличить долю дополнительной оплаты и первым отказывается от части своего верного заработка...

Идут годы. Работается и проще, и спокойней. Правда, горячие головы не перевелись. Но когда они, по-своему поняв специализацию хозяйств, спросили его, не собирается ли он ликвидировать свиноферму, Тодосиенко отделался шуточкой:

— Я хохол, мне без сала нельзя.

И так заразительно расхохотался, что вопрос о свиноферме отпал сам собой.

Нет, не легко, не шутя приходит удача. Потому-то отвечает Василий Семенович Тодосиенко тем, кто позавидует богатству колхоза, высоким его достижениям:

— Мы наше счастье не выбирали.

Отвечает без тени улыбки.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ МАРЕСЬЕВ

Туркин Василий Михайлович родился в 1922 году в деревне Батино Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа. Свою трудовую деятельность он начал плотником в Тукачевском леспромхозе. Долгое время работал трактористом и заслужил славу одного из лучших механизаторов лесозаготовительной промышленности. Участник Великой Отечественной войны, имеет боевые награды. В 1957 году В. М. Туркину присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он был депутатом Верховного Совета СССР, Пермского областного и Юсьвинского районного Советов депутатов трудящихся.

Тринадцатилетнему мальчонке отец строго сказал:

— Хватит, побаловался — к делу привыкать пора, сенье помогать... — И определил сына коновозчиком в Тукачевский леспромхоз.

Когда Василий впервые увидел тракторы, полученные для вывозки древесины, его потянуло к технике.

— Не с твоей грамотой в механики, — сурово отрезал отец. Но впервые в жизни парень ослушался его. С тремя классами за плечами нелегко было постичь все премудрости на курсах механизаторов, но Василий на-

шел в себе силы и, отлично сдав выпускной экзамен, в семнадцать лет получил права тракториста первой категории.

Война прервала мирный труд. Под Москвой, Орлом, в Белоруссии храбро сражался солдат. Орден Отечественной войны — память о честной солдатской службе.

В боях под Гомелем тяжелое ранение в ногу. Врачам не удалось спасти ее. После одиннадцати месяцев госпитального лечения в октябре 1944 года вернулся Василий домой. Протез и костыли... Он был полон сил, но попробуй найди им применение, тракторист с одной ногой!

Все чаще заворачивал Туркин в сторону мастерских и гаража. Под деревянным навесом и прямо под открытым небом стояли автомашины и тракторы, серые от грязи. Около них сутились люди в комбинезонах и стеганках. У каждого своя забота, свое дело.

До вечера пробыл здесь Василий. Осмотрел со всех сторон свой старый трактор, долго скоблил и чистил машину. Домой пришел весь перемазанный. Мать сняла с него бушлат, спросила:

— Где тебя так угораздило?

Василий промолчал.

На другой день он отправился в отдел кадров.

— Здравствуй, орел, ждем-поджидаем тебя. Есть у нас подходящая должность, враз по твоему здоровью. Принимай столовую и распоряжайся, — не предвидя возражений, сказал начальник отдела кадров.

Это было как ушат ледяной воды. Туркин помрачнел.

— В завы не пойду. Хочу слесарем в мастерские.

Начальник отдела кадров удивленно поднял брови. Чудит парень!

— А заведовать пекарней не возьмешься?

Туркин стоял на своем:

— Оформляйте в мастерские. Тракторы буду ремонтировать.

Назавтра его уговорили принять должность сменного механика. Рассчитывал слесарить, а попал-таки в начальство. Вместе с главным механиком Звоновым осмотрел оборудование: замасленный токарный станок с облупившейся краской на станине, сверлилку, длинный стол с десятком тисов, инструментальную кладовую, где по полочкам разложены резцы, сверла, метчики, напильники.

Вышли на улицу. В пристрое под навесом стояли пять лесовозных машин и столько же газогенераторных тракторов.

— Вся наша техника, — доложил Звонов. — Машинки латаные. Работяги — девчонки да бабы. Обстановочка ясна?

С чего начинать? Припомнил Туркин, что до войны сменные механики всегда проверяли готовность машин перед выходом в рейс. «С этого и начнем», — решил он. Уловив подозрительный шум в моторе одного из «зисов», подошел к нему.

— Куда собралась, красавица? — шутливо обратился он к девушке-шоферу.

— А ты, собственно, кто такой?

— Ваш сменный механик. Давай-ка вылазь. Поглядим, что там с мотором.

Около часа возился он с машиной и все же нашел неисправность, устранил ее.

Наконец, машины уходят в лес. «Больные» остаются в гараже. Сегодня не вышли на линию трактор и лесовоз, с ними придется повозиться. Работа предстоит горячая, хлопотная, а у Василия глаза искрятся радостью: у дела он — живет, значит.

Зоя Иванова тщетно пыталась завести машину. Мотор молчал. Девушка с досады швырнула в снег заводную ручку и убежала в обогривалку. Здесь ее и отыскал начальник пункта.

— Почему не едешь? — спросил сердито. — На верхнем складе ждет груженный состав.

В это время в обогривалку вошел Туркин. Узнав, в чем дело, предложил:

— Могу съездить.

— Ты в уме, Василий? — опешил начальник лесопункта. — Не до шуток тут.

— А я не шучу.

Хотел он, как в былые времена, единым махом забраться на машину, да не удалось сразу забросить протез на гусеницу, соскользнул, ударился о землю. Подтянулся, сделал новый прыжок, уцепился за скобы. Встал коленом на звенья, подтянул правую ногу с протезом. Ничего!

Туркин включил двигатель. Покачнулся, задрожал трактор. Василий распрямил плечи и, привычно откинув-

шись на сидении, положил руки на рычаги управления, крепко сжал рукоятки. Из-под гусениц брызнул снег. Машина рванулась вперед.

Километр за километром остаются позади. Машина осторожно взбирается на подъемы и плавно спускается с горок. А вот повороты не даются Туркину. Трактор делает их неохотно. Правую педаль через протез Василий чувствует слабо. Как-то ему удастся провести целый поезд?

В тревогах минуло больше часа. Вот и верхний склад. Вдоль дороги на добрую сотню метров растянулись высокие, пахнущие свежерубленной древесиной, сверкающие гладкими торцами штабеля леса. Бригада грузчиков катает новые горы бревен. На ледянке уже стоят груженные сани-вагоны, ожидая трактора.

Василий подводит машину впритирку к сформированному составу и останавливает ее, не задев саней.

Слегка раскачиваясь, к трактору с багром на плече подходит знакомый грузчик. Он удивленно смотрит на водителя.

— Вася, ты ли?

— Он самый, — стараясь казаться спокойным, отвечает Туркин.

— С удачным зачином! — поздравляли подошедшие грузчики.

Поскрипывая полозьями саней, медленно подходит состав к нижнему складу. Точно у места разгрузки Туркин остановил его, осторожно спустился с трактора. Василия, как и на верхнем складе, окружили люди. Жали ему руки, дружески похлопывали по плечу.

Так Василий Михайлович Туркин снова стал трактористом. Он освоил поездную тракторную вывозку. Бывало, за день вывозил из леса за восемнадцать-двадцать километров по четыреста кубометров древесины. Подвиг!

Осень 1957 года. Огромный трехъярусный зал Дворца культуры переполнен празднично одетыми людьми. Тысячами огней сияют хрустальные люстры.

Председатель облисполкома зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР и вручает лесникам Прикамья ордена и медали.

Василий Михайлович Туркин получает орден Ленина и звезду Героя Социалистического Труда.

Однажды почта доставила ему письмо Алексея Ма-

ресьева. Прославленный летчик писал: «Из газет мне стало известно, что Вы в годы Отечественной войны в боях за Родину получили тяжелое ранение, лишились ноги, но, вернувшись на свое предприятие, не ушли на пенсию, а проявили мужество, упорство, сели за рычаги трактора.

Мне очень приятно было читать о том, что Вы в своем Тукачевском леспромхозе стали инициатором вождения тяжеловесных поездов по ледяным дорогам и воспитали много молодых механизаторов, следовавших Вашему примеру.

Крепко жму Вашу руку, товарищ по оружию, желаю дальнейших успехов на трудовом фронте...»

Много раз перечитывал Туркин письмо Маресьева.

Что ответить ему? И, наконец, написал: «Равняюсь по тебе, Алексей. В лесу, как в небе, дел хватает, есть к чему приложить руки».

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

Уткина Зинаида Федоровна родилась в Перми в 1916 году. Детство было трудным — работал один отец, а детей в семье шестеро, так что с шестнадцати лет и она пошла на завод. С тех пор почти сорок лет трудится фрезеровщицей на заводе имени Ф. Э. Дзержинского и все в одном цехе. В 1960 году З. Ф. Уткиной присвоено звание Героя Социалистического Труда. С 1962 года она член Коммунистической партии.

В 1939 году группа рабочих и инженеров пермского машиностроительного завода имени Ф. Э. Дзержинского была награждена орденами и медалями. Самой молодой из представленных к награде оказалась комсомолка Зина Уткина. Вручая ей медаль «За трудовую доблесть», Михаил Иванович Калинин спросил у Зины, сколько ей лет.

— Двадцать три, — ответила девушка.

— Хорошо начинаете трудовую жизнь, — улыбнулся Калинин.

Это точно — начало трудовой биографии сложилось у Зины удачно. На завод она пришла по совету соседки,

работавшей там бухгалтером. Оформили девчонку табельщицей. Только не минул и первый месяц, как Зина попросилась перевести ее в станочницы.

— Вот тебе и раз, — выговаривала соседка. — Я старалась для нее, а она возьми да и откажись от чистой работы.

— Нет, — оправдывалась Зина, — не по душе мне эта чистота. Ходишь по цеху словно неприкаянная. Перед другими неудобно: все вроде бы при деле, а ты так — сбоку припека. Вот и батя говорит: уж раз пришла на завод, надо учиться настоящему делу.

Мастер, выслушав просьбу Зины, нисколько не удивился. Он давно чувствовал приближение этого разговора, потому что видел, с каким любопытством наблюдала девушка за работой станочников, интересовалась устройством механизмов. А однажды, с разрешения старого токаря дяди Вани, сама выточила на станке несложную деталь.

Учеба на фрезерном станке далась Зине легко. Правда, не обошлось поначалу без курьезов. Росточком она была незавидная, велик для нее оказался станок. Девчонка чуть не в слезы. А рабочие утешают:

— Это дело поправимое. закажем для тебя в столярке специальный помост, будешь как капитан на мостике.

По своей натуре Зина была простым, общительным человеком, а к таким в рабочем коллективе отношение самое доброжелательное. Тем более, все видели, с каким старанием девчонка овладевает своей профессией. Природная смекалка помогла ей быстро освоить настройку станка, переняла она от старших основные приемы работы фрезеровщика, научилась выбирать нужный инструмент для той или иной операции, маневрировать скоростями. Одним словом, через полгода работы никто уже не считал ее новичком. Наоборот, отношение к ней было как к опытной, кадровой работнице.

А мастер однажды предложил:

— Попробуй одновременно на двух станках поработать. Ты проворная — справишься.

Справилась. И получила первую в своей жизни премию — семьдесят пять рублей. Хотела купить себе модную косынку, да уж больно соблазнительно было представить отцу вещественное доказательство своих производственных успехов.

Отец не торопясь пересчитал деньги, пятерку вернул назад:

— Это тебе на кино, на мороженку и прочие удовольствия.

Он знал цену деньгам, потому что сам всю жизнь добывал их нелегким трудом молотобойца. И хоть не лишними они были для хозяйства, отложил их в особую коробку.

Потом премии пошли Зине чуть ли не каждый месяц. То деньгами, то отрезами на платье. Но первая премия долго лежала неприкосновенной. Отец вручил ее дочери семь лет спустя, накануне отъезда в Москву, за получением правительственной награды — медали «За трудовую доблесть».

— Кули косынку, чтобы в Кремле-то понаряднее выглядеть. — Потом прибавил радостно: — Видишь, какая счастливая первая премия оказалась. Не зря я ее сохранил. Это, знаешь, поверье такое в старину было. Приходит к человеку первая большая радость. Чтобы не покинула она тебя — оставь о ней память, положи куда-нибудь в укромное местечко серебряную монетку — к серебру золото идет.

Федор Ильич рассмеялся и, хитро подмигнув супруге, продолжал:

— А я вместо одной монеты — всю твою премию положил! И не просчитался!

Когда в день 8 марта 1960 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Зинаиде Федоровне Уткиной звания Героя Социалистического Труда, она вспомнила этот разговор. Рассказала дочери. А та, не долго думая, и говорит:

— Все по-дедушкиному получилось. Только не монету ты хранила все эти годы, а медаль. Какая разница: она тоже серебряная. Вот теперь к серебряной и золотая пришла.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

Циренщиков Клавдий Иванович родился в 1908 году в Березниках. Двадцатилетним, будучи рабочим содового завода, вступил в члены КПСС. В 1935 году окончил Уральский политехнический институт. С тех пор Клавдий Иванович на инженерных и руководящих должностях на магниевых предприятиях Соликамска и Березников. За заслуги в развитии цветной металлургии он был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями. В 1966 году директору Березниковского титано-магниевого комбината К. И. Циренщикову присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1970 году он вышел на пенсию.

О директоре писать сложнее, чем о рабочем. Но о Клавдии Ивановиче Циренщикове как о рабочем-содовике журналисты опоздали написать «всего» на четыре с половиной десятилетия.

На полюсах этого времени годы — 1926-й и 1970-й. На одном полюсе — восемнадцатилетний юноша, выпускник школы фабрично-заводского ученичества, аппаратчик содового завода. На другом — зрелый человек, инженер-металлург, директор крупнейшего предприятия с многотысячным коллективом, Герой Социалистического Труда. А между этими полюсами — большая жизнь, полная трудового напряжения.

Первыми шагами молодого рабочего на поприще промышленной химии руководил большой знаток содового производства Василий Федорович Чернов. Циренщиков по сей день с особой душевной теплотой вспоминает своего учителя. Это Василий Федорович когда-то напутствовал его, прощая на учебу и возлагая большие надежды на способного и расторопного рабочего.

В Уральский политехнический институт Циренщиков уезжал в числе первой партийной пятидесятки рабочей молодежи в 1929 году. А шесть лет спустя молодой инженер-электрохимик приехал на строительство Соликамского магниевого завода.

Примечательно и то, что вся жизнь Клавдия Ивановича, если не считать нескольких лет учебы в Свердловске, связана с верхнекамскими городами — Березниками, где он родился, и Соликамском, где работал. Его деятельность неразрывна со становлением и развитием цветной металлургии Верхней Камы.

Соликамский магниевый завод был пущен в 1936 году. Инженера Циренщикова назначили тогда начальником смены. Позднее он работал техноруком, начальником цеха, занимался строительством. А во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы возглавлял партийную организацию соликамских магниевиков. В мае 1949-го бывшего парторга ЦК перевели в Березники. Директором нового завода.

Нового? Нет, скажут старожилы. Планировка площадки для завода в сосновом бору над речкой Толыч началась накануне войны — в мае 1941 года. В сентябре были построены первое жилье для рабочих, столовая, общежитие и деревянное здание заводоуправления, служившее, кстати, до середины 1963 года. С началом войны пришлось отказаться от первоначального проекта и сократить сроки строительства. Уже 22 июня 1943 года страна получила первый березниковский магний.

По-скоростному построенный завод просуществовал два с половиной года: в октябре сорок пятого он был остановлен на реконструкцию. Дата его второго рождения — 10 сентября 1948 года. Но тогда уже был готов проект коренного переустройства и расширения предприятия, рассчитанный на шесть лет. Так что Клавдий Иванович приехал на новый завод и для его... обновления.

Третье рождение Березниковского магниевого завода — в начале августа 1954 года. К тому времени на месте деревянных построек выросли просторные корпуса. В электролизном установлены более мощные электролизеры, обновилось оборудование других цехов. И в каждом здании, аппарате — доля труда, мыслей директора.

Было много трудностей. Магниевый завод вырос, но оказался на голодном пайке. Не хватало сырья — карналлита. Строительство и пуск карналлитовой фабрики на первом калийном комбинате затянулись. И если голову директора тронула седина, то она появилась именно в то время.

Очередной отрезок в биографии коллектива и его руководителя можно назвать «пятилеткой титана». В 1955 году заложены первые корпуса производства. В начале февраля шестидесятого получена первая партия губчатого титана. Правда, полностью технологическая нитка титанового передела была завершена два с половиной года спустя, с вводом цеха плавки концентрата. А вскоре после этого, с 1 января 1963 года, завод переименовали в комбинат.

Все последующее время стало для мастеров «крылатых» металлов непрерывной борьбой за интенсификацию производства, совершенствование технологии и аппаратурного оформления цехов, высокое качество продукции. Производство магния и титана выросло во много раз. С увеличением производительности электропечей в цехе восстановления и дистилляции и с сокращением цикла выплавки специалисты комбината сумели увеличить проектную мощность корпуса, в результате чего отпала надобность в сооружении еще одного, нового корпуса. Ориентиром коллективу служило указание XXIII съезда партии о необходимости «значительно расширить производство магния, титана и титановых концентратов».

Уже в шестидесятые годы березниковский титан не уступал по качеству лучшим зарубежным образцам. Губчатому титану двух марок присвоен государственный Знак качества. Металл пользуется большим спросом на мировом рынке и экспортируется во многие страны.

Березниковские металлурги работают прибыльно, потому что неуклонно идут дорогой технического прогресса. Первыми в городе они начали заниматься научной

организацией труда. Первыми разработали план социального развития. Первыми стали внедрять эксперимент щекинских химиков. Многие годы комбинат — постоянный участник ВДНХ. Здесь множество медалистов Выставки, изобретателей, а каждый пятый — рационализатор.

Целенаправленная техническая политика способствует росту производительности труда. Коллектив многократно побеждал во всесоюзном социалистическом соревновании. За успехи в увеличении производства титана и магния, за освоение производственных мощностей в мае 1966 года комбинат награжден орденом Трудового Красного Знамени. А его директор К. И. Циренчиков удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

«АНАНЬЕВО ГОРОДИЩЕ»

Чапалда Ананий Дмитриевич родился в селе Березовке Винницкой области в 1914 году. С 1941 года живет в Прикамье. С начала трудовой деятельности сменил немало профессий: работал электромонтером, слесарем, такелажником. В 1943 году впервые сел за рычаги экскаватора. После войны выезжал строить электростанции в Челябинскую и Ленинградскую области. За выдающиеся успехи в сооружении Камской ГЭС А. Д. Чапалде присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Коммунист Чапалда участвовал в строительстве Воткинского гидроузла. Сейчас он трудится на сооружении комбината синтетического каучука в Чайковском.

Вторую неделю безуспешно пытались врезаться в скальную породу зубчатые ковши экскаваторов. «Видит око, да зуб неймет», — горько подшучивали друг над другом машинисты. И в самом деле, уж на какие хитрости только не шли экскаваторщики. Бревна подкладывали под одну гусеницу, чтобы машине создать крен и ударить по грунту углом ковша. Искры брызгали, ломались зубья у ковшей, а полуметровую броню скального пласта пробить все равно не удавалось.

Начальник участка инженер Блюм целые дни прово-

дил возле экскаваторов. Он растерянно бегал от одной машины к другой, и уж не приказывал, а только просил:

— Ну, попробуйте еще разок, братцы. Ведь должна же она поддаться — не железная!

— Мину бы сюда противотанковую...

— Или из гаубицы навесным огнем...

— Бросьте вы фантазировать, — сердился Блюм. — Сели в калошу, а вам и горюшка мало. Ну, придумайте что-нибудь.

Из всех работавших в котловане экскаваторщиков самым опытным был Ананий Чапалда. На строительство Камского гидроузла он приехал из Ленинградской области, где строил Свирскую ГЭС. Невысокого роста, молчаливый, даже, пожалуй, медлительный, он не производил впечатления ретивого работника. Но чем больше присматривался к нему Блюм, тем большим уважением проникся к этому внешне неприметному человеку.

Как-то начальник участка, наблюдая с пригорка за работой экскаваторов в котловане, отметил одну любопытную деталь. Возле машины Чапалды никогда не выстраивалась очередь грузовиков, отвозящих вынутый грунт. А ведь ко всем экскаваторам было приставлено одинаковое количество самосвалов. В чем дело?

Вот ковш врезался в грунт, загреб породу и, чуть приподнявшись от забоя, пошел вверх. В то же мгновение стрела двинулась влево. Пока ковш поднялся на уровень борта самосвала, стрела уже поднесла его к автомашине. Остановка на мгновение — и из опрокинутого ковша в кузов самосвала посыпалась земля... Новый заход — и повторение той же картины.

«Ну, хитрец! — восхищенно качал головой начальник участка. — Так вот почему нет очередей у его экскаватора. У него же ковш ходит не по ломаной линии, а почти по прямой. Казалось бы, сущий пустяк, несколько секунд выигрыша. А сложи-ка их вместе — глядишь, и час наберется за смену...»

Впоследствии Блюм еще не раз удивлялся сметливости Чапалды. И когда случалась какая-нибудь непредвиденная заминка в деле, связанная с использованием экскаваторов, сам шел за советом к Ананию Дмитриевичу.

Вот и на этот раз состоялся у них деловой разговор. — А что, если попробовать отбойным молотком про-

рубить в скале дыру по размерам ковша? — предложил Чапалда. — Мы бы тогда сразу твердый пласт подковырнули. Снизу-то его легче осилить.

— Это, пожалуй, идея, — согласился начальник участка.

На следующий день окно в скальном грунте было пробито. Чапалда закончил смену, передал машину Мише Аюпову, своему напарнику. Но из забоя не уходил: любопытно было посмотреть, как пойдет дело. Подошли и другие экскаваторщики.

— Давай, Миша, потихоньку...

Ковш точно опустился в окно. Зацепив зубьями кромку твердого пласта, медленно пошел вверх. Раздался хруст камня, а глыба, вывернутая из земли, оказалась на поверхности.

— Вот так! — одобрительно крикнул Чапалда. — Продолжай в том же духе.

Когда экскаваторный ковш углубился в грунт метра на полтора, образовавшуюся канаву быстро заполнила вода. Конечно, удивляться не приходилось — грунтовые воды в этих местах обильные. Пока скальный пласт был целехонек, вода растекалась поверху и вроде бы не мешала работе. А теперь, найдя углубление, она со всей громадной площади устремилась сюда.

— Этак мы, пожалуй, запросто утопим экскаватор, — вздохнул Михаил.

— Не утопим, если с умом будем действовать, — ответил Чапалда. — Тебе на смену вот какое задание: вглубь не лезь, а иди по поверхности, снимай скальный пласт. Придет Гриша Первунин принимать смену — и ему накажи, чтобы расчищал площадку, сдирал скалу. А я к своей смене что-нибудь придумаю.

И придумал. Огородил вынутым грунтом пятачок радиусом размера стрелы экскаватора. Соорудил своеобразную запруду, так что вода со дна котлована не могла проникнуть за барьер. Теперь можно было рыть в глубину до самой проектной отметки и не опасаться затопления.

Начальник участка, пришедший полюбоваться «городом Анания», говорил Чапалде:

— Светлая у тебя голова, парень.

Когда экскаватор, вынув грунт, углубился на три метра и встал на твердое ложе коренных пород, можно было

приступать к расширению «городища». По брусчатому настилу на дно пяточка спустили еще один экскаватор. Поставили его «спиной» к машине Чапалды. И пошла работа. Вначале важно было, выбирая грунт, одновременно следить за целостью бруствера, чтобы вода не проникала в забой. Ну, а потом, когда плацдарм расширился настолько, что позволял открыть фронт работ четырем экскаваторам, о «герметичности» забыли. Да и ни к чему она была теперь. Площадь «городища» стала настолько большой, что грунтовая вода (все-таки пробиравшаяся в «запретную зону») уже не мешала работе людей...

Сейчас на месте «Ананьева городища» стоит здание Камской ГЭС. Совпадение, конечно, случайное, но знаменательное. Строители — это ведь особый народ. Только им предоставлено право при жизни воздвигать себе памятники. Не молчаливые, строгие мемориалы, а вечно живые монументы.

РУКОВОДИТЬ — ЗНАЧИТ ВОСПИТЫВАТЬ

Чернова Нина Михайловна родилась в 1920 году в городе Борисоглебске Воронежской области. Молодым инженером приехала на Березниковскую ТЭЦ № 4, была начальником электроцеха, а в 1959 году стала директором. Под ее руководством была осуществлена реконструкция станции, устаревшее оборудование заменили новым. В апреле 1964 года ТЭЦ № 4 первой в Пермской области было присвоено звание предприятия коммунистического труда.

В 1956 году Н. М. Чернова была награждена орденом Ленина, а в 1966 году ей присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В настоящее время Н. М. Чернова работает заместителем управляющего «Пермэнерго».

Она приняла предприятие в довольно хорошем состоянии. Хотя слово «приняла» здесь кажется не совсем точным. Нина Михайловна приехала в Березники в 1942-м и в течение шестнадцати лет прошла путь от рядового инженера электролаборатории до директора, не пропустив ни одной должностной ступеньки. К тому времени, как ей пришлось возглавить ТЭЦ, она уже всецело сроднилась с коллективом.

Предшественникам Черновой в основном приходи-

лось нажимать на производство: решать вопросы переоборудования цехов, обеспечения топливом. В середине пятидесятых годов стало легче. Появилась благодатная возможность больше внимания уделять труженикам.

Внимание к человеку, к его запросам стало главным в деятельности нового директора.

В это время в стране развернулось движение за коммунистический труд. Сама суть движения, его цели оказались очень близкими Нине Михайловне. И она возглавила на ТЭЦ № 4 «разведку будущего».

Что нужно для того, чтобы предприятие работало на едином дыхании? Прежде всего, доверие и откровенность между членами коллектива. Этому способствовали введенные Ниной Михайловной общие собрания без повестки дня.

Проводили такие собрания раз в месяц. Приходила вся администрация во главе с директором. Рабочий мог задать любой вопрос — о зарплате, жилье, производстве. Выявлялось коллективное мнение, определялись коллективные задачи.

Наиболее острым оказался вопрос с жильем. Нина Михайловна сумела настроить работников станции: коллектив, борющийся за коммунистический труд, в силах решить и жилищную проблему.

Была организована небольшая строительная группа. Связались с рядом организаций в Березниках, изыскивали материалы. В среднем вводили в год по одному дому. Это позволило за несколько лет снести бараки, переселить людей из полуподвалов, многих рабочих и служащих обеспечить благоустроенными квартирами.

Со временем построили ясли, два детских сада, пионерлагерь. Каждого четвертого рабочего стали обеспечивать путевками в санатории и Дома отдыха.

В любом деле Нина Михайловна требовала ясности, избегала формализма. Она добивалась, чтобы в социалистических обязательствах рабочего было отражено все: производственные успехи, семейная жизнь.

Умное вторжение в личную жизнь дало добрые результаты. Однажды к Нине Михайловне пришла группа рабочих и попросила устроить во Дворце энергетиков семейный вечер. Согласие директора было получено. С тех пор большие праздники стали отмечать вместе. Это еще теснее сплотило коллектив.

Нина Михайловна хорошо понимала, что руководитель всегда должен быть с людьми. За девять лет у нее не было ни одного в полном смысле выходного дня. И чем больше отдавала Чернова людям, тем скорее отказывалась от первоначального представления о руководителе как о замкнутом человеке, тем полнее раскрывались ее способности в самых различных областях.

Еще пионеркой она любила петь и читать стихи, с юности увлекалась созданием сценариев для самодеятельности. Приходя на репетиции во Дворец культуры энергетиков или садясь за сценарий, Нина Михайловна забывала, что она директор. А культработников такое внимание окрыляло.

Поиски новых форм воспитания коллектива, особенно «трудных» подростков, увлекали Нину Михайловну как педагога. И возникали университет коммунистического труда, детская школа балета при Дворце культуры, выходила в издательстве книга об истории Березниковской ТЭЦ № 4, создавался музей трудовой славы.

...У каждого человека, у каждого коллектива бывает момент, который можно назвать «испытанием на прочность». Березниковская ТЭЦ № 4 уже носила звание предприятия коммунистического труда, когда ей предложили объединиться с находившейся в трудном положении соседней станцией. Оборудование там требовало капитальной реконструкции, жилищное строительство не велось совсем, дисциплина была слабой.

Как отнесутся к такому объединению рабочие? Какие интересы поставят выше: личные или государственные?

Коллектив понял: надо. И никто не роптал. А через полтора года эта станция практически достигла такого же уровня, как и четвертая.

Девять лет руководства ТЭЦ № 4 прошли для Нины Михайловны как один миг. Она считает эти годы самым счастливым периодом в своей жизни.

СОЗДАТЕЛЬ СЕМЕЙСТВА АШ

Швецов Аркадий Дмитриевич родился в 1892 году в Нижне-сергинском заводе на Урале. Окончил Пермское реальное училище, затем Высшее техническое училище в Москве. В 1921 году начал свою деятельность конструктора авиационных двигателей и в дальнейшем стал родоначальником школы конструкторов авиамоторов воздушного охлаждения. В 1942 году А. Д. Швецов был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Он был награжден пятью орденами Ленина, орденами Суворова и Кутузова, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Выдающиеся заслуги конструктора четырежды отмечены Государственными премиями СССР, ему были присвоены ученая степень доктора технических наук и звание Генерального конструктора авиационных моторов.

Генерал-лейтенант инженерно-технической службы А. Д. Швецов дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР. Аркадий Дмитриевич Швецов умер в 1953 году в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище.

В грамоте Герою Социалистического Труда Аркадию Дмитриевичу Швецову было сказано:

«За Ваши исключительные заслуги перед государством — выдающееся достижение в области авиационного»

моторостроения, поднимающее оборонную мощь Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 24 января 1942 г. присвоил Вам звание Героя Социалистического Труда».

Исключительные заслуги перед государством... Выдающееся достижение, поднимающее оборонную мощь Советского Союза... Какая оценка, и в какое время она дана! Самое начало сорок второго года — фашистскими войсками захвачены Прибалтика, Белоруссия, большая часть Украины, блокирован Ленинград, осажден Севастополь...

Указ был датирован 24 января, а на следующий день Аркадию Дмитриевичу исполнилось пятьдесят лет. Он уже был известным конструктором. Его двигатель М-11 дал жизнь замечательному учебному самолету У-2, на котором прошли первоначальное обучение тысячи советских летчиков. Его М-25 приводил в действие лучшие истребители, сообщая им невиданные скорости. Его М-62 поднимал в воздух боевые машины во время боев у реки Халхин-Гол. И вот теперь был создан принципиально новый двигатель, в котором специалисты увидели одно из высших достижений мирового авиационного моторостроения.

М-82 (впоследствии по имени конструктора названный АШ-82) представлял собой четырнадцатигильзовый двигатель. Все цилиндры располагались звездообразно в два ряда. Размещенные по лучам двух одинаковых звезд, цилиндры задней звезды вписывались в интервалы между цилиндрами передней звезды. Этим достигалось равномерное воздушное охлаждение всего двигателя.

В окончательном варианте, чтобы уменьшить лобовую площадь двигателя, конструктор решил пойти на снижение высоты цилиндров. А для того чтобы укорочение поршней не сбавило мощность двигателя, он увеличил подачу топлива в цилиндры, повысив за счет этого число оборотов.

Собственно говоря, сама двухзвездная схема не была открытием. Такую схему знавали и американские конструкторы. Их четырнадцатигильзовый «Райт-Циклон» считался венцом мирового моторостроения. Но только до той поры, пока не родился проект Швецова.

Аркадий Дмитриевич создал мотор, который отли-

чался от своих заграничных собратьев малой лобовой площадью. Над этим бились конструкторы во многих странах. Они понимали, что такое решение поможет выбирать наилучшие формы фюзеляжа. Но реализовать эту задачу, которая в моторостроении значилась под номером один, никому не удавалось.

Это удалось Швецову. И хотя габаритный диаметр двигателя оказался на сто сорок миллиметров меньше, чем у «американца», мощность его была намного больше. Да и высотность тоже — почти на семьсот метров.

В конструкторском бюро родился первенец семейства мощных двигателей воздушного охлаждения, способных безотказно работать на больших высотах. Это было громадным вкладом в развитие авиации.

Вскоре конструктор истребителей С. А. Лавочкин представил на государственные испытания новую машину Ла-5 с двухрядной звездой Швецова. Истребитель показал себя с самой лучшей стороны. Высокая скорость, хороший вертикальный маневр — все это было у нового истребителя. К тому же звездообразный двигатель был мало уязвим для пулевых попаданий и осколков и являлся как бы броневой защитой для летчика.

На Ла-5 летчики не боялись лобовых атак. Выяснилось, что по скорости он на сорок-пятьдесят километров в час превосходит немецкий серийный истребитель Ме-109Г. Фашистские «мессеры» не выдерживали схватки с Ла-5.

Двухрядная звезда Швецова была словно рождена для истребителя. К ней пришла слава, которую породила невиданная живучесть мотора. А что может быть для летчика важнее надежного двигателя? Вот и шли с фронта письмо за письмом:

«3.09 на самолете Н... один снаряд пробил всасывающее сопло и разорвался под дроссельными секторами карбюратора... Другой снаряд пробил крышку клапанной коробки цилиндра, разорвался и пробил осколками всасывающий и выхлопной патрубки четырех цилиндров. Третий снаряд пробил патронный ящик, всасывающий патрубков цилиндра № 10 и, ударившись о ребра цилиндра № 11, потерял пробивную способность. Мотор работал нормально, и летчик прилетел на свой аэродром, покрыв расстояние в восемьдесят километров от места боя. При посадке летчик мотор выключил зажиганием.

Ваш мотор показал в боевых условиях живучесть, малоуязвимость и надежность».

Подобных писем было множество.

Тем временем Аркадий Дмитриевич модифицировал мотор. М-82ФН — так назывался новый двигатель. Он был построен на основе все той же двухрядной звезды, но оказался мощнее своих предшественников. Примечательно, что габариты и размеры остались прежними. Это упрощало его внедрение в серийное производство и не требовало коренной переделки самолетов. Внешне похожий на прежние моторы, новый двигатель в то же время имел существенное отличие. Аркадий Дмитриевич убрал карбюратор и вместо него установил аппаратуру непосредственного впрыска горючего в цилиндры. Были улучшены системы всасывания и охлаждения головок цилиндров, повышена надежность важнейших деталей и узлов.

М-82ФН на испытаниях показал блестящие возможности. По мощности — 1850 лошадиных сил — он превзошел все прежние моторы Швецова.

Как только государственная комиссия приняла мотор, конструктор С. А. Лавочкин установил его на свой истребитель в новом варианте. Теперь это был Ла-5ФН, отличавшийся большей горизонтальной и вертикальной скоростью.

И опять пошли письма с фронта:

«В результате 39 воздушных боев, проведенных летчиками полка на самолетах с моторами конструкции Швецова, сбито 55 самолетов противника. Наши потери — 3 самолета».

В сорок третьем году Швецов вновь вернулся к своему двигателю. Дальнейшая модификация прибавила ему мощности.

И Лавочкин развил конструктивную схему своего истребителя. Теперь это был Ла-7. Фронтовая авиация получила боевую машину с еще большей горизонтальной и вертикальной скоростью.

Заслуги Аркадия Дмитриевича Швецова перед нашим государством поистине исключительны. Его двигатели подняли в небо самолеты многих прославленных конструкторов — Поликарпова, Туполева, Петлякова, Лавочкина, Ильюшина, Яковлева, вертолеты Миля.

В одном из приветствий, полученных Аркадием Дмит-

риевичем в день его шестидесятилетия, были слова: «Развитие авиационного дела в нашей стране теснейшим образом связано с Вашим именем. Моторы семейства АШ, начиная с построенного Вами 25 лет назад АШ-11, сыграли большую роль в оснащении авиации нашей Родины и в разгроме врага на всех фронтах Великой Отечественной войны».

Можно добавить, что многие двигатели Швецова не устарели и поныне — в век реактивной авиации и освоения космоса. Небывалое, удивительное долголетие!

НОЧНЫЕ ОГНИ

Шипигузов Василий Иванович родился в 1905 году в деревне Закаменной Пермского района Пермской области. В течение восемнадцати лет был бригадиром колхоза «Новая жизнь». Участник Великой Отечественной войны.

В 1947 году бригада В. И. Шипигузова получила высокий урожай зерновых — в среднем по 25,6 центнера с гектара, а с одного из участков площадью 20 гектаров удалось собрать по 34,3 центнера ржи. Это был рекордный урожай в Пермской области. В 1948 году Василию Ивановичу присвоили звание Героя Социалистического Труда.

В 1960 году В. И. Шипигузов вышел на пенсию.

Под вечер Василия Ивановича разыскал Сашка, его четырнадцатилетний сын. Едва перевел дух, выпалил:

— Папка, тебя в правление вызывают! Зуевский председатель приехал...

«Вот оно что! Неспроста, видно, Калинин пожаловал. Не иначе как по поводу соревнования», — подумал Шипигузов.

Перед началом посевной к ним в Закаменную приехала целая делегация из соседнего зуевского колхоза. Гости чинно уселись на бревна во дворе правления, за-

дымили махрой, дожидаясь, когда соберутся звеньевые и бригадиры «Новой жизни».

Открыл собрание Степан Дмитриевич Шипигузов, председатель. Он сказал, что зуевцы вызывают на соревнование. Победит тот, кто быстрее управится с посевной. Итоги будут подведены между бригадами.

Тогда поднялся зуевский бригадир Александр Выблов, крепкий, коренастый.

— В моей бригаде двести двадцать гектаров зерновых. Берем обязательство отсеяться за восемь дней, — заявил Выблов и выжидательно поглядел на хлеборобов из «Новой жизни».

Василий Иванович вышел вперед.

— У меня двести тридцать гектаров. Мы тоже думаем управиться за восемь дней. Площади почти одинаковые, нам, видимо, и надлежит соревноваться.

Подошли друг к другу, пожали руки. Потом составили договор, подписались и пожелали друг другу удачи.

И вот теперь, когда Сашка сказал, что вызывают в правление, Василий Иванович уже знал: его бригада взяла верх в соревновании, отсеялась первой.

Иван Степанович Калинин, председатель зуевского колхоза, поздравил Шипигузова с успехом, сказал, что после окончания всех посевных работ будет общее собрание, на котором подведут итоги соревнования. А когда стал прощаться, шепнул на ухо: «Учти, цыплят по осени считают!»

Провести сев в предельно короткий срок — не самоцель для хлебороба. Яркое весеннее солнце быстро сушит напоенную влагой почву. Запоздаешь с севом — упадет зерно в сухую землю и долго будет лежать, прежде чем пустит росточки.

Надо было дорожить не то что каждым днем, а каждым часом. Тракторов «Новой жизни» выделили немного, использовали их только на пахоте, культивации, а сеяли по старинке, с помощью лошадок. Василий Иванович лично осмотрел всех лошадей, отобрал самых сильных. Собрал женщин-севарей, сказал:

— Вот что, бабоньки. Идите сейчас по домам и ложитесь спать. Завтра утром начинаем.

— Да какое спанье, Василий Иванович, еще солнышко не закатилось...

— Утром подниму всех в половине четвертого...

Соснуть в ту ночь не довелось. Возился с семенами, проверял сеялки, назначил людей на подвозку зерна, а потом, когда отправился отдыхать, встретил тракториста Николая Бажгина. У того трактор встал. Устраняли поломку вместе до половины ночи. Пришел домой, глянул на ходики — четвертый час!

Умылся, выпил кружку молока и отправился будить народ. «Бум! Бум! Бум!» — понеслись над деревней удары металлического стержня о рельс.

В первый день примерялись да налаживались. Засеяли мало — меньше двадцати пяти гектаров. Выблов, по рассказам, отхватил больше тридцати. Поздно вечером Шипигузов провел совещание.

— Если и дальше так станем сеять, провалим соревнование и время дорогое упустим.

— А что же делать, Василий Иванович? — спросила Анна Заморина.

— Что, что... В десять уже темнеет, а с поля уходить обидно...

— Вот если бы ты со свечкой впереди лошади бежал, я бы и в ночь сеяла, — невесело пошутила Анна.

— Со свечкой? Слушайте, бабоньки, а что, если мы на запряга фонари приладим?

Василий Иванович сам удивился неожиданной идее. При фонарях в деревне еще никогда не сеяли. Но надо ж как-то обогнать Выблова!

— У нас шесть сеялок. Больше тридцати гектаров за день мы не выжмем. Если же прихватим и ночные часы, то сорок — сорок пять возьмем. А севарей разобьем на две смены. Самые крепкие и опытные в ночь пойдут. Кто хочет в ночную смену?

Первым поднял руку Сашка. Василий Иванович косо глянул на сына.

— Сиди давай. Еще молоко на губах не обсохло. Я серьезно спрашиваю.

Желающие нашлись. Бригадир наказал им отдыхать до обеда, а сам пошел разыскивать фонари «летучая мышь» и керосин.

Странная это была картина. Поглядеть со стороны — ничего не поймешь: в ночной тьме, будто светлячки, мелькали в поле огоньки. Они следовали по цепочке друг за другом, добирались до леса, к концу гона, и снова возвращались к низине.

У первой сеялки стояла Анна Заморина. Колесо сеялки оставляло на земле след, который был едва виден при свете фонаря идущей сзади второй лошади. Но другой севарь, Мария Кусакина, внимательно следила за этой узкой вмятиной, чтобы не сбиться с линии, не допустить проплешины. Замыкали группу Анна Шипигузова и Мария Усталова. Одной лошадейю управлял полный достоинства Сашка. Отец не хотел брать его в ночь, но Сашка такой рев учинил, что Василию Ивановичу пришлось уступить.

Последний, самый отдаленный, участок засеяли на шестые сутки к двум часам ночи. В тот день даже обедать домой не ездили — Василий Иванович привез горячее прямо в поле.

«Шесть суток вместо восьми! Где уж Выблову за нами угнаться!» — радовались колхозники.

Потом помогали другим бригадам. Летом целыми семьями выходили на прополку — каждый на свой участок.

Василий Иванович с нетерпением ждал уборочной. Слова Ивана Степановича Калинина «цыплят по осени считают» запомнились ему.

И осень не обманула надежд хлеборобов. В том, сорок седьмом, году она выдалась погожей, как говорят, золотой. Бригада Шипигузова собрала богатый урожай. В области он оказался рекордным.

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ

Шипигузов Степан Дмитриевич родился в 1905 году в деревне Закаменной Пермского района Пермской области. Был одним из первых трактористов в районе. С 1937 года в течение семнадцати лет работал председателем колхоза «Новая жизнь». Участник Великой Отечественной войны. За большие заслуги в подъеме сельского хозяйства был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В 1961 году С. Д. Шипигузов вышел на пенсию, но продолжал работать управляющим Осенцовским отделением совхоза «Верхнемуллинский».

Умер Степан Дмитриевич Шипигузов в 1969 году.

Едва заметная тропинка пересекла овражек и взметнулась на пригорок. Идти стало труднее, но Степан Дмитриевич ускорил шаг. Ветер уже склонял до самой земли тяжелые колосья ржи, срывал с деревьев первые поблекшие листья, взметал сизую дорожную пыль. Со стороны Гамово, где еще совсем недавно угасало солнце, медленно, будто нехотя, надвигалась низкая туча. Подбиралась гроза.

Надо было спешить к дому. Отправившись осматривать озимые, Шипигузов не захватил плаща. Покосив-

шись на тучу, он поднял воротник поношенного серого пиджака.

Да, давненько не было дождика. И не нужен он сейчас. Самое время валить рожь в валки, а если занепогодит, вся работа пойдет насмарку — прорастет рожь в валках. А озими вышли добрые. Центнеров восемнадцать-двадцать на круг могут дать.

Тут же управляющий подумал о другом. В последний дождь в телятнике потекла крыша. Давно о перестилке разговоры вели, но решили повременить до осени. Стали искать железо в совхозе, как на грех, ни листа не отыскалось. Тогда Степан Дмитриевич сказал на разнарядке:

— У меня есть кровельное железо. Недавно в городе удалось достать, хотел по хозяйству использовать. Его и возьмем. Не мокнуть же телятам...

Рабочие сразу занялись ремонтом крыши. Вот только управятся ли до дождя?

Он снова глянул поверх качающейся волнами ржи и от неожиданности остановился. По направлению к тропинке прямо среди хлебов двигалось какое-то темное пятно. В наступивших сумерках трудно было угадать, что это такое. И только приблизившись, Степан Дмитриевич улыбнулся — ничего загадочного: шел человек, увешанный огромным ворохом зеленых веток — «веников», заготавливаемых для скота.

Но улыбка мигом сошла с лица управляющего — сколько колосьев подмял и поломал человек, пробираясь напрямик через рожь! Словно бы это поле не его, словно бы этот хлеб чужой!

В руке у человека, а им оказался пожилой разнорабочий, недавно приехавший в совхоз с семьей из соседней области, была еще и корзина. Пока он оправдывался перед управляющим, дважды сменил руку — накрытая ветками корзина тянула к земле.

— Грибков, что ли, поднабрал? — спросил Шипигузов.

— Ага, попалось маленько. Да пошли, а то замочит, — заторопился рабочий.

Степан Дмитриевич тоже по грибы ходить любитель, только, занятый делами, он разве что раз за лето в лес выбирался. А люди вот находят время...

— Ну-ка, покажь! — проговорил он азартно и раздвинул листья в корзине.

И будто ожегся — отдернул руку: под листьями лежали свежие, пузатенькие, с крапинками земли, огурцы.

— Да ты... Да ты что же это? — Он так растерялся, что не мог подобрать нужных слов.

Там, откуда шел рабочий, находились совхозные парники.

— Ну вот что ты сделаешь. — Степан Дмитриевич овладел собою. — Утром отнесешь огурцы в детский сад. Пусть оприходуют. Скажешь, что я заставил собирать. Но знай: еще раз замечу на этом деле, пеняй на себя.

И быстро зашагал своей дорогой.

Зашумел дождь, крупный и частый. Ноги начали скользить. Но замедлять шаг не хотелось.

Чтобы отвлечься, Шипигузов стал думать о завтрашнем дне. Отправить жатки в поле из-за дождя, видимо, не удастся. Но за уборочную он был спокоен. Машины к косовице готовы. Под его руководством трудятся замечательные люди — комбайнеры, трактористы. На их умение можно положиться — не подведут. Обязательства вон какие приняли! Решили убрать все хлеба быстро и без потерь.

Без потерь... Эти слова особенно дороги тому, кто растит хлеб, кто вырывает с корнем дурную траву. Только вырывать ее надо осторожно, чтобы не повредить колос, который всех кормит...

ЧЕРДЫНСКОЕ ЧУДО

Широкшин Иван Иванович родился в 1890 году в селе Покче Чердынского района Пермской области. С детских лет батрачил у местных богачей. В молодости воевал на фронтах первой мировой войны. После Великого Октября возвратился в родное село.

Когда при колхозе «Красный Октябрь» создавался государственный сортоиспытательный участок, для обслуживания его была организована специальная бригада. В нее зачислили и Ивана Ивановича Широкшина. Вскоре он стал руководителем этой бригады и возглавлял ее до последних дней своей жизни.

Госсортоучасток славился отменными урожаями зерновых культур. За это И. И. Широкшин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Умер Иван Иванович Широкшин в 1959 году.

В ту майскую ночь Широкшин не мог сомкнуть глаз. Анна Николаевна только делала вид, что спит, а сама тихонько наблюдала за мужем. Наконец не удержалась:

— Успокойся, Ваня. Глядишь, все обойдется. Да и вставать скоро..:

Широкшин закрыл глаза. Но все равно не спалось. Он вспомнил, как под весну на церкви веником начисто сгребали птичий помет и по скрипучим деревянным лестницам в мешках спускали вниз. Как еще с осени развозили по чердынским школам и учреждениям деревянные ящики и просили не выкидывать золу на свалку, а сыпать в них, а затем эти ящики, погрузив на сани, увозили в Покчу. Как потом, когда уже сошел снег, по утреннему заморозку всей бригадой, с ведрами и лукошками, разбрасывали золу и помет на еще не окрепшую после суровой зимы рожь. Все шло по намеченному плану. С каждым днем пригревало солнце. Приближалась весенняя страда третьего послевоенного года.

Но вдруг похолодало. С севера резанул холодный колючий ветер. Скованная морозом голая земля в некоторых местах потрескалась.

Не сдюжат корни у ржи, оборвутся, — тревожился бригадир. Ведь они еще только начали набирать силу после перезимовок. Эта мысль не давала ему покоя, лишила его сна.

Новое утро не обрадовало. Все так же было холодно и ветрено. Он поднялся с постели хмурый, с домашними в разговор не вступал. Умывшись, без завтрака ушел в правление. На приветствия встречных, несмотря на свой общительный характер, отвечал сдержанно. Но люди знали причину перемены в характере бригадира и не удивлялись.

В правлении со звеньевыми Марией Семеновной Брызгаловой и Елизаветой Павловной Коротких договорился продолжать подкормку. В резерве еще остались зола и навозная крошка. Из брошюр по агротехнике, которые Широкшин брал в местной библиотеке, он знал, что частичное нарушение корневой системы при весенних заморозках хорошо компенсируется интенсивным ростом и развитием растений после дополнительной дозы азота. На этом строился весь расчет.

Потом выпал снег. Пролежал несколько дней и растаял. Под весенним солнцем ржаное поле засверкало изумрудом. У бригадира отлегло от сердца. Но надвигались новые заботы, а с ними новые радости и тревоги.

Бригадир все чаще навещал поле. На собственном многолетнем опыте он отлично знал справедливость народной поговорки: «Весенний день год кормит». В ус-

ловиях короткого северного лета — тем более. Каждый выигранный день — это дополнительное время для созревания.

На сортоучастке соблюдение агротехнических правил было законом. В ту весну за два дня подборошили зябь. Трактор из МТС ждать не стали. Обошлись лошадьми. Под пшеницу и ячмень развезли навоз, раскидали его вилами и запахали под тракторный плуг. Поперек пласта провели боронование.

Пришла пора сева. Особым, только ему присущим чутьем Иван Иванович определял время начала заделки семян.

— Срок сроком, — любил повторять он, — но и спешка не помощник. Прогреется земля на нужную глубину — тогда и жми, не зевай! Овес — не в зачет. Его сей в грязь — будешь князь.

Первый выезд с сеялкой для Широкина был настоящим праздником. Он не отходил от агрегатов до тех пор, пока не убеждался, что семена легли как надо.

А семена были предметом особой заботы бригадира. Ими обеспечивали не только сортоучасток, часть передавали в другие бригады колхоза. Отбирали зернышко к зернышку. Берегли пуще глаза. Дома у Широкина на окнах всю зиму стояли ящики с землей. Из них тянулись к свету нежные стебельки овса, пшеницы, ячменя, листочки гороха с тоненькими прожилками.

Однажды заведующая участком показала Широкину брошюру.

— Здесь рассказывается о важном агроприеме — яровизации семян перед посевом. Не попробовать ли и нам?

У Широкина как человека, склонного к экспериментам, она ожидала поддержку. И не ошиблась.

Подобрали подходящий пустующий дом. Решили начать с пшеницы, вегетационный период которой дольше, нежели у других зерновых культур, возделываемых на севере Пермской области. Широкин горячо увлекся новым делом, почти не отлучался из дома, где проращивали семена перед посевом. На первый раз заложили опытную делянку и убедились, что яровизация — дело стоящее. Пшеница на опытной делянке созрела на неделю раньше, чем на соседних участках.

Лето 1947 года было скудным на тепло и щедрым,

особенно в августе, на осадки. Полегла рожь. Дожди прибили налитые зерном колосья к земле. Их не смогли удержать даже толстые, в палец, стебли. Время не ждало. Бригадир поднял всех, кто мог держать в руках серп. Иного выхода не было. Поле запестрело разноцветьем женских платков. На стерне один к одному ложились тяжелые снопы. Их тут же подбирали и ставили в бабки.

На славу вымахали пшеница, ячмень, овес. Земля щедро оплатила труд земледельца. Когда обмолотили последний сноп, прикинули результат. Зернобобовых собрали на круг по двадцать восемь центнеров. Урожайнее всех оказалась рожь — тридцать девять центнеров с гектара. А гектар пшеницы, о которой чердынские крестьяне до революции знали только понаслышке, уродил двести шесть пудов! Это было чудо. Чудо потому, что подобный урожай на северной земле представляли только в мечтах.

«МИЛЛИОНЕРША»

Штейзель Александра Александровна родилась в 1924 году в деревне Маянкем Александров-Гайского района Саратовской области. После окончания семилетки работала в колхозе, затем в одном из леспромхозов Чувашии. В 1954 году переехала в деревню Бараново Кунгурского района Пермской области, где работает на птицефабрике «Комсомольская». В 1966 году птичница А. А. Штейзель удостоена звания Героя Социалистического Труда.

Однажды комсомольцы-школьники пригласили ее на вечер. Сначала говорили сами, а затем попросили гостью рассказать о своем житье-бытье, о том, за что звезду Героя получила. Подошла она к трибуне, блестя влажными глазами, осмотрела сидящих в зале и ровно заговорила:

— Как жила — долго рассказывать. Не легче, чем все мои сверстницы и сверстники — ваши матери и отцы. У них спросите, они ответят, как воевали, как для фронта работали. Ну, а что касается Звезды, так об этом вся деревня знает. Я у всех на виду живу...

Комсомольцы смутились: ведь и впрямь на их памяти

чествовали всем Барановом Героя Социалистического Труда птичницу Александру Александровну Штейзель. Сами слышали о ее успехах, о ее пристрастии к своим беспокойным несушкам.

Закончила свое выступление Александра Александровна откровением:

— Одно скажу: где бы я ни работала — в приволжском ли совхозе, в чувашском ли леспромхозе или здесь — везде старалась, отдавала свои силы общественному делу.

Да, это было так.

Когда ее пригласили на птицеферму, она несказанно обрадовалась. С детства Александра Александровна любила ухаживать за домашними животными и птицей в особенности. Бывало, целыми часами наблюдала за хохлатками во дворе, познавала их повадки, кормить с рук приучилась. Нравилось ей это дело.

Вот и думала, что на фабрике дела у нее сразу на лад пойдут. Но вскоре поняла, что, кроме любви к птицам, нужны знания о них. Для себя сделала открытие, что птицеводство — целая наука.

Штейзель вместе с другими птичницами училась на Свердловской птицефабрике. Оказалось, что нужно многое знать и о кормах, и о витаминах, и о болезнях птицы. Все записывала, выпытывая каждую тонкость у опытных птичниц.

Шли годы. Александра Александровна уже свыклась со своей беспокойной должностью. На ее глазах росла птицефабрика. В 1958 году здесь было лишь две тысячи кур-несушек и в год получали всего 16 тысяч яиц. А уже в 1964 году Штейзель одна обслуживала около пяти тысяч кур и получила от них миллион яиц. Миллион! Такого в Пермской области еще никто не добивался.

Но как она радовалась, когда впоследствии стали «миллионершами» Екатерина Федоровна Панферова, Мария Ивановна Маньшина, Евгения Николаевна Горохова — ее подруги по ферме! Работали они все старательно, учась друг у друга, помогая друг другу.

Все чаще к Александре Александровне стали направлять учениц. Своих, барановских, и приезжих, с других птицефабрик. Хоть и прибавлялось забот, Штейзель охотно преподавала своим молодым коллегам грамоту птицеводства.

— Вот возьмем кормление. Дело это непростое, а, можно сказать, первоочередное. Чуть ограничишь рацион (как бы, мол, птица не ожирела) — и продуктивность сразу снижается. — Александра Александровна делает паузу, поглядывает на учениц: все ли усвоили. И продолжает: — Куры охотнее потребляют зерно, чем мучные мешанки. И если не ограничивать норму зерна в рационе, то птица мало будет поедать мешанки, которая богата белками, витаминами и всякими минеральными веществами. А это тоже вызывает снижение яйценоскости. И еще. В кормушках нельзя оставлять несклеванное зерно. Его потом птица поест вместо более полезной мучной смеси...

Слушают девчата, временами растерянно переглядываясь. Александра Александровна замечает это, успокаивает:

— Ничего, все постепенно усвоится. Если, конечно, с душой к работе будете относиться. Я тоже не сразу двести яиц от несушки получала.

...Когда идет по деревне эта невысокая женщина, с ней приветливо здороваются стар и млад. Один остановит, чтобы поделиться житейской радостью, другой попросит совета. А с подругами по работе разговор обычно переключается на несушек. Уважаемый человек в Бараново Александра Александровна Штейзель! И не только в Бараново.

Однажды предложили ей перейти на работу в другое хозяйство, прельщали идеальными условиями труда, более высокой зарплатой. Она это приняла за шутку, ибо не могла представить свою жизнь без людей, с которыми познала и трудности, и радости удач. Она нашла свое место на земле и ни на какое другое его не поменяет.

ШАХТЕРСКИЙ ВКЛАД

Яркин Максим Федорович родился в 1912 году в селе Козлово Липецкого района Харьковской области. Получив четырехклассное образование, начал трудовую деятельность. В 1933 году М. Ф. Яркин приехал в Кизеловский угольный бассейн. На шахте имени М. И. Калинина он работал сначала на поверхности, в лесном складе, а затем лесогоном и проходчиком. После Великой Отечественной войны участвовал в освоении Гремячинского угольного месторождения. За выдающиеся производственные достижения М. Ф. Яркин был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Выйдя на пенсию, М. Ф. Яркин переехал в город Макеевку Донецкой области.

Гремячинское месторождение было в центре внимания всего бассейна. На его освоение направляли лучших из лучших. В их числе был и Максим Федорович Яркин. На шахте № 62 он прошел все «ступеньки»: работал проходчиком горных выработок, затем крепильщиком, грузчиком породы, десятником и помощником начальника участка. Где было трудно, туда посылали Яркина.

Максим Федорович по праву считался передовым производственным. Он постоянно заботился о коллективном успехе, всемерно улучшал организацию труда.

С именем М. Ф. Яркина связано много технических новшеств, осуществление которых позволило значительно повысить производительность труда. Это он был инициатором удлинения штанги бура. Штанга не превышала полутора метров, и проходчик решил сделать опыт: он удлинил бур до двух метров. Производительность труда сразу возросла. Ободренный этой удачей, новатор продолжал опыты: он удлинил бур до двух с половиной метров. Теперь скорость проходки стала еще больше.

Слава о новых бурах, позволивших удвоить производительность труда, разнеслась по всему Кизеловскому бассейну. Смелая инициатива Яркина была подхвачена, и все проходчики стали переходить на 2—2,5-метровые буры. Но Максим Федорович на этом не остановился. Он продолжал свои искания, довел длину штанги до трех метров и добился нового роста производительности.

При работе на четвертом горизонте шахты № 62 систематически отставала проходка основных откаточных штреков. Это сдерживало работу очистных забоев. Необходимо было организовать скоростную проходку штрека и нарезных печей. Новое дело поручили Максиму Федоровичу. Он применил 2—3-метровые буровые штанги, соответственно организовав труд в бригаде.

Максим Федорович был не только передовым производственным, но и активным общественником. Коммунисты участка неоднократно избирали его своим партгрупоргом. Он являлся членом партийного и профсоюзного комитетов шахты.

Еще во время войны, в 1943 году, за высокие производственные показатели Максим Федорович Яркин был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1948 году ему было присвоено звание Почетного шахтера. В 1957 году он стал Героем Социалистического Труда.

СОДЕРЖАНИЕ

Добрая школа	5
Аннушкин свет	8
Стратегия бригадира	12
Честь смолоду	16
Пахарь	20
Устремленность	24
Восемьсот этажей	27
Руки рабочих	31
Капитан Мотовилихи	34
Человек и его дело	39
Первая весна	42
Незабываемая смена	45
Чистый сплав	49
На крутых пластах	52
Под Новый год	56
Труженик	60
Драгоценные зерна	63
Свой метод	67
Инженер-новатор	69
Преодоление	72
Крестьянский характер	76
Как закипает сталь	80
Шахтерская слава	83
Когда горит зеленый	87
Без усталы	91
«Я коммунист...»	94
Трудовая слава	98
Трудная осень	101
Дела заводские	105
Думать о людях	109
Высокая должность	113
По приказу наркома	117
Необыкновенная лекция	119
Сердце строителя	123
Академия бригадира	127
Наставник	131
Звезды	135
Хозяин золотых километров	138
Не зная покоя	142
Класс мастерства	146
Новаторский склад	150
Любимый доктор	152
Битва без выстрелов	155
Дух беспокойства	159
Подземный скоростной	164
Сила практики	169
Талант организатора	172
Гордость рабочего	174
По плечу любое задание	178
Первый скоростник	180

Мастер огненной профессии	184
Трудовой подвиг	189
Равняясь на будущее	190
Завидная жизнь	194
Двадцать лет спустя	197
«Главный человек — рабочий»	202
Становление	205
Обгоняя ветер	208
Формула силы	212
Заводской ученый	216
Горячий аттестат	221
Человек из песни	225
Ветеран остается в строю	230
Друг новоселов	234
Прирожденный нефтяник	238
Дорога новатора	243
Дочь коммунара	247
Такая, как все	251
Человек человеку	254
Талант руководителя	257
Проводник технического прогресса	261
Ему покоряются недра	264
Директор «Комсомольской»	267
Первая благодарность	271
Главный резерв	274
Героиня	277
Золотая медаль	281
Жизнь — творчество	285
Место в жизни	291
Линия бригадира	295
Время перемен	299
Родное поле	303
Товарищ директор	307
Гвоздика на ферме	312
Мастер рекордной проходки	316
Жизненный курс	318
Крестьянское счастье	322
Коми-пермяцкий Маресьев	326
Первая премия	331
Большая жизнь	334
«Ананьево городище»	338
Руководить — значит воспитывать	342
Создатель семейства АШ	345
Ночные огни	350
Хозяин земли	354
Чердынское чудо	357
«Миллионерша»	361
Шахтерский вклад	364

ГЕРОИ ТРУДА

Художник **В. Кадочников**
Художественный редактор **М. Тарасова**
Технический редактор **В. Филиппов**
Корректор **Л. Крамаренко**

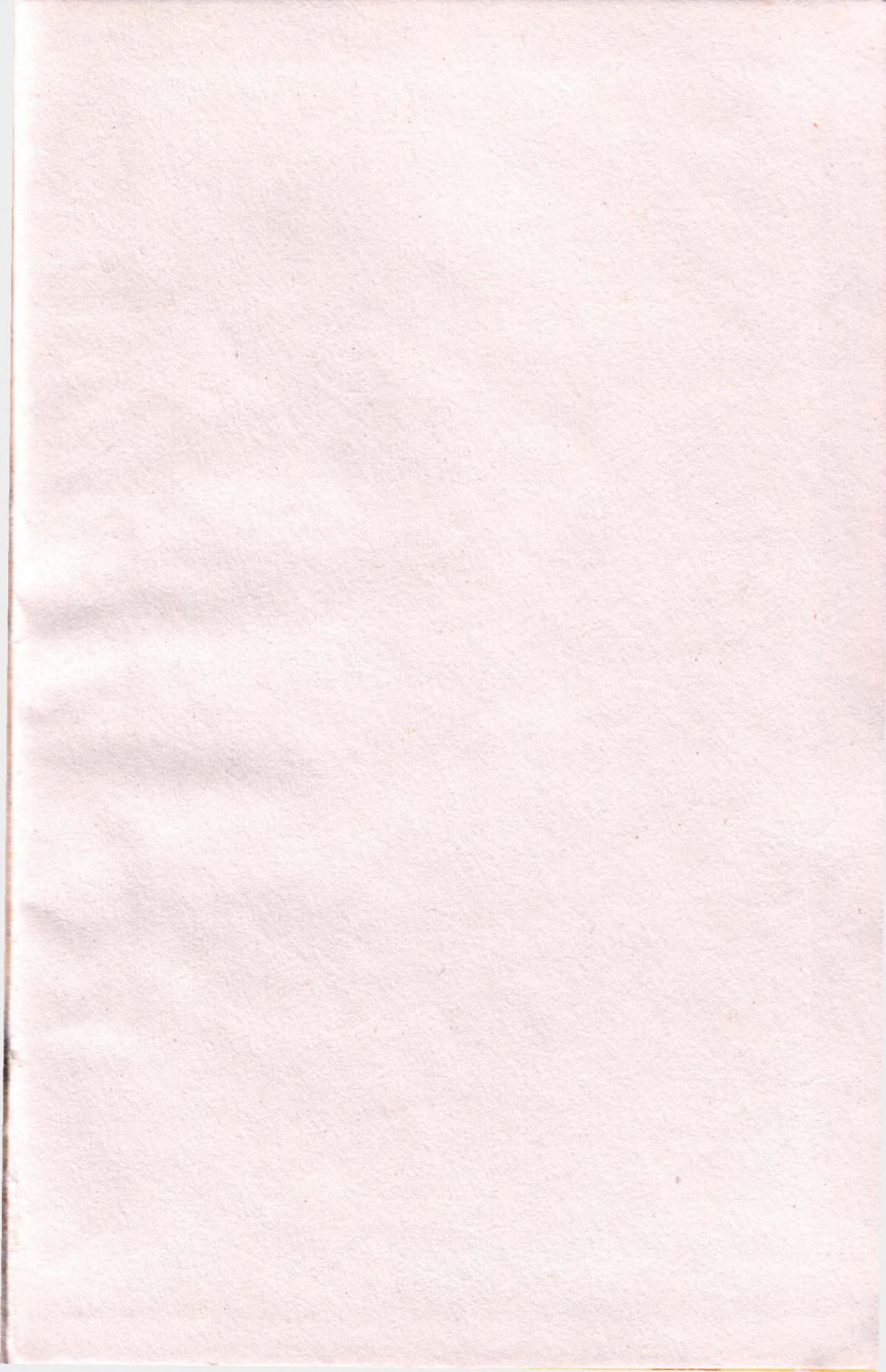
Сдано в набор 30/VI 1970 г. Подписано в печать 28/IX 1970 г. Формат бумаги тип. № 2 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11,5; бум. л. 5,75; (усл.-привед. л. 19,32); уч.-изд. л. 17,126. ЛБ17643. Тираж 5000 экз. Цена 69 коп.

Пермское книжное издательство. Пермь, ул. Карла Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по печати. Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 907.

32СБ 1-9-2
Г39

Герои труда. Сборник. Пермь, Кн. изд. 1970. 368 с., 5000 экз., 69 коп.

Книга очерковых и справочных материалов о Героях Социалистического Труда, работающих и некогда работавших в Прикамье.

66 ken